Л. Чарская

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧКА

Лидія Чарская.

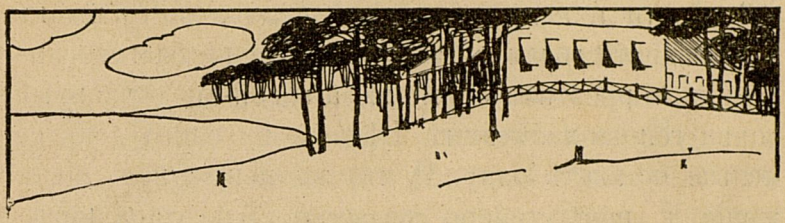
Генеральская дочка.

Повѣсть для юношества.

Тип. Т-ва «Грамотность», 5-я Рождественская, 44.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Генеральская дочка.



Глава первая.

Да, положеніе не изъ пріятныхъ, — произнесъ высокій, сѣдой военный, въ генеральской формѣ.—Что ты скажешь на это, Мари?

Та, которую звали Мари, худенькая, маленькая, болѣзненнаго вида женщина, подняла усталые глаза на мужа и улыбнулась доброй улыбкой.

— Конечно, если-бы Мурочка не была такъ непосредственна.. — тихо прозвучалъ голосъ маленькой генеральши и она отложила въ сторону газету, которую читала.

— Ты называешь это непосредственностью? Гмъ!?.—И генералъ Раевскій неожиданно весело расхохотался.—Дорогая Мари, я всегда говорилъ, что ты была слишкомъ снисходительна къ дѣвочкѣ,—продолжалъ онъ черезъ минуту.

— Постоянно спуская Мурѣ всѣ ея маленькія по-

грѣшности и недочеты ты сдѣлала только то, что къ шестнадцати годамъ изъ нея вышла не благовоспитанная, корректная барышня, а какой-то отчаянный сорви-голова мальчишка. Вѣдь ни на одинъ день ее нельзя оставить одну. И что за непріятное положеніе у насъ теперь создается, благодаря невыдержанности этой дѣвочки! Мнѣ необходимо ѣхать въ Карлсбадъ лечить мои больныя почки, тебѣ—въ Біарриць возстанавливать издерганную за время твоей неутомимой благотворительной дѣятельности нервную систему, а дѣвочку положительно не съ кѣмъ оставить здѣсь. Взять-же ее съ собою значило-бы подвергнуть себя утроеннымъ расходамъ, а ты сама знаешь, что, живя на одно мое жалованіе и не имѣя свободныхъ средствъ, мы не можемъ позволять себѣ тратить много денегъ, Да и кромѣ того что-же это будетъ за леченіе, если намъ придется постоянно думать о томъ, чтобы наша проказница не свернула себѣ шеи въ то время, пока мы будемъ брать ванны или отдыхать послѣ массажа. Охъ, ужъ эти мнѣ баловницы маменьки! Балуютъ дѣтей напропалую, а потомъ и сами не знаютъ, что дѣлать съ ними.

Блѣдное худенькое лицо Маріи Павловны тонко улыбнулось въ отвѣтъ на тираду мужа.

„Не самъ-ли онъ, этотъ, такъ бурно возмущающійся сейчасъ Мурочкиными шалостями и ея чрезмѣрной живостью, Леонидъ Федоровичъ, души не чаетъ въ своей дочуркѣ и, ужъ во всякомъ случаѣ,

не менѣе ея, матери, вноситъ дань отеческаго баловства и огромную дозу снисходительности по отношенію къ шалуньѣ. Вѣдь не было еще случая, чтобы генералъ запретилъ что-либо свой Мурочкѣ. Неоспоримымъ деспотомъ росла дѣвочка въ семьѣ. Хорошо еще, что сама по себѣ натура Мурочки являлась въ высшей степени благородной и честной и дѣвочка обладала, къ тому же, добрымъ сердцемъ, а то, Богъ вѣдаетъ, что могло бы выйти изъ нея!".

На этой мысли генеральша Раевская снова взялась за прерванное чтеніе газеты.

Вдругъ глаза ея приковались къ огромнымъ буквамъ объявленія, напечатаннаго на самомъ видномъ мѣстѣ. Такого страннаго объявленія Марія Павловна еще не встрѣчала за всю свою долгую сорокапятилѣтнюю жизнь: **„Пансіонъ хорошаго тона исключительно для дѣвицъ благороднаго происхожденія"** —гласили напечатанныя жирнымъ шрифтомъ строки.—„Въ семинедѣльный срокъ за весьма умѣренное вознагражденіе обучаютъ молодыхъ дѣвицъ хорошему тону и свѣтскимъ манерамъ подъ руководствомъ опытной наставницы. Принимаютъ воспитанницъ на полный пансіонъ. Прекрасный здоровый домашній столъ. Постоянное наблюденіе наставницъ. Мѣстоположеніе крайне благопріятное для здоровья. Дачный чистый воздухъ. Сосны. Пески. Море. Граница Финляндіи. По Приморской дорогѣ. Станція Дюны. Обращаться за справками лично къ директрисѣ пансіона m-me Sept".

По мѣрѣ того, какъ глаза маленькой генеральши пробѣгали эти строки, легкій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ, а губы сложились въ довольную улыбку.

- Вотъ, прочти,— сказала она, протягивая газету мужу.

Леонидъ Федоровичъ такъ-же быстро пробѣжалъ строки объявленія и поднялъ на жену удивленный взглядъ.

— Насколько я тебя понялъ, Мари, ты хочешь на время нашего отъѣзда помѣстить въ этотъ удивительный пансіонъ нашу Мурочку?

— А почему-бы и нѣтъ? Ты, разумѣется, долженъ будешь съѣздить туда самъ и предварительно узнать, насколько можетъ быть умѣстно пребываніе тамъ нашей дочери. Конечно, былъ-бы лучше устроить Муру у кого-нибудь изъ родныхъ, но, въ данномъ случаѣ, мы съ тобой не счастливые люди; у насъ не осталось въ живыхъ никого изъ близкихъ родственниковъ, а съ нашими дальними кузенами и кузинами мы, въ сущности, такъ мало знакомы, что было бы нѣсколько рискованно отягощать ихъ заботами о дѣвочкѣ, уже одно присутствіе которой въ домѣ ведетъ за собой нѣкоторое безпокойство. Пансіонъ-же въ такихъ случаяхъ незамѣнимъ. Онъ не несетъ съ собой никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ денежныхъ, и я, въ сущности, рада, что это объявленіе попалось мнѣ на глаза.

— Ты права, дорогая Марія,—поспѣшилъ согласиться съ женой генералъ Раевскій,—но я все-таки не могу представить себѣ нашу дѣвочку въ чужой, новой для нея обстановкѣ, одну среди незнакомыхъ людей!—И при этихъ словахъ лицо Леонида Федоровича приняло озабоченное выраженіе.

Марія Павловна улыбнулась.

— Ты забываешь, мой другъ,—сказала она,—что этой дѣвочкѣ пошелъ уже семнадцатый годъ и что она окончила гимназію. Стало быть, надо смотрѣть на нее, какъ на взрослую...

— Но не какъ на благоразумную взрослую, во всякомъ случаѣ?—усмѣхнулся генералъ.

— ... Не какъ на благоразумную, согласна,—подтвердила его жена,—и имѣя въ виду именно это обстоятельство, я и подумала о томъ, что хорошо было бы отправить въ пансіонъ вмѣстѣ съ нашей Мурочкой и Досю. Во-первыхъ, этимъ мы не разлучимъ двухъ неразлучныхъ подругъ, а во-вторыхъ, Досина благоразумія на двоихъ хватитъ, не правда-ли?

— Блестящая идея, что и говорить. И чѣмъ скорѣе мы осуществимъ ее, хотя бы пока только въ проектѣ, тѣмъ лучше,—совсѣмъ уже весело произнесъ генералъ и, подойдя, къ звонку, нажалъ электрическую кнопку.

— Пригласи сюда обѣихъ барышенъ, Спиридоновъ,—сказалъ онъ вытянувшемуся передъ нимъ денщику.

— Слушаю, Ваше Высокопревосходительство! — отрапортовалъ тотъ, и такъ же быстро исчезъ, какъ и появился, словно проваливаясь сквозь землю.

Съ минуту въ гостиной царила полная тишина. Затѣмъ послышались торопливые шаги за дверью. Громкое постукиваніе каблучками, звонкій дѣвичій хохотъ и неистово-радостный собачій лай...

Глава вторая.

Дверь въ гостиную распахнулась настежь. Изъ-за тяжелой портьеры вынырнули два рыжихъ сетера и бѣлый пушистый шпицъ. Съ тѣмъ-же оглушительнымъ лаемъ ринулись они со всѣхъ ногъ къ своимъ хозяевамъ, а слѣдомъ за собаками появилось небольшого роста растрепанное юное существо со смуглымъ неправильнымъ личикомъ, крупнымъ носомъ и припухлыми губками. Неправильность этого некрасиваго личика вполнѣ однако, искупали, веселые, сіяющіе жизнью и задоромъ, сѣрые глаза, да сверкающіе въ улыбкѣ, ослѣпительно бѣлые, зубы.

Съ косымъ проборомъ въ густыхъ, черныхъ, всегда растрепанныхъ волосахъ, съ задорной усмѣшкой и смѣлымъ выраженіемъ въ шаловливомъ личикѣ, Мура Раевская, дѣйствительно, походила скорѣе на разбитного проказника-мальчугана, неже-

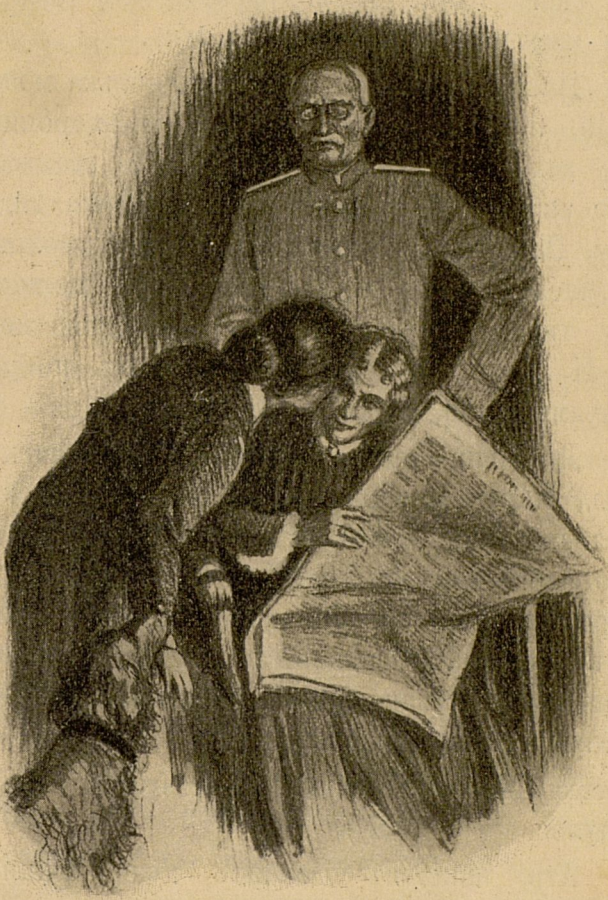
ли на взрослую, закончившую курсъ ученія, барышню.

Широкая синяя мужская матроска (дѣвушка не признавала никакихъ корсетовъ, говоря, что они только стѣсняютъ ея движенія) съ бѣлымъ воротникомъ довершала это сходство.

— Вотъ и мы. Дорогимъ родителямъ почтеніе и привѣтъ! Бардъ, Леди! Тубо! Назадъ! Пушокъ! Ахъ, несносныя собаки, онѣ испортятъ моей крошкѣ мамусенькѣ ея плюшевый капотъ, — веселымъ, громкимъ голосомъ кричала Мура, умудряясь одновременно и цѣловать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичными движеніями свободной руки отталкивать льнувшихъ къ хозяевамъ собакъ, слишкомъ ужъ неистово выражавшихъ свой восторгъ. Съ минуты появленія этой смуглой, веселой, жизнерадостной дѣвушки, казалось, сразу ожили строгія стѣны чопорной гостиной, точно сама фея юности выпорхнула изъ-за тяжелой портьеры, наполнивъ комнату смѣхомъ и радостью, заставивъ раздвинуться въ улыбку губы старика-отца и засіять и помолодѣть увядшія черты матери.

— Ну, птички мои, зачѣмъ вы звали меня?— безпечно смѣясь, спрашивала Мура.

— Кто это птички? Мы-то? Нечего сказать, хороша стрекоза!—притворно-сердито, хмурясь, произнесъ генералъ. — Слѣдовало - бы вамъ нѣсколько почтительнѣе относиться къ вашимъ престарѣлымъ



... Умудрялась одновременно и цѣловать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичнымъ движеніемъ руки отталкивать собакъ.

родителямъ, сударыня,—началъ-было Леонидъ Федоровичъ недовольнымъ голосомъ и тутъ-же оборвалъ свою рѣчь на полуфразѣ. Съ быстротой вихря кинулась Мура на шею отцу.

— Паписька мой сѣденькій, паписька мой славненькій, любименькій, пригоженькій, хорошенькій мой! — залепетала она,—пожалуйста, не вздумай только читать мнѣ нотаціи нынче. Пожалѣй свою Мурку. Посмотри, какъ славно свѣтитъ солнышко, какъ сіяетъ голубое небо и какое весеннее настроеніе у твоей дочурки. Право-же грѣшно портить его.—И говоря это, Мура со смѣхомъ покрывала поцѣлуями глаза, щеки, лобъ и губы отца.

— Да полно тебѣ, Мурочка,—вмѣшалась, наконецъ, Марья Павловна,—дай хоть слово сказать. Садись и слушай, намъ нужно переговорить съ тобой о серьезномъ дѣлѣ. Мы съ отцомъ рѣшили на время нашей заграничной поѣздки помѣстить тебя въ пансіонъ. Вотъ въ этотъ самый пансіонъ, прочти о немъ объявленіе. И маленькая генеральша протянула газету дочери.

Смѣхъ Мурочки оборвался сразу. Смуглое лицо вытянулось.

— Ага, пансіонъ! Значитъ, дѣло принимаетъ наисерьезнѣйшій оборотъ, какъ видно,—протянула она комическимъ тономъ и съ видомъ вполнѣ благовоспитанной барышни, сложивъ ручки на колѣняхъ, усѣлась въ кресло, положивъ газету передъ

собой на столѣ. — Дося! Дося!—крикнула черезъ минуту Мура появившейся на порогѣ гостинной бѣлокурой дѣвушкѣ съ рыжеватымъ отливомъ волосъ и ослѣпительно бѣлой кожей блондинки. Все существо этой дѣвушки дышало врожденной граціей и изяществомъ. А между тѣмъ, дѣвушка эта была сиротою умершаго пятнадцать лѣтъ назадъ простого солдата и поденщицы прачки. Въ документахъ рыженькой Доси значилось: „дочь отставного ефрейтора N-скаго пѣхотнаго полка Евдокія Петрова Кирилова".

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда генералъ Раевскій былъ еще въ чинѣ капитана, полкъ, гдѣ служилъ Леонидъ Федоровичъ, стоялъ въ глухихъ дебряхъ Кавказа. Солдатъ Петръ Кириловъ взятъ былъ капитаномъ въ денщики. Вмѣстѣ со своимъ офицеромъ начальникомъ, Кириловъ часто совершалъ экскурсіи въ горы. Въ одну изъ такихъ прогулокъ нѣсколько человѣкъ горныхъ разбойниковъ напали на Раевскаго и—не подоспѣй къ нему на помощь его вѣрный денщикъ—лежать-бы капитану Раевскому съ воткнутымъ въ сердце разбойничьимъ кинжаломъ на днѣ одной изъ безчисленныхъ дагестанскихъ пропастей. Но Петръ Кириловъ, закрывъ своей фигурой начальника, принялъ на себя ударъ, предназначенный ему, и этимъ спасъ жизнь Раевскому. Леонидъ Федоровичъ никогда и впослѣдствіи не забывалъ этой услуги. Онъ оставилъ у себя въ домѣ раненаго солдата, и съ этого самаго дня офицеръ

и денщикъ стали неразлучны. Послѣ отслуженнаго имъ по солдатскому положенію срока, Петръ продолжалъ службу у Раевскаго. Вскорѣ оба женились, почти одновременно. Въ обоихъ семьяхъ родилось по маленькой дѣвочкѣ. Свирѣпствовавшая одно время на югѣ Россіи холера унесла въ одинъ день Петра Кирилова и его жену, и его маленькая дочурка осталась круглой сиротой на попеченіи Раевскихъ. Леонидъ Федоровичъ и его жена воспитали маленькую сиротку, дочь солдата, наравнѣ съ собственной дочерью Мурочкой, а когда подошло время, помѣстили ее вмѣстѣ съ Мурой въ гимназію, въ одинъ и тотъ-же классъ.

Этимъ Раевскій хотѣлъ, хотя-бы отчасти, отблагодарить покойнаго слугу-друга за свое спасеніе.

Такимъ образомъ, за услугу, оказанную ея отцомъ Леониду Федоровичу Раевскому, Дося была воспитана, какъ настоящая барышня, ничуть не хуже Муры. И молодая дѣвушка платила беззавѣтной преданностью своимъ благодѣтелямъ за всѣ заботы о ней и любила ихъ, и свою подругу Мурочку больше всего на свѣтѣ.

. . . . . .

— Такъ вотъ оно, какъ обстоитъ дѣло! Мои милыя, дорогія птички, улетая въ чужіе края, отправляютъ насъ въ какой-то пансіонъ „хорошаго тона“. Ну, и прехитрые-же вы, мои дорогіе паписька и мамиська; подъ фирмой отъѣзда и леченія за границей хотите научить вашу Мурку хорошему тону

и свѣтскимъ манерамъ. Ха, ха, ха!—И Мура засмѣялась такъ громко, что и бѣлый Пушокъ и рыжіе сетера ужасно взволновались, стараясь проявить во что бы то ни стало, полную солидарность во взглядахъ съ ихъ молодой хозяйкой. Отъ ихъ неудержнаго лая какъ будто все зазвенѣло и загремѣло въ строгой генеральской гостиной.

Внезапно вниманіе Мурочки перешло на собакъ и новая мысль мелькаетъ въ черненькой головкѣ дѣвушки.

— Хорошо, я согласна ѣхать въ этотъ противный пансіонъ, но только въ томъ случаѣ, если со мною туда отправятъ Барда, Пушка и Леди! — рѣшаетъ она внезапно безаппеляціоннымъ тономъ.

— Ого, какое скромное желаніе!—не могъ не улыбнуться генералъ.

— Мурочка, дитя мое, это не совсѣмъ удобно, — тихо протестуетъ маленькая генеральша.

— Въ такомъ случаѣ и я не поѣду. Я остаюсь.

Сѣрые глаза мечутъ искры изъ-подъ черныхъ рѣсницъ. Упрямо складываются пухлыя губки. И скрещиваются по-наполеоновски смуглыя руки на груди.

— Мура, дѣтка моя, — съ укоромъ роняетъ мать, уже предчувствуя бурю.

— Послушай, Мура, — вмѣшивается Дося, и серьезные, строгіе глаза дѣвушки останавливаются на лицѣ ея юной подруги, — если ты рѣшаешь взять съ собой въ пансіонъ всю эту свору,

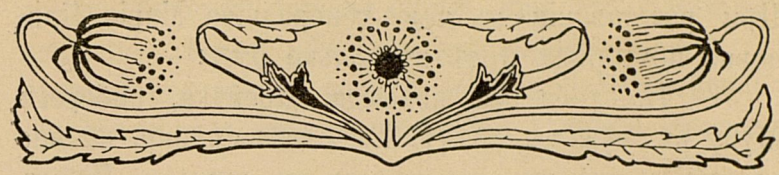
я, въ свою очередь, останусь здѣсь и не поѣду съ тобой. И лицо рыженькой Доси принимаетъ самое энергичное выраженіе.

— Ты?

Мура недовѣрчиво улыбается.

— Да, я... Достаточно было возни съ ними и въ прошломъ году на дачѣ. Помилуй! Пушокъ пропалъ, его едва отыскали. Помнишь? А эта глупая Леди едва не попала подъ поѣздъ. Сколько волненій мы тогда перенесли изъ-за нихъ! Слуга покорный, я не хочу повторенія прошлогодней исторіи. И такъ, выбирай: или ты ѣдешь съ твоими четвероногими друзьями, или...

— Съ тобой! Съ тобой!—не давъ ей докончить, кричитъ Мурочка и бросается со смѣхомъ на грудь подруги. И вся гостиная, какъ будто, снова оживаетъ и смѣется за одно съ нею.



Глава третья.

Какъ медленно, какъ убійственно медленно тянется этотъ несносный поѣздъ! Маленькіе неуклюжіе вагоны Приморской дороги ползутъ, едва-едва подвигаясь впередъ. Мура Раевская съ грустнымъ, противъ обыкновенія, задумчивымъ личикомъ пріютилась въ уголку вагона.

Сегодня съ утреннимъ поѣздомъ ея родители уѣхали за границу. Это ея первая продолжительная разлука съ ними. Два мѣсяца! Безконечные два мѣсяца придется провести безъ нихъ Мурочкѣ! И съ душою, смятой только что пережитыми грустными впечатлѣніями, она замерла въ своемъ уголку, не отрывая печальнаго взора отъ окна.

Около нея пріютилась ея вѣрная подруга Дося. Послѣдняя кажется спокойнѣе Мурочки, хотя и у нея не весело на душѣ. Досѣ, какъ болѣе благоразумной и серьезной дѣвушкѣ, поручили Мурочку.

При разставаніи съ нею генеральша Марія Павловна повторила Досѣ нѣсколько разъ:

— На тебя вся надежда, Досичка, побереги Муру въ чужомъ мѣстѣ. Ты одна имѣешь на нее вліяніе и умѣешь сдерживать ея порывы. Мы съ мужемъ надѣемся на тебя.

Ахъ, хорошо имъ было надѣяться, а каково будетъ ей—Досѣ—оправдать это лестное довѣріе къ ней ея благодѣтелей! Уже съ самаго утра нынче Мура, какъ нарочно, проявляетъ нежелательное упрямство и рѣзко выражаемую такъ некстати самостоятельность. Что-же будетъ потомъ.

Нѣсколько разъ до своего отъѣзда генералъ Раевскій побывалъ въ Дюнахъ, въ пансіонѣ „хорошаго тона“, и, повидимому, вынесъ оттуда самое благопріятное впечатлѣніе. И madame Sept, директриса пансіона, пожилая француженка, и ея сестра, помощница, очень понравились генералу. Не менѣе понравился и самый составъ барышенъ воспитанницъ, и красивое, здоровое мѣстоположеніе пансіонной дачи. И если-бы только не одно обстоятельство, волновавшее Леонида Федоровича, лучшаго нечего было и желать для его любимицы-дочки. Но это обстоятельство, крайне щекотливаго характера, о которомъ онъ предпочелъ умолчать дома, портило все дѣло. Въ первую же встрѣчу съ Раевскимъ, узнавъ отъ него о поступленіи къ ней

двухъ дѣвушекъ вмѣсто одной, при чемъ одной изъ нихъ не дѣвицы „благороднаго происхожденія“, а простой солдатской дочери, madame Sept энергично запротестовала противъ принятія въ свой пансіонъ Доси.

— Въ наше воспитательное заведеніе имѣютъ доступъ только барышни изъ лучшихъ интеллигентныхъ семействъ и непремѣнно дворянскаго происхожденія; а если и допускается исключеніе, то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ,—экспансивно жестикулируя, говорила француженка,—и я смѣю просить, mon general, избавить меня отъ компромисса.

Но Леонидъ Федоровичъ Раевскій отъ „компромисса“ почтенную директриссу не избавилъ, а только значительно увеличилъ сумму гонорара за право поступленія Доси въ ея фешенебельное заведеніе, и madame Sept поневолѣ примирилась съ неизбѣжнымъ зломъ. Оставалось только доставить въ пансіонъ обѣихъ дѣвушекъ. Ихъ поручили отвезти туда компаньонкѣ Раевскихъ, Агатѣ Филипповнѣ. Но, возвратившись послѣ проводовъ родителей съ вокзала, Мурочка энергично заявила Агатѣ Филипповнѣ, что онѣ съ Досей поѣдутъ въ Дюны однѣ. Бѣдная компаньонка, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знала взбалмошный характеръ генеральской дочери, чтобы не понять сразу всей тщетности возраженій. Въ этомъ случаѣ, протестуя больше для очистки совѣсти, Агата Филипповна уже заранѣе предвидѣла свое полное пораженіе. Такъ оно и случилось. Изъ

ея протеста ничего не вышло, и Мурочка съ Досей, забравъ съ собою весь, еще наканунѣ сложенный ими, багажъ, покатили однѣ на вокзалъ Приморской дороги.

Все такъ-же медленно, убійственно-скучно тянется поѣздъ. Мимо оконъ вагона вереницей плывутъ сосны. Цѣлый лѣсъ сосенъ! Сколько ихъ—этихъ розовато-коричневыхъ стволовъ, прямыхъ, какъ исполинскія свѣчи, прикрытыхъ мохнатыми шапками своихъ верхушекъ—осталось уже сзади—не сосчитать!

— Мнѣ скучно, Дося,—провожая эти убѣгающія назадъ розовыя деревья, говоритъ Мурочка, и все ея смуглое личико комкается въ гримасу, предшествующую слезамъ.

Дося поражена. Она никогда еще не видала плачущей Мурочки, никогда не улавливала въ ея голосѣ этихъ „ноющихъ", по собственному Мурочкину выраженію, нотъ. Значитъ, она, дѣйствительно, тоскуетъ. Значитъ, ей, на самомъ дѣлѣ, очень тяжело.

Въ отдѣленіи вагона, къ счастью, нѣтъ сейчасъ другихъ пассажировъ. Слава Богу, можно поговорить по душѣ...

— Я понимаю, какъ тебѣ было грустно разставаться съ твоими, повѣрь, мнѣ и самой очень тоскливо безъ нихъ,—говоритъ Дося, ласково взявъ маленькую смуглую ручку подруги въ обѣ свои.

Но что же намъ дѣлать, Мурочка, если такъ складывается судьба?

— Ужасно она складывается! Ужасно, Дося!— страстнымъ порывомъ протеста вырывается изъ устъ Мурочки.—Не говоря уже о томъ, какъ мнѣ тяжело и тоскливо безъ моихъ птичекъ, я должна еще отправляться въ чужое мѣсто, къ незнакомымъ людямъ, да еще въ добавокъ ко всему, того и жди, пожалуй, что повторится гимназическая исторія. Помнишь, какъ относились ко мнѣ въ гимназіи? И начальница, и классная дама, и даже кое-кто изъ подругъ. Многія шалости и проказы спускались мнѣ въ силу того только, что я имѣю счастье быть дочерью корпуснаго командира — генеральской дочкой. То, что не сошло-бы съ рукъ другой ученицѣ, мнѣ безусловно прощалось. А учителя? Нѣкоторые изъ нихъ,—ты это помнишь, конечно? ставили мнѣ очень снисходительныя отмѣтки, тогда какъ за такой-же отвѣтъ другимъ ученицамъ безжалостно сыпали единицами. Вся гимназія, словомъ, носилась со мною, какъ съ писаной торбой, благодаря папиному высокому положенію, его боевымъ заслугамъ и безукоризненной службѣ. Предчувствую, что все это повторится и теперь въ этомъ фешенебельномъ пансіонѣ. И опять придется быть центромъ всеобщаго вниманія и заботъ, когда совсѣмъ этого не заслуживаешь, не стоишь. И когда я подумаю обо всемъ этомъ, меня разбираетъ такая злость и тоска!.. Ахъ, какая тоска!

— Напрасно, однако, ты злишься и тоскуешь,— засмѣялась Дося,—и я не вижу причины портить себѣ настроеніе, прежде нежели мы попадемъ въ пансіонъ. Если послушать тебя, то ко мнѣ должны были относиться крайне придирчиво и строго въ той-же гимназіи, такъ какъ я дочь простого денщика-солдата. А между тѣмъ помнишь, какъ любили меня тамъ? Просто твое пылкое воображеніе, Мурочка, развертываетъ передъ тобой такія фантастическія картины, которыхъ, пожалуй, въ сущности, и не было никогда, а ты... Мура, что ты? Ты меня не слушаешь совсѣмъ? Да что съ тобою, наконецъ, Мурочка?

И каріе глаза Доси съ выраженіемъ неподдѣльнаго изумленія остановились на лицѣ подруги. Теперь это смуглое подвижное личико, еще нѣсколько минутъ назадъ, полное унынія и грусти, сіяло и улыбалось, сверкая блескомъ глазъ и радостнымъ смѣхомъ, похорошѣвшее до неузнаваемости.

Придумала! Придумала!—вскакивая съ мѣста и хлопая въ ладоши, весело вскричала Мура.—Ты только послушай, что я придумала, Дося. Теперь намъ будетъ безумно весело обѣимъ, и два долгіе мѣсяца въ разлукѣ съ птичками промчатся, какъ быстрый сонъ. Ты подумай только, какъ все мило и будетъ забавно, когда ты пріѣдешь подъ видомъ генеральской дочки съ моими документами въ пансіонъ, а я съ твоими бумагами и метрическимъ свидѣтельствомъ Евдокіи Кириловой. Вотъ-то бу-

детъ потѣха! А, какова моя мысль? Хороша, не правда ли? — и Мура залилась своимъ звонкимъ смѣхомъ, котораго Дося уже не ожидала услышать такъ скоро отъ нея.

— Но..,

— Безъ всякихъ «но», прошу покорно, милая Досичка. Предупреждаю: всякое „но“ отравитъ мнѣ всю мою радость. А мнѣ снова такъ хорошо сейчасъ... Да и къ чему эти всякія „но“, когда нѣтъ ничего нечестнаго и предосудительнаго въ моей затѣѣ. Самая невинная, маленькая шутка! Только и всего! Неужели-же такъ трудно не портить мнѣ моего свѣтлаго настроенія? — съ досадой заключила Мура, и снова личико ея приняло недавнее задумчивое и недовольное выраженіе.

А когда задумывалась Мура, казалось, переставало сіять радостное солнце, и сѣрыя тучи обволакивали небо. Впрочемъ, это казалось однимъ Мурочкинымъ близкимъ, въ томъ числѣ и Досѣ. И чтобы вызвать прежнюю счастливую улыбку на лицѣ своей любимицы, Дося вошла въ сдѣлку съ собственной совѣстью.

— Разумѣется, шутка самая невинная, строго говоря, и если это развлечетъ тебя и доставитъ тебѣ нѣкоторое удовольствіе, то я ничего не имѣю противъ нея,—робко начала она—но...

— Безъ „но“... Безъ „но“... Безъ „но“, прошу покорно, госпожа „Но“!—снова весело захохотала

Мура, бросаясь на шею Досѣ и покрывая поцѣлуями ея милое лицо.

— И такъ, вѣрныя союзницы? Да? Конечно?— протягивая ей свою смуглую руку, смѣясь и сверкая оживившими глазами, спрашивала черезъ минуту Мурочка.

Что оставалось дѣлать благоразумной Досѣ, какъ не пожать эту маленькую смуглую ручонку и не закрѣпить такимъ образомъ ихъ новый союзъ?

Глава четвертая.

Они должны сегодня пріѣхать. Ты приготовила все какъ слѣдуетъ въ комнатѣ генеральской дочери, Эми? — И полная, съ густо напудреннымъ лицомъ и черной пышной фризеткой, дама, произнеся эту фразу на безукоризненномъ французскомъ языкѣ, обратила озабоченный взоръ на свою собесѣдницу.

Послѣдняя, худенькая, высохшая, съ рано поблекшимъ лицомъ, съ мечтательными черными глазками подъ неестественно пышной прической, пожилая дѣвушка отвѣчала своимъ обычно робкимъ нерѣшительнымъ голосомъ:

— Будь покойна, сестра, все приготовлено, какъ ты приказала.

— А коверъ постлали, тотъ самый, съ пушистымъ ворсомъ и пчелками, какъ я говорила?

— Да, конечно, постлали тотъ.

— И мраморный умывальникъ съ зеркаломъ?

— И умывальникъ, и туалетъ.

— Надо принести еще и повѣсить виды Альпъ изъ моей комнаты. А на письменный столъ я дамъ мой новый приборъ. Я же сама обойдусь со старымъ. Когда будетъ повѣшена послѣдняя картина и послѣдняя статуетка поставлена на этажеркѣ, позовите меня. Я хочу судить о впечатлѣніи сразу когда будетъ готово все, каково выглядитъ салонъ.

— Sois tranquille, ma soeur, tout aura lieu, selon ton désir! (будь спокойна, сестра, все будетъ сдѣлано по твоему желанію), — робкимъ, полнымъ готовности услужить своей энергичной старшей сестрѣ, голосомъ произнесла младшая сестра, послѣ чего худенькая m-elle Эми съ озабоченнымъ видомъ вышла сдѣлать послѣднія распоряженія, а madame Susonne Sept принялась за прерванное чтеніе желтаго томика Мопасана.

Сюзана Дерозъ родилась въ Парижѣ седьмого числа седьмого мѣсяца 18 . . года. И эта, какъ бы самой судьбою навязанная ей, цифра семь (sept — по французски означаетъ семь) была признана самой француженкой фатальной.

— Numero sept me portera bonheur (№ 7 мнѣ принесетъ счастье)—рѣшила разъ навсегда Сюзанна Дерозъ и съ тѣхъ поръ носилась съ этой цифрой, какъ съ самымъ близкимъ, и дорогимъ ей существомъ.

Вѣдь надо-же было такъ сложиться обстоятель-

ствамъ, что и фамилія ея мужа означала то же число семь.

Пріѣхавъ послѣ смерти monsieur Sept на заработки вмѣстѣ съ сестрой изъ ея далекой родины въ Россію, madame Сюзана рѣшила открыть пансіонъ „хорошаго тона“ для молодыхъ дѣвицъ. Просто пансіоны, общеобразовательные и воспитательные, размножились въ такомъ количествѣ за послѣднее время, что не стоило открывать ихъ, по мнѣнію предпріимчивой француженки, и она рѣшила изобрѣсти нѣчто совсѣмъ новое, чего еще встрѣчалось въ Россіи. И этимъ „новымъ“ и явился ея пансіонъ „хорошаго тона и свѣтскихъ манеръ“.

По 7-й линіи Васильевскаго Острова находился этотъ удивительный пансіонъ зимою; лѣтомъ-же онъ перекочевывалъ въ поэтичные Дюны на дачу, тоже значившуюся подъ цифрою семь. Курсъ въ пансіонѣ былъ назначенъ семинедѣльный, и не больше не меньше семи воспитаницъ принимались въ него. Семь кроватей, семь письменныхъ столиковъ, семь вѣшалокъ, семь приборовъ было заготовлено для нихъ. Если почему-либо одна изъ пансіонерокъ уходила, распавшееся число семь тотчасъ же пополнялось новой пансіонеркой.

Вѣрная своему принципу, madame Sept даже пріобрѣла семь серебрянныхъ жетоновъ съ цифрою 7 выгравированной на каждомъ, и ихъ воспитанницы должны были носить на груди въ видѣ шифровъ и лишались ихъ при малѣйшемъ поступкѣ,

шедшемъ въ разрѣзъ съ правилами директриссы пансіона. Такимъ образомъ, въ пансіонѣ „хорошаго тона“ существовало даже наказаніе въ видѣ временнаго лишенія жетона, не смотря на то, что въ фешенебельное воспитательное заведеніе madame Sept принимались исключительно взрослыя барышни, уже окончившія курсъ ученія.

И вотъ, прибытіе въ пансіонъ двухъ новыхъ воспитаницъ вмѣсто одной, сразу нарушившихъ главное правило о семи воспитанницахъ не могло не портить свѣтлаго настроенія почтенной дамы.

Восемь пансіонерокъ вмѣсто семи,—о уже одно это обстоятельство могло лишить madame Sept сна и аппетита, а тутъ, къ тому же непрошенная гостья являлась субъектомъ весьма темнаго происхожденія. Солдатская дочка, excusez du peu! И это обстоятельство доставляло мучительную заботу за все послѣднее время почтенной директриссѣ и не давало ей покоя ни на одинъ мигъ. А сегодня оно переживалось еще чувствительнѣе прежняго, въ виду скораго появленія дѣвицъ.

— Эми! Эми!—отбрасывая книгу, снова позвала сестру madame Sept.

— A tes ordres, ma soeur! (къ твоимъ услугамъ, сестра),—появляясь, какъ тѣнь, на порогѣ, произнесла всегда тихая Эми.

— Что дѣлать, Эми? Что дѣлать?—такъ и кинулась къ ней старшая сестра — Ну скажи, пожалуйста, откуда я возьму для этой „солдатки“

— Эми! Эми!—снова позвала сестру madame Sept.

восьмую постель, восьмой умывальникъ, столикъ, зеркало. Наконецъ гдѣ я положу ее спать, гдѣ? Всѣ постели заняты, нѣтъ мѣста для нея... съ отчаяніемъ вырвалось изъ груди француженки, и она вперила въ лицо сестры безнадежный взглядъ.

— О, что касается этого, то я могу ей уступить мою комнату ,— съ готовностью предложила ей кроткая Эми.

— Jamais (никогда)—съ экспансивнымъ жестомъ вскричала Сюзанна Септъ,—никогда я не позволю себѣ сдѣлать этого, моя кроткая, добрая Эми... Не велика птица, эта барышня! Что, если устроить ее въ свѣтлой кладовой? Я прикажу вынести оттуда сундуки и корзины, и комнатка можетъ выйти весьма приличной. Во всякомъ случаѣ, не хуже ея самой. Что она такое? Un parvenue (выскочка), выскочка, воспитанная изъ милости въ генеральскомъ домѣ!

— Но...

— Не противорѣчь, Эми, это правда! Ты слишкомъ покладиста, моя добрая Эми, и готова отдать послѣднюю рубашку каждой. А этого нельзя. Нельзя также прививать гоноръ людямъ низкаго происхожденія. Пусть знаютъ, кто они такіе и что представляютъ собой. И такъ пусть эта маленькая „солдатка“ Кирилова поселится въ бывшей кладовой. Тамъ ей будетъ прекрасно... Позаботься о ея комнатѣ. А я пойду къ моимъ барышнямъ поговорить съ ними по поводу новыхъ пансіонерокъ.

Сестры разстались. Хлопотунья Эми, на которой лежала вся хозяйственная часть пансіона, поспѣшила въ кладовую, въ то время, какъ ея старшая сестра направила свои стопы на садовую площадку, гдѣ воспитанницы ея пансіона вели оживленную игру въ лаунъ-теннисъ.

Глава пятая.

Ихъ было шесть человѣкъ, шесть молоденькихъ барышенъ, въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Прежде всего обращала на себя вниманіе высокая, черноволосая, худощавая молодая особа съ угловатыми манерами и некрасивымъ рѣзкимъ лицомъ, съ котораго не сходило упрямое выраженіе какой то угрюмой рѣшимости. Это была Коровина, будущая трагическая актриса, двадцатилѣтняя дѣвица, готовившаяся на сцену и тщательно разучавшая все время монологи и даже цѣлые отрывки изъ пьесъ драматическаго характера, съ цѣлью поступленія на драматическіе курсы—эти „золотыя ворота“, черезъ которыя молодая актриса попадаетъ по большей части на сцену.

Прозвище „трагической актрисы“ было мѣтко дано Коровиной кѣмъ-то изъ пансіонерокъ.

Подлѣ Коровиной, вооруженная ракеткой для игры въ теннисъ, стояла свѣжая, загорѣлая, съ здоровымъ степнымъ румянцемъ на щекахъ и толстой русой косой, „помѣщица“ Катя Матушевская, игрой судьбы заброшенная сюда изъ далекихъ Уфимскихъ степей, гдѣ жила безвыѣздно четыре года по окончаніи курса въ Саратовскомъ институтѣ.

„Маленькая авіаторша“ Вава Григорьева, прозванная такъ за исключительный интересъ къ воздушнымъ полетамъ, грезившая вслухъ возможностью проводить всю жизнь въ воздушномъ океанѣ, въ мірѣ летчицъ и летчиковъ, на бѣлыхъ крыльяхъ исполинскихъ стрекозъ-аэроплановъ.

Цѣлью жизни Вавы являлась авіація; мечтою сдѣлаться авіаторшей, идеаломъ человѣка—смѣлый предпріимчивый летчикъ. И сама она какъ нельзя болѣе подходила къ этой профессіи.

Воздушная, легкая, подвижная и проворная, она была олицетвореннымъ порывомъ и стремительностью. А немного разсѣянные голубые глазки Вавы отражали въ себѣ кусочекъ тѣхъ далекихъ лазоревыхъ небесъ, куда стремительно уносилась въ мечтахъ эта жаждущая воздушныхъ приключеній шестнадцатилѣтняя дѣвушка.

Баронеса Иза Пель, хорошенькая, точно со старинной гравюры сошедшая въ міръ современной дѣйствительности, черноглазая съ длинными локонами еврейка, была дочерью богатаго барона.

Яркая, талантливая, немного насмѣшливая, индивидуальная личность Изабеллы Пель казалось много серьезнѣе другихъ пансіонерокъ. Впрочемъ и годами она была старше ихъ. Ей давно уже минуло двадцать, и въ фешенсбельный пансіонъ она поступила исключительно съ цѣлью усовершенствоваться во французскомъ языкѣ передъ своей поѣздкой во французскую Швейцарію, гдѣ, по желанію отца, должна была продолжать образованіе.

Пансіонъ madame Sept являлся для нея, такимъ образомъ, переходною ступенью къ той самостоятельности, которая ждала ее въ другомъ заграничномъ пансіонѣ на чужбинѣ, и дѣвушка, пробывъ здѣсь семинедѣльный срокъ, могла постепенно пріучится къ внѣдомашней жизни, прежде нежели уѣхать изъ Россіи.

Такъ, по крайней мѣрѣ, желалъ ея отецъ.

Партнершей Изы была толстая, рыхлая, неуклюжая дѣвушка, съ одутловатымъ, чрезмѣрно бѣлымъ лицомъ, сонливыми глазами и медленными, вялыми движеніями, дочь богатаго купца—Анюта Вилизарьева.

Эта Анюта являлась „bête noir“ (козломъ отпущенія; въ точномъ переводѣ—чернымъ звѣремъ) пансіона madame Sept. Оставляя въ сторонѣ ужасную разговорную рѣчь Анюты, ея чисто-плебейскія словечки, вродѣ „ладно“, „пущай“, „урекнули“, „покушамши“, „ихній“ (Анюта Велизарьева получила домашнее образованіе и закончила его, не

умѣя порядочно написать своей фамиліи), оставляя въ сторонѣ всѣ эти пробѣлы, молодая купеческая дочка приводила въ ужасъ своими манерами чрезвычайно чувствительную къ этому вопросу директриссу.

И если madame Sept нарушила принципъ, принявъ въ свое фешенебельное воспитательное заведеніе купеческую дочку, то только благодаря усернымъ хлопотамъ и обѣщаніямъ исключительнаго характера со стороны самого рара Велизарьева.

— Вы намъ, а мы вамъ,—говорилъ Кузьма Кузьмичъ Велизарьевъ, потрясая съ чудовищной силой руку оторопѣлой француженки въ первый пріѣздъ свой въ пансіонъ,—вы мою Анютку умуразуму-съ научите, всякіе тамъ мерси-съ, боку-съ, да бонжуры съ хвостикомъ, да монплезиры-съ разные не полѣнитесь вколотить дѣвченкѣ, а мы васъ за это, помимо, то есть, законныхъ денежекъ-съ за науку, и все прочее, еще когда и кофейкомъ-съ, и сахаркомъ-съ побалуемъ, крупкою изъ лабаза опять же разною поклонимся, леденьчиками-съ, пряниками-съ, фруктиками-съ и прочими сладенькими финтифлюшками, а вы барышней нашей не пренебрегайте-съ, потому что онѣ у насъ доселѣ жили дубиной стоеросовою, только и всего-съ.

И madame Sept „не пренебрегала“ Анютой. Она приняла Велизарьеву, погрѣшивъ противъ принципа, и за это была вознаграждена съ избыткомъ со стороны богача-купца. Кладовыя и погребъ пансі-

она на городской квартирѣ, въ Петербургѣ, и здѣсь на дачѣ, въ Дюнахъ, были биткомъ набиты колоніальными товарами, которыми бойко торговалъ Кузьма Кузьмичъ Велизарьевъ и которые въ изрядномъ количествѣ поставлялъ теперь въ пансіонъ.

Наконецъ, послѣдняя пансіонерка „хорошаго тона“ была спортсменка Соня Алдина, крѣпко, на совѣсть сколоченная приземистая особа, съ безцвѣтными маленькими глазками и здоровымъ лицомъ, спокойная, уравновѣшенная дѣвица, бредившая спортомъ, и не признававшая ничего иного, помимо него. Она ежедневно дѣлала спортивную гимнастику утромъ и вечеромъ, проводила большую часть своего времени на чистомъ воздухѣ, за партіей лаунъ-тенниса или въ лодкѣ, иногда играла съ дачными сосѣдями мальчуганами въ футболъ, приводя этимъ въ ужасъ почтенную директриссу пансіона или „выжимала“ пуды при помощи тяжелыхъ гирь.

Въ медальонѣ она носила портретъ знаменитаго борца чемпіона міра и очень гордилась своимъ знакомствомъ со всѣми пріемами русской и французской борьбы. Книги не пользовались вниманіемъ Сони, кромѣ спортивныхъ брошюръ, изданій Спорта, или самоучителя шведской гимнастики.

Надъ этими послѣдними она способна была просиживать цѣлые дни. Въ партіяхъ тенниса и крокета она всегда оставалась побѣдительницей.

И нынче, какъ всегда.

Съ гордымъ, самоувѣреннымъ видомъ носилась

она по площадкѣ, выкрикивая съ какою-то особенною на англійскій ладъ манерою термины игры. И ракетка ея опустилась только тогда, когда предъ нею появилась madame Sept, незамѣтно подошедшая къ играющимъ.

— Mesdemoiselles, скоро онѣ пріѣдутъ,—произнесла она по-французски, обращаясь къ пансіонеркамъ,—и вы окажете мнѣ лично большую любезность, если встрѣтите m-lle Раевскую, какъ подобаетъ высокому положенію этой юной особы. Она дѣлаетъ мнѣ большую честь, поступая въ нашъ пансіонъ.

— Поздравляю васъ, madame, съ этой великой честью,—насмѣшливо прозвучалъ низкій грудной голосъ, и баронесса Иза Пель съ торжественнымъ видомъ присѣла передъ француженкой, въ то время, какъ черные глаза ея лукаво и задорно смѣялись.

— О, mademoiselle Иза, это не относится къ вамъ,—не понявъ ея насмѣшки, произнесла поспѣшно француженка, вашъ баронскій титулъ уже говоритъ самъ за себя...

— Я предпочла бы быть простой крестьянкой,—засмѣялась Иза.

— Comment?—глаза madame Sept, бѣгло остановившись на ея лицѣ, скользнули дальше и широко раскрытые, съ выраженіемъ испуга, остановились на фигурѣ „спортсменки“.

— Гдѣ вашъ жетонъ? Гдѣ вашъ жетонъ, m-lle

Sophie?—набросилась она на Соню.—Вамъ всѣмъ необходимо въ полномъ парадѣ встрѣтить вашу новую пріятельницу.

— Какой жетонъ? пожимая плечами, спокойно спросила та.

— Но нашъ жетонъ, выразитель идей нашего, пансіона, Sumero sept? Гдѣ онъ?—волновалась директрисса.

Съ тѣмъ же спокойствіемъ Соня Алдина провела по груди рукою и, не найдя на ней серебрянаго жетона, произнесла, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно глядя въ глаза начальницѣ:

— Мнѣ кажется, что я потеряла его въ пескѣ, когда играла мою партію въ футболъ съ гимназистами.

— Вы опять играли съ гимназистами, несмотря на мое запрещеніе? Mais Dieu de Dieux! Это невозможно! И такъ ваши манеры не отличаются изысканностью, m-elle Sophie, а вы... вы...—и madame Sept чуть было не задохнулась отъ охватившаго ее волненія. Глаза ея съ укоромъ устремились въ лицо провинившейся Алдиной, а съ губъ готовилась сорваться цѣлая огнедышащая тирада, но тутъ громъ колесъ подъѣхавшей чухонской таратайки внезапно прервалъ дѣльнѣйшія намѣренія француженки.

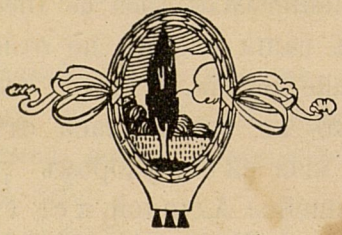
Въ тотъ же мигъ въ дверь террасы просунулось озабоченное лицо m-elle Эми, „масёръ“, какъ за глаза называли кроткую, тихую сестру директриссы

пансіонерки за ея постоянную привычку упоминать о своей энергичной сестрѣ.

„Масёръ“ дѣлала какіе-то отчаянные знаки madame Sept и пансіонеркамъ, и добрые черные глаза ея выражали не то смущеніе, не то страхъ.

— Elles sont là... Elles sont arrivées. (Онѣ здѣсь... Онѣ пріѣхали.)—донеслось отчаяннымъ шопотомъ до теннисовой площадки.

И тотчасъ же озабоченное лицо снова скрылось за балконной дверью. Madame Sept поспѣшила на встрѣчу новымъ пансіонеркамъ.



Глава шестая.

— А у васъ здѣсь очень мило,—произнесла снисходительнымъ тономъ черненькая смуглая дѣвушка, обнимая однимъ быстрымъ взглядомъ и красивую бѣлую пансіонную дачу, стоявшую на горѣ, и мохнатую группу сосенъ, спускавшихся уступами къ самому морю.

Это море сверкало, сіяло и серебрилось сейчасъ на солнцѣ, въ просвѣтѣ деревьевъ, довершая собою красоту ландшафта. А дальше, позади дачи, шли сосновые лѣса и дюны съ ихъ обрывами въ котловины, съ обнаженною желтою грудью песчанныхъ холмовъ.

— Нѣтъ, рѣшительно, здѣсь очень мило!—подтвердила смуглая дѣвушка въ то время, какъ madame Sept разпыхалась въ комплиментахъ передъ ея рыженькой подругой.

— Soyez la bien venue, mademoiselle! (Добро пожаловать!) — пожимая руку Досѣ, пропѣла самыми милыми и сладкими, какія только имѣлись у нея въ запасѣ, нотками француженка, отвѣчая въ то же время небрежнымъ кивкомъ головы на поклонъ Муры. — Мы такъ давно васъ ждали. Monsieur le général votre père не указалъ настоящаго дня пріѣзда, — пѣла она.

„Это прекрасно, это прекрасно! Лучше, нежели я ожидала, она принимаетъ Досю за меня!“ — въ то же самое время радовалась Мурочка, — и такимъ образомъ лишаетъ насъ необходимости лгать. Дѣйствительно, у моей милой Досиньки видъ настоящей прирожденной аристократки, тогда какъ у меня... Фюить!“, и, пряча лукаво заблестѣвшіе глаза подъ длинными рѣсницами, Мурочка съ дѣланной скромностью присѣла передъ madame Sept, протягивая ей бумаги, вынутыя ею изъ дорожной сумочки.

— Не угодно ли взглянуть на мои документы, madame?

Великолѣпнымъ жестомъ небрежной снисходительности madame Sept взяла бумаги, тѣ самыя, въ которыхъ значилось: „дочъ отставного ефрейтора Евдокія Кирилова“, и поджавъ губы, наскоро пробѣжала метрику Доси.

— О, mademoiselle, не безпокойтесь, вы хорошо мнѣ извѣстны и безъ нихъ, — съ любезной улыбкой предупредила она движеніе Доси, которая тоже было протянула ей документы, переданные ей въ

поѣздѣ Мурочкой.—Пожалуйста, оставьте ихъ у себя. А теперь позвольте васъ познакомить, mademoiselle, съ вашими будущими сотоварками,—и, взявъ подъ руку Досю, madame Sept подвела ее къ группѣ дѣвушекъ.

— Дочь генерала Раевскаго, очень извѣстнаго въ военномъ мірѣ, вы, конечно, слышали о немъ?— съ нескрываемой гордостью обратилась директриса къ пансіонеркамъ.

Каждая привѣтствовала Досю по своему.

Коровина съ видомъ самой мрачной рѣшимости пожала ей руку. Рыхлая Анюта протянула ладонь «дощечкой», какъ это дѣлаютъ простолюдинки, и пропѣла пѣвуче:

— Будемъ знакомы. Много наслышаны про васъ отъ нашего папеньки.

Маленькая авіаторша улыбнулась своей далекой улыбкой, дѣлавшей ее прелестной. Спортсменка съ такой силой сжала Досины пальцы и такъ сильно тряхнула ея руку, что бѣдная Дося чуть не вскрикнула отъ боли,

Катя Матушевская привѣтливо улыбнулась ей всѣмъ своимъ свѣжимъ румянымъ лицомъ.

Одна только Иза Пель недовѣрчиво покачала красивой головкой и произнесла, протягивая ей руку:

— А чѣмъ знаменитъ вашъ отецъ? Я знала героя Раевскаго, мы проходили о немъ въ русской исторіи, онъ должно быть вашъ предокъ и воен-

ный герой, но современнаго генерала Раевскаго, простите, я не знаю.

Но Досѣ не пришлось ей отвѣтить.

— А меня никто не хочетъ представить столь милому обществу? Нечего дѣлать, придется это сдѣлать самой, — и смѣющаяся рожица Мурочки выдвинулась впередъ.

— Евдокія, сирѣчь Авдотья Кирилова,—назвалась она, пожимая руки барышень.

— Дунюшка, стало быть, будете. У меня дома тоже сестру Дуняшкой звать. Будемъ знакомы,— подавая и ей руку „дощечкой“, пропѣла Анюта Велизарьева.

— Какая, однако, непріятная особа эта Кирилова и какое у нея плебейское лицо! Сейчасъ видно солдатскую дочку. То-ли дѣло эта прелестная выдержанная Раевская? Она похожа на сказочную принцессу. Это изящество, грація, эта врожденная интеллигентность!—пролетали вихри мыслей въ головѣ madame Sept, пока она детально разглядывала обѣихъ дѣвушекъ, въ то время какъ тѣ знакомились съ пансіонерками.

— Что у нея за солдатскія манеры. Я положительно хорошо сдѣлала, кажется, устроивъ ее въ комнатѣ совершенно одну, — мысленно же заключила почтенная директриса. Потомъ она рѣшительно подошла къ Досѣ, которую дѣйствительно приняла съ первой же минуты ея появленія за генеральскую дочь.

— Позвольте васъ проводить въ вашу ком-

нату, chère enfant,—предложила она съ тою же утонченной любезностью.

— О, mersi, вы очень добры, сударыня, — на изысканномъ французскомъ языкѣ, который она изучила наравнѣ съ Мурочкой, благодаря заботѣ ея благодѣтелей, отвѣчала рыженькая дѣвушка,— но я попрошу пройти туда со мною и мою подругу; мы никогда не разстаемся съ нею.

— Но, на эти семь недѣль вамъ придется измѣнить вашимъ привычкамъ, дитя мое и вы будете жить отдѣльно во все время вашего пребыванія въ моемъ пансіонѣ. Вы — во второмъ этажѣ, у васъ тамъ прелестная комната - салонъ, а m—elle Дуня— въ первомъ. Для нея тоже приготовленъ довольно милый и уютный уголокъ.

— Мою подругу, между прочимъ, зовутъ Досей, а не Дуней, madame—поправила француженку Дося, сопровождая свои слова ледянымъ взглядомъ. — И все-таки я очень прошу васъ, madame, отпустить Досю со мною, хотя бы только сейчасъ на время, если вы уже непремѣнно хотите разъединить насъ.

— О, что касается этого, то пожалуйста, mon enfant, пожалуйста, я ничего не имѣю противъ того, чтобы m-elle Кирилова проводила васъ въ вашъ салонъ.

Тутъ подхвативъ подъ руку Досю и небрежнымъ жестомъ пригласивъ Муру слѣдовать за ними, madame Sept повела обѣихъ дѣвушекъ въ домъ.

По дорогѣ онѣ встрѣтили Эми. Тихая, застѣнчивая „масёръ“ до того растерялась, что стала

отвѣшивать реверансъ за реверансомъ передъ мнимой генеральской дочерью, въ то время какъ „настоящая“ Мура Раевская задыхалась отъ усилія удержать смѣхъ, глядя на нее.

— M-elle Раевская, дочь извѣстнаго генерала Раевскаго, — полнымъ значенія голосомъ представила сестрѣ свою спутницу madame Sept.

— Все выходитъ какъ по-писанному,—торжествовала въ глубинѣ души Мурочка,—и какъ это забавно, и весело все!

Остановившись на порогѣ приготовленнаго для Доси „салона“, какъ называла ея комнату madame Sept, обѣ дѣвушки не могли удержать крика изумленія, вырвавшагося непроизвольно у нихъ обѣихъ. Въ такой роскошной обстановкѣ имъ еще не приходилось жить. Въ домѣ Раевскихъ все было такъ просто, тамъ обстановка не была внѣшней и показной... Здѣсь же, въ этой просторной комнатѣ, дѣйствительно, похожей на салонъ знаменитости, были разложены пушистые ковры, развѣшаны тяжелые, не смотря на лѣтнее время, портьеры, и дорогія хрупкія бездѣлушки, а драгоцѣнная въ старинномъ стилѣ мебель „рококо“, и картины въ изящныхъ рамахъ, и прелестныя японскія ширмы, скрывавшія за собою кровать, дополняли красоту комнаты.

— Ахъ, Боже мой, да зачѣмъ же мнѣ вся эта роскошь?—сорвалось непроизвольно съ губъ Доси, лишь только онѣ переступили порогъ комнаты.— Право же, все это совсѣмъ лишнее, madame!

— Но мы хотѣли доказать вамъ, какъ много дорожимъ вами, m-elle Raevsky,—съ тою же приторно-любезной улыбкой проговорила, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, директриса.—Вы же оказываете мнѣ честь вашимъ поступленіемъ въ мой пансіонъ!

Хорошо еще, что, произнося эти слова, почтенная француженка не обернулась назадъ. А то она увидѣла бы презабавную гримасу, сморщившую смуглое личико второй новенькой пансіонерки, едва удерживавшейся отъ смѣха.

Выходя изъ нарядnаго салона, уже на порогѣ его, почтенная директриса замѣшкалась немного и бросила Мурѣ небрежно черезъ плечо:

— Когда вамъ вздумается, m-elle Кирилова, пройти въ вашу комнату, позвоните прислугу, она васъ проводитъ туда.

— Oui, madame!—съ кроткой покорностью отвѣчала Мурочка, отвѣшивая француженкѣ самый почтительный реверансъ.

— Наконецъ-то, мы однѣ, Дося!—вскричала она, лишь только полная фигура директрисы скрылась за дверью. И обѣ дѣвушки, словно по уговору, бросились въ объятія другъ другу.

— О, милая моя Досичка! Развѣ не веселой и забавной кажется тебѣ вся эта, игра? Видишь, какъ была права твоя глупая Мурка. Разыграно все, какъ по нотамъ, и главнымъ лейтъ-мотивомъ является именно то, чего я такъ справедливо боялась: генеральская

дочь! Теперь, по крайней мѣрѣ, мы потѣшимся вдоволь. Неужели все это не кажется тебѣ забавнымъ и смѣшнымъ? — лепетала Мурочка, давая волю душившему ее смѣху.

— Да, но ровно постольку, поскольку тебѣ это не принесетъ ущерба,—отвѣтила, пожимая плечами, серьезнымъ тономъ Дося. — Воображаю, какую конуру отвела тебѣ эта почтенная дама, разъ сама она называетъ ее „довольно приличнымъ и уютнымъ уголкомъ“. И я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не сумѣю убѣдиться въ пригодности твоего гнѣздышка.

— Ваше высокопревосходительство, смѣю замѣтить вамъ, что вы совершенно упускаете изъ виду ваше высокое положеніе, — торжественнымъ голосомъ, съ важнымъ лицомъ произнесла Мурочка, вытягиваясь какъ солдатъ въ струнку, передъ подругой, и отдавая ей честь по-военному.—И вамъ не слѣдуетъ снисходить, до какого-то „уютнаго уголка“, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

— А все-таки, ужасно сознавать, что, когда я сама пользуюсь всевозможными удобствами, ты будешь ютиться, Богъ знаетъ, какъ!

— Перестань, пожалуйста, ныть, Досинька. Я увѣрена, что моя комната во сто кратъ гигіеничнѣе твоей. По крайней мѣрѣ, тамъ нѣтъ этихъ душныхъ портьеръ и ковра, нѣтъ и разныхъ финтифлюшекъ, которыя я ненавижу за то, что онѣ такъ

легко бьются, — рѣшительно заявила Мура, — и чтобы успокоить тебя, я сейчасъ бѣгу туда, а пока, addio, mia carrissima! Желаю тебѣ какъ можно болѣе успѣха въ твоей новой роли. И съ этими словами Мурочка выпорхнула изъ „салона“.

Глава седьмая.

Свѣтлая весенняя ночь приближается медленными шагами къ землѣ. Уже давно полночь, а на Дюнахъ почти свѣтло, только тамъ, дальше, на лѣсистыхъ холмахъ, гдѣ растутъ стройныя, таинственныя сосны, царитъ навѣянный лѣсной чащей полумракъ. И въ огромномъ саду, окружающемъ дачу, тотъ же сумракъ, таинственный, точно робко-скользящій въ тѣни деревьевъ.

Въ маленькой комнаткѣ, находящейся въ первомъ этажѣ дачи и передѣланной изъ кладовой, гдѣ хранились до сихъ поръ сундуки, корзины и пустые чемоданы, сидитъ Мурочка.

Четыре аршина въ длину и три въ ширину,— вотъ все пространство отведенной ей комнатки. Едва умѣщается въ ней узенькая кушетка, замѣ-

няющая кровать, кроплечный столъ и умывальный столикъ.

Единственный стулъ придвинутъ къ столу, и, сидя на немъ, Мурочка пишетъ.

Пишетъ первое письмо къ своимъ улетѣвшимъ „птичкамъ", какъ она называетъ родителей въ глаза и за глаза. Въ этомъ письмѣ Мурочка описываетъ въ юмористическомъ тонѣ свой пріѣздъ въ пансіонъ, предпринятую ею шаловливую затѣю и получившіеся уже отъ нея блестящіе результаты. „Хотя мнѣ и очень грустно безъ васъ, дорогія мои птички,—пишетъ въ заключеніе дѣвушка,—но тѣмъ не менѣе моя удачная выдумка настолько развлекаетъ меня, что я съ захватывающимъ интересомъ буду слѣдить за ея продолженіемъ и доставлять вамъ самые точные отчеты о ней, мои дорогіе папочка и мамочка. А пока цѣлую васъ ровно столько разъ, сколько можетъ это вынести простой смертный, и прошу не забывать бранить вашу проказницу Мурку въ письмахъ, чтобы дать ей возможность получать ихъ почаще, дорогіе мои".

Письмо закончено. Конвертъ заклеенъ. И маленькій пакетикъ адресованъ въ далекій иноземный курортъ, куда поѣхала чета Раевскихъ. Покончивъ съ письмомъ, Мура нѣсколько минутъ сидитъ спокойно, задумчиво устремивъ взглядъ въ открытое окно. Ночной вѣтерокъ чуть колеблетъ ея растрепанные волосы, освѣжая разгорѣвшееся лицо дѣвушки.

Сейчасъ же снова грустно. Письмо растравило тоску по отсутствующимъ близкимъ. Нестерпимо захотѣлось ихъ ласки. Захотѣлось присутствія вѣрнаго, преданнаго друга подлѣ себя... Неудержимо остро потянуло къ Досѣ, туда, въ ея нарядный шикарный салонъ...

Но чтобы пробраться во второй этажъ къ Досѣ, Мурочкѣ необходимо пройти мимо комнаты директрисы. А та бодрствуетъ, конечно и выскочитъ при первомъ же шорохѣ и станетъ допытываться, куда она Мура, идетъ. По пансіонскимъ правиламъ строго воспрещается заходить другъ къ другу въ ночное время.

— Ночью надо спать, пользоваться отдыхомъ, а не болтать. На это есть день,—разъ навсегда изрекла свое правило директриса пансіона, и строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы пансіонерки слѣдовали ему.

Передъ окномъ Мурочки растетъ стройная душистая липа. Вслѣдствіе ея не въ мѣру разросшихся вѣтвей, маленькой комнаткѣ не суждено видѣть солнца. Глаза Мурочки уже давно прикованы къ этому тѣнистому дереву, принявшему фантастическій видъ въ эту бѣлую ночь. Мура знаетъ, что верхнимъ ярусомъ своихъ вѣтвей липа приходится какъ разъ вровень съ окномъ Доси, помѣщающимся надъ ея, Мурочкиной, комнаткой. И если она, Мура, при помощи развѣсистыхъ вѣтвей липы, проникнетъ черезъ гостепріимное оконце въ салонъ Доси,—ка-

кой славный часокъ откровенной бесѣды и смѣха онѣ проведутъ вдвоемъ!

Мурочка, уже не разсуждая больше, быстро вскакиваетъ на подоконникъ. Вотъ онѣ, эти милыя руки-вѣтви, которыя сами такъ и протягиваются на встрѣчу къ ней... Минута... и Мурочка съ ловкостью, которой могла бы съ успѣхомъ позавидовать любая обезьянка, уже сидитъ на толстомъ суку липы, обхвативъ обѣими руками ея стволъ.

Теперь остается только влѣзть осторожно, перебираясь съ сучка на сучокъ, до той толстенной вѣтки, которая приходится какъ разъ въ уровень съ окномъ Досина салона. Проворно и ловко перебирая цѣпкими маленькими руками, Мура отважно лѣзетъ наверхъ, не уступая въ ловкости и проворствѣ любому мальчугану. Почти достигнувъ сука, она поднимаетъ голову вверхъ и смотритъ въ окно. Какъ жаль, что оно не освѣщено!.. Неужели Дося уже спитъ въ своемъ пышномъ салонѣ?

Какъ можетъ она спать въ эту ночь, полную неотразимой прелести нѣжнаго мая! Неужели же она не чувствуетъ, что ея Мура находится здѣсь, такъ близко отъ нея!

— Дося! Дося! Открой окно!.. Ты меня слышишь? Открой окно, Дося!—шепчетъ Мурочка, вытянувъ шейку.

Но вмѣсто голоса Доси та же полная тишина.

Тогда Мура, протянувъ впередъ руку и изогнувшись всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ, тихонько сту-

Это не она... Гдѣ она? Куда вы дѣли ее?

читъ въ окно... Опять ничего... Ни звука... Какъ будто въ роскошномъ салонѣ нѣтъ ни души.

— Дося! Дося! Я — здѣсь. Отвори!

И, произнося эти слова звонкимъ шопотомъ, Мура уже громче барабанитъ пальцами по стеклу.

Съ минуту она прислушивается, затихнувъ. Никого...

Но вотъ раздаются шаркающіе по полу туфлями быстрые шаги... Развѣ у Доси есть такіе шлепанцы-туфли?..— смутно припоминаетъ Мура. И въ

тотъ же мигъ испускаетъ испуганный крикъ. Въ окнѣ появляется какая-то худая бѣлая фигура, странно напоминающая Мурѣ кого-то, но она рѣшительно не помнитъ кого, съ лицомъ, по своей худобѣ и блѣдности напоминающимъ мертвеца и съ совершенно лысой головой.

— Дося!—невольно вскрикиваетъ Мура.—Дося Это не она... Гдѣ она? Куда вы дѣли ее?

— А-а-а-а!—въ свою очередь вопитъ бѣлая фигура, похожая на скелетъ, — а-а-а! gard aux voleurs! gard aux voleurs! (Берегитесь воровъ, берегитесь воровъ!), а а а-а!

Этотъ вопль такъ отчаянно пронзителенъ и громокъ, что мгновенно поднимаетъ на ноги весь домъ. Смутно сообразивъ объ опасности, Мурочка проворно слѣзаетъ внизъ, ловко скользя съ вѣтки на вѣтку.

Какъ она могла перепутать окна? Непростительная ошибка!

Рядомъ съ роскошнымъ салономъ „генеральской дочки“ madame Sept отвела комнату своей сестрѣ, кроткой, тихой Эми, съ тѣмъ, что бы та могла услужить знатной барышнѣ, дочкѣ, если бы той потребовались ея услуги. Въ ея окно и постучала по ошибкѣ Мура, принявъ его за окно Досина салона.

Теперь, понявъ свою ошибку и едва удерживаясь отъ смѣха, вспомнивъ забывшую впопыхахъ надѣть парикъ m-elle Эми, Мурочка стремительно спускается на землю.

Она поспѣваетъ въ свою „кладовую“ какъ разъ во-время, когда весь домъ, испуганный крикомъ, уже наполнился шумомъ и суетой. Дворникъ и двѣ горничныя, ночной сторожъ и даже толстая кухарка Ильинишна—все это мечется по комнатамъ, отыскивая несуществующихъ воровъ подъ личнымъ предводительствомъ самой директрисы.

— Mais, ou sont ils donc ces voleurs, ou? (Но гдѣ они, воры, гдѣ?)—взываетъ почтенная француженка, вооружившись зонтикомъ и заглядывая во всѣ углы, въ то время, какъ несчастная, перепуганная „масеръ“, успѣвъ накинуть капотъ на свое тощее тѣло и кое-какъ нахлобучить парикъ на совершенно лишенную волосъ голову, увѣряетъ всѣхъ и каждаго, трясясь, какъ въ лихорадкѣ:

— Mais, oui! Oui, c'etait lui! C'etait le voleur! Я видѣла его глаза... Они были ужасные... Они горѣли алчнымъ огнемъ, какъ у тигра или у шакала... И въ рукѣ онъ держалъ ножъ, огромный ножъ...

— Его слѣдовало угостить партіей англійскаго бокса, — вставила, выслушавъ объясненіе перепуганной дѣвицы, разбуженная вмѣстѣ съ другими, „спортсменка“, — по крайней мѣрѣ, навсегда отбило бы охоту залѣзать въ чужой домъ.

— Ахъ Ты, Господи, угодники Божіи, страсти-то какія у васъ дѣются! Безпремѣнно папиньку просить буду взять меня отседа. Ужъ ежели разъ жулики объявились—безпремѣнно и вдругорядь при-

дутъ... Да еще ножъ припасенъ съ ими. Господи, страсти какія!—и, вся дрожа своимъ рыхлымъ тѣломъ, бѣлая, какъ мѣлъ, Анюта Велизарьева едва могла прійти въ себя.

— Неужели съ ножомъ и вправду? — въ тонъ ей испуганно шепчетъ Катя Матушевская.

— Ахъ, все это такія глупости, что и слушать стыдно,—слышится насмѣшливый голосъ баронессы Изы.—M-elle Эми просто показалось все это. Какіе же воры придутъ въ свѣтлую, прекрасную майскую ночь?

— Правда, правда,—подхватила маленькая авіаторша.

— Но если у нихъ былъ ножъ?.. Значитъ, это были все-таки воры!—мрачно вставляетъ трагическимъ тономъ Коровина.

— Но, Боже мой, въ такомъ случаѣ и наша почтенная кухарка Ильинишна тоже воръ и разбойникъ, потому что я нѣсколько разъ собственными глазами видѣла ее, вооруженную ножомъ.—И черные глаза баронессы Пель насмѣшливо щурятся, пробѣгая по все еще взволнованнымъ лицамъ пансіонерокъ.

Всѣ невольно смѣются.

Громче всѣхъ хохочетъ Мура. Ей удается, наконецъ, проникнуть къ Досѣ, и, трясясь отъ смѣха, настоящая генеральская дочь повѣряетъ мнимой ге-

неральской дочери только что происшедшее съ нею траги-комическое происшествіе.

Но Дося, однако, не раздѣляетъ ея веселости.

Дося смущена немало, — Вотъ оно начинается! Только-что пріѣхали, а уже начались обычныя шалости и проказы. И вѣдь она могла упасть съ дерева и разбиться на смерть, къ довершенію всего эта нелѣпая Мурочка.

Вздрогнувъ отъ одной этой мысли, Дося принимается ласково выговаривать Мурѣ за ея поступокъ. Но та только звонко хохочетъ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это было восхитительно, я тебѣ говорю!—едва находитъ она силы произнести между взрывами смѣха: — ты представь себѣ только эту картину: длинная, бѣлая рубашка, точно саванъ мертвеца, совершенно голый, голова, какъ черепъ, и вопитъ благимъ матомъ: А-а-а! Les voleurs! Gard aux voleurs! (Воры,—берегитесь воровъ!).—Есть отчего умереть со смѣху! А я и не подозрѣвала, что милѣйшая Эми носитъ парикъ! Ха, ха, ха!

— Тише, тише, услышатъ!

— Ахъ, Дося, мнѣ хочется прыгать, безчинствовать и кричать!

— А ты должна лечь спать вмѣсто этого, какъ пай-дѣточка.

— У-у, какъ скучно!

— Что дѣлать, дѣтка моя!

— Въ такомъ случаѣ, спокойной ночи, молоденькая мамаша.

— Пріятнаго сна, моя милая дочка.

И, крѣпко обнявшись на прощаніе, обѣ дѣвушки расходятся по своимъ комнатамъ, чтобы уснуть безъ помѣхи на этотъ разъ.

Глава восьмая.

Іюнь. Полдень. Знойно палятъ горячіе лучи солнца. Доводитъ до изнеможенія мучительная лѣтняя духота. Затихъ, сѣрый заливъ, безъ признака ряби застыла, какъ неживая, сонная поверхность его. Дремлютъ безъ движенія старыя сосны. Притихъ шалунъ вѣтеръ. Замерла измученная зноемъ природа. Острѣе и крѣпче чувствуется въ этой духотѣ пряный запахъ цвѣтовъ: пышныхъ алыхъ и бѣлыхъ розановъ, геліотроповъ, левкоя, резеды, красующихся на садовыхъ клумбахъ.

На обширной площадкѣ, устроенной для игры въ теннисъ, царитъ та-же мертвая тишина. До игры-ли при сорокоградусной жарѣ нынче?

Жалюзи надъ окнами даютъ нѣкоторую иллюзію прохлады и красивый желтоватый полусвѣтъ.

Благодаря имъ, еще можно заниматься въ гости-

ной. Здѣсь madame Susanne Sept даетъ свой обычный урокъ. Сама директриса сидитъ на своемъ обычномъ преподавательскомъ мѣстѣ, въ „красномъ углу“, какъ прозвала Иза Пель это привилегированное мѣсто почтенной дамы. Вокругъ нея восемь молодыхъ дѣвушекъ размѣстились на легкихъ бамбуковыхъ стульяхъ. Иза Пель съ ея умными насмѣшливыми глазами и тонкимъ классическимъ личикомъ, Катя Матушевская, Анюта Велизарьева, едва не засыпающая отъ томленья іюльской жары, и прочія пансіонерки.

Подальше отъ француженки помѣстилась Мура. Рядомъ съ madame Sept, по обѣ стороны, устроились ея самыя „почетныя“ воспитаницы: баронесса Иза и Дося Кирилова, успѣшно оріентировавшаяся въ роли генеральской дочки за мѣсяцъ пребыванія ея здѣсь.

— Вы должны знать, mesdemoiselles, — тянетъ, изнемогая отъ жары, усталымъ голосомъ на своемъ безукоризненномъ французскомъ языкѣ директриса пансіона,—что грація движеній есть одно изъ самыхъ первыхъ достоинствъ свѣтской, хорошо воспитанной дѣвушки. Напримѣръ: какъ просто, кажется, поднять съ пола упавшій платокъ, а между тѣмъ, это можно сдѣлать неловко и неуклюже. d'une manière incroyable и тонко, изящно, легко. M-elle Sophie,—неожиданно обращается она къ Аладиной,—подтвердите мои слова на дѣлѣ, я бросаю платокъ, поднимите его.

Соня Алдина проворно поднимается съ мѣста и своей размашистой, широко шагающей походкой спортсменки, которой она очень гордится, направляется къ платку.

— Ни съ мѣста! — громко кричитъ Мурочка, порывисто бросаясь впередъ и пересѣкая дорогу Сонѣ,—или вамъ не совѣстно исполнять работу домашней собаки? Той только крикнуть: „apporte“, и она готова служить.

Что такое? Глаза madame Sept грознымъ уничтожающимъ взоромъ пронизываютъ „нахалку“. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ эта невозможная „солдатка“ отравляетъ ей жизнь, противорѣча на каждомъ словѣ. Когда она, непрошенная и нежеланная, водворилась въ ихъ фешенебельномъ пансіонѣ, былъ конецъ мая, теперь же іюнь уже на исходѣ, а между тѣмъ за весь этотъ мѣсяцъ сколько непріятностей и бѣдъ доставило имъ съ Эми это невозможное дитя! Начать съ того, что съ первой же ночи своего пріѣзда она до смерти напугала бѣдную кроткую Эми, не дѣлавшую никому вреда, и сама цинично призналась въ этомъ на другое утро. И безъ малѣйшаго раскаянія притомъ!

Потомъ чуть не утопила любимую сибирскую кошку ея, Сюзанны, вздумавъ выкупать прелестнаго звѣрька въ бочкѣ съ дождевой водою.

А надпись ея, сдѣланная мѣломъ на воротахъ главнаго входа въ пансіонъ и торжественно гласившая:

„Берегитесь бѣшеныхъ собакъ“!.. О!

Вслѣдствіе этой надписи пансіонъ цѣлый день осаждали полиція и члены дачнаго благоустройства, приходившіе дѣлать выговоръ madame Sept по поводу легкомысленнаго укрывательства ею бѣшеныхъ собакъ у себя на дачѣ. Но и этимъ еще не кончались „художества“ солдатки, какъ заглазно называла, отводя душу, почтенная директриса шалунью. Ея дерзость дошла до такой степени, что она вывѣсила объявленіе о сдачѣ комнаты со столомъ за крайне умѣренную цѣну надъ окномъ директрисы и превратила, такимъ образомъ, фешенебельное заведеніе въ какую-то колокольню. То и дѣло раздавались звонки у воротъ дачи, и желающіе нанять комнату съ полнымъ пансіономъ за „крайне умѣренную плату“ приставали съ разспросами къ прислугѣ, пансіонеркамъ и къ самой директрисѣ.

Виновница же всѣхъ этихъ происшествій, хохотала до упаду, когда madame Sept вздумала читать по этому поводу ей нравоученіе.

Изъ числа штрафныхъ не выходитъ она весь мѣсяцъ, эта несносная Дося, это enfant terrible (ужасный ребенокъ) почтеннаго пансіона madame Sept. Серебряный жетонъ съ цифрою 7 хронически отсутствуетъ на ея груди. А косые взгляды, бросаемые на нее директрисой, подтверждаютъ недовольство ею.

Но ей какъ будто до всего этого столько же дѣла, сколько и до сегодняшняго урока, тогда какъ

madame Sept имѣетъ твердое намѣреніе продолжать его, такъ или иначе.

Чтобы поразнообразить свои занятія съ пансіонерками, почтенная директриса старается вовлечь своихъ воспитанницъ въ свѣтскую бесѣду, причемъ изображаетъ собою какую-то очень важную титулованную особу.

— Какъ проводите вы вашъ день дома?—спрашиваетъ она „помѣщицу“ Варю, отъ имени воображаемаго графа или князя

Та смущенно объявляетъ директрисѣ, что встаетъ она съ пѣтухами и цѣлые дни проводитъ въ полѣ, наблюдая за полевыми работами.

— ...Дальше, дальше, mademoiselle.

— А вечеромъ часто хожу въ хлѣвъ и сама дою рыжую буренку.

— Comment? — и madame Sept даже подпрыгиваетъ отъ неожиданности на своемъ стулѣ.

— Какъ? Но вы забыли, m-elle, что передъ вами сейчасъ графъ N. свѣтскій господинъ, важный собесѣдникъ.

Катя смущается. Ея маленькихъ глазокъ сейчасъ совсѣмъ не видно.

— Pardon, madame, этого, кажется, не слѣдовало говорить,—красная до ушей, говоритъ она.

— Вотъ ужъ напрасно. Что вамъ стѣсняться какого-то дурацкаго графа, — хохочетъ Мура, которая, какъ никто, радуется инциденту, — навѣрное какой-нибудь набитый дуракъ, этотъ графъ съ мо-

ноклемъ въ глазу, называющій — навозъ одѣяломъ плодородія, а свинью—ветчиной! Ха, ха, ха!

— Qu'est-ce que vous dites la? (что вы тамъ говорите?)—не понимаетъ француженка и, не получивъ отвѣта, продолжаетъ „репетицію хорошаго тона", какъ она называетъ эти занятія съ пансіонерками.

— Ваша очередь, m-elle Annette!

Всѣ смотрятъ на Велизарьеву, пріютившуюся въ укромномъ уголку, и веселый взрывъ смѣха оглашаетъ комнату.

— Мымм!—мычитъ всхрапнувшая подъ шумокъ и музыку „купчиха". — Мымм! Нешто время идти ужинать?

И ея бѣлое рыхлое лицо съ безсмысленно остановившимся взглядомъ такъ комично въ эту минуту, что даже требовательная madame Sept не можетъ разсердиться на эту такъ несвоевременно заснувшую дѣвушку.

— Вотъ такъ бесѣда съ графомъ! Фюитъ — свиститъ Мурочка и заливается смѣхомъ.

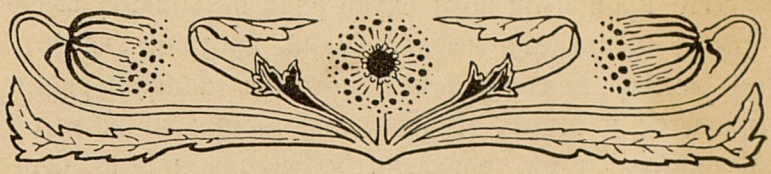
Почтенная директриса останавливается на ея лицѣ грознымъ взглядомъ.

— Mademoiselle, если у васъ нѣтъ желанія заниматься, не мѣшайте другимъ, повторяю вамъ это во второй разъ, — говоритъ она — Можете выйти, если желаете. Все равно, мои уроки не принесутъ вамъ пользы,—съ уничтожающимъ презрѣніемъ заключаетъ француженка.

— Я въ этомъ не мало не сомнѣваюсь, madame,— не остается въ долгу Мура и, широко пользуясь даннымъ ей правомъ, порывисто встаетъ, причемъ роняетъ стулъ и едва не разбиваетъ фарфоровую лампу, стоявшую подлѣ на высокой тумбѣ.

— Тралллляляля, — напѣваетъ она себѣ подъ носъ веселенькій мотивчикъ, направляясь къ двери. Полный укора взглядъ Доси слѣдуетъ за нею отъ рояля. Но Мурочка дѣлаетъ видъ, что не видитъ его и, какъ ни въ чемъ не бывало, птичкой перепархиваетъ порогъ комнаты.

— Слава Богу, вырвалась на волю!—говоритъ сама себѣ со вздохомъ облегченія шалунья, — ну, ужъ теперь больше ни за какія коврижки вамъ не заманить меня на вашъ дурацкій урокъ!



Глава девятая.

Какая тоска, однако, что бы придумать такое?

Изъ гостиной все еще доносятся соната Бетховена, голосъ madame Sept, продолжавшей свои занятія и вполнѣ, очевидно, вошедшей въ свою „графскую“ роль, и отвѣчающіе ей нетвердые голоса пансіонерокъ.

Мура машетъ рукой и смѣется.

— Дорогой графъ, мое любимое занятіе перевозить навозъ, доить коровъ или париться въ банѣ,— съ величественными жестами, отвѣшивая низкіе реверансы невидимому собесѣднику, говоритъ она, стоя за дверью.—Ха, ха, ха! Милый разговорчикъ, нечего сказать!—и заливается смѣхомъ. Но въ глубинѣ души ее все-же точитъ червячекъ скуки. Пансіонерки на урокѣ, Доси нѣтъ, не съ кѣмъ слова сказать.

Не пройти-ли пока скуки ради въ комнату m-elle Эми? — мелькаетъ мысль. Тихая, кроткая „масеръ“ не менѣе, нежели всѣмъ прочимъ пансіонеркамъ, нравится и Мурѣ. Правда, она немножко не въ ея, Муриномъ духѣ, размазня и тихоня, но въ сущности, славный экземпляръ, по мнѣнію Мурочки, и, право, не грѣхъ, зайти къ ней съ визитомъ въ неурочное время.

И съ самыми благими намѣреніями сразу оживившаяся дѣвушка стучитъ въ дверь m-elle Эми.

— O n'entrez pas, n'entrez pas! (Не входите! Не входите!—раздается оттуда испуганный голосъ.

Этого вполнѣ достаточно для того, чтобы, движимая неопреодолимымъ любопытствомъ, Мурочка широко распахнула дверь.

Bonjour, m-elle Эми! Что вы дѣлаете здѣсь?— говоритъ она самымъ невиннымъ тономъ, вытягивая шейку и любопытными глазами обѣгая комнату.

— О, о!—визжитъ сконфуженная Эми и набрасываетъ носовой платокъ на свою такъ рано облысѣвшую голову.

— Ага, понимаю, вы чистили вашу прическу,— тѣмъ же ангельскимъ тономъ, подходя къ ней говоритъ Мура.

Дѣйствительно, m-elle Эми чиститъ парикъ, давно отъ времени и пыли превратившійся въ какой-то темно-сѣрый комокъ. И вотъ, при помощи пудры и бензина „масеръ“, во что бы то ни стало, хочетъ вернуть надлежащій видъ „прическѣ“, какъ назы-

... m-elle Эми чиститъ парикъ...

ваетъ, по врожденной ей деликатности, Мура этотъ парикъ. Однако, это не такъ легко сдѣлать. Облака пудры носятся по комнатѣ. Они усѣяли полъ и стулья, лѣзутъ въ носъ и въ ротъ, противно щекоча горло и поминутно заставляя чихать и кашлять. Отъ противнаго запаха бензина уже давно кружится голова и сосетъ подъ ложечкой, а чистка парика далеко еще не достигла желаннаго результата.

Красная и смущенная, m-lle Эми безнадежными глазами смотритъ на Мурочку.

— O, il a été beau! (О, онъ былъ прекрасенъ!)— говоритъ она уныло, теребя окончательно испорченныя сѣро-бурыя пряди,—да, онъ былъ прекрасенъ, когда былъ молодъ... Время портитъ и старитъ все... не только вещи, но и людей!—заключаетъ она съ меланхолическимъ видомъ, и Мурѣ кажется, что слезы появляются въ большихъ кроткихъ глазахъ француженки. Ей становится нестерпимо жаль эту бѣдную кроткую „масеръ", почти всю свою жизнь прожившую подъ строгимъ наблюденіемъ своей деспотичной сестрицы, и она, во что-бы то ни стало, хочетъ помочь Эми.

— Милая m-elle Эми,—говоритъ ласково Мура,—не попробовать-ли вамъ покраситься немножко? Чуть-чуть?

— O, non. Au nom du Ciel, non! (О, нѣтъ. Нѣтъ, ради Бога!),—испуганно шепчетъ Эми,—если ma soeur Susanne узнаетъ, она останется очень недовольна этимъ.

— Гм! Гм! Вы правы, пожалуй,—немедленно соглашается Мура и задумывается на одно мгновеніе.

Вдругъ она ударяетъ себя ладонью по лбу и радостно говоритъ своимъ звонкимъ голосомъ, жестикулируя и волнуясь:

— О, m-elle Эми, я придумала, наконецъ! Это, будетъ послѣдній шикъ! Послѣдній крикъ моды! Это будетъ божественно, увѣряю васъ! Я вспомнила сейчасъ о тѣхъ французскихъ актрисахъ, которыя обезцвѣчиваютъ себѣ волосы при помощи нашатыря и перекиси водорода, и волосы дѣлаются у нихъ какъ золото... И если вы разрѣшите только, то, при моемъ благосклонномъ участіи и при помощи этого состава, ваша прическа приметъ свой прежній прекрасный видъ. Даже гораздо болѣе элегантный, нежели прежде, потому что ваши волосы присвоятъ себѣ золотистый оттѣнокъ. Ахъ, это будетъ прелестно, увѣряю васъ!

И Мура прыгаетъ и хлопаетъ въ ладоши въ восторгѣ отъ своей выдумки.

M-elle Эми смущена. Она слышала и знаетъ о способѣ, при посредствѣ котораго можно превратить какой-угодно цвѣтъ волосъ въ золотистую блондинку, но она еще не рѣшается пойти на это. Она боится показаться эксцентричной. Что скажетъ сестра?

Но добрая Эми не долго борется со своими сомнѣніями.

Врагъ-искуситель слишкомъ силенъ. Кому не захочется быть золотистой блондинкой? А это маленькая Мура, кстати, такъ убѣдительно говоритъ сейчасъ!..

— О, она будетъ въ восторгѣ, ваша сестра,— шепчетъ снова маленькая искусительница.—Да и потомъ, въ сущности, она даже врядъ-ли замѣтитъ перемѣну въ цвѣтѣ прически. Вѣдь мы только вычистимъ волосы и чуточку ихъ позолотимъ!—возбужденно заключаетъ она, суетясь и волнуясь гораздо больше самой обладательницы „прически“.

M-elle Эми сентиментальна. Ей давно нравятся поэтичные типы съ бѣлокурыми головками, отливающими золотымъ блескомъ. Онѣ такъ трогательны всегда! И при задумчивыхъ карихъ или голубыхъ глазахъ онѣ кажутся прелестными.

И поднявъ къ небу свои собственные выцвѣтшіе глаза и томно вздыхая, она, наконецъ, отбрасываетъ послѣднія колебанія въ сторону и даетъ свое согласіе.

Веселое „ура“ срывается съ губъ Муры, и она стремительно бѣжитъ куда-то.

Провизоръ, почтенный человѣкъ въ синихъ очкахъ, удивленно взглядываетъ поверхъ стеколъ на смуглую барышню, ворвавшуюся къ нему ураганомъ въ аптеку. Пока онъ отпускалъ перекись водорода и нашатырь Мурѣ, та уже успѣваетъ раздразнить мирно дремавшаго на диванѣ кота и

перечитать всѣ этикеты спрятанныхъ въ шкапу снадобій.

Черезъ пять минутъ она уже снова въ пансіонѣ. И, запершись съ m-elle Эми въ ея комнатѣ, долго колдуетъ въ полной тишинѣ. Торжественное священнодѣйствіе надъ злосчастной прической длится гораздо болѣе часа, и когда къ обѣду обѣ выходятъ къ столу, весь составъ пансіона, во главѣ съ самой директрисой, дружно ахаетъ при видѣ головы m-elle Эми. Темно-русый до этого дня, хотя и грязный, парикъ теперь, волею судьбы, въ лицѣ Муры, превращенъ въ какіе-то безобразные лохмотья мочально-яичнаго цвѣта. Никакія, даже самыя тщательныя, завивки, ни ondulation, не были въ состояніи смягчить ужаснаго впечатлѣнія, получающагося отъ этого невозможнаго, мѣстами льняного, мѣстами ярко-рыжаго, мѣстами красно-желтаго, цвѣта яичнаго желтка, парика.

— Oh, quelle horreur! (О, какой ужасъ!), — вырывается съ неподдѣльнымъ ужасомъ изъ груди madame Sept, когда ея сестра появляется передъ нею и она смотритъ на пеструю голову m-elle Эми такимъ взглядомъ, точно передъ ея глазами не эта кроткая голова, а бенгальскій тигръ или сказочное чудовище.

— Mais... mais... ma soeur!—лепечетъ смущенная Эми, краснѣя до слезъ подъ этимъ взглядомъ.

Бѣдная Эми! Уже тамъ, въ своей комнатѣ, несчастная убѣдилась въ полной несостоятельности

парикмахерскихъ способностей Муры и жестоко каялась въ чрезмѣрномъ довѣріи, оказанномъ ей. Но сейчасъ, когда десять паръ глазъ устремились, съ выраженіемъ тихаго ужаса, на ея злосчастный парикъ, сейчасъ она убѣдилась, что жизнь, въ сущности говоря, прескучная исторія.

И сама виновница происшествія чувствовала себя не лучше пострадавшей.

— Увѣряю тебя, что это вышло нечаянно... нечаянно, клянусь тебѣ, Дося,—взволнованно шептала Мурочка, улучивъ удобную минуту и пробравшись къ своему вѣрному другу.

— Ахъ, дѣтка, дѣтка, ты своими выходками сведешь меня съ ума!—покачивала головкой Дося.

Нечего и говоритъ, что madame Sept скорѣе другихъ поняла, кто былъ виновникомъ несчастія, приключившагося съ ея сестрою.

Смущенное личико Муры говорило безъ словъ само за себя. Молодая дѣвушка самымъ чистосердечнымъ образомъ раскаивалась въ происшедшемъ. Менѣе всего желала она обидѣть добрую, тихую Эми, мухи не обидѣвшую на своемъ вѣку.

Но ей не повѣрили, конечно. Не повѣрили ни madame Sept, ни сами пансіонерки.

Съ горькимъ чувствомъ поймала Мурочка исполненный укора взглядъ красивой Изы. И даже, кажется, сама Дося сомнѣвалась, какъ будто въ искренности и чистотѣ ея благонамѣреній по поводу этого ужаснаго парика.

О, это было бы уже слишкомъ! Какъ несправедливы люди!

И мгновенно свѣтлое настроеніе Муры падаетъ, исчезаетъ. Тихая грусть обволакиваетъ сердце.

Она не замѣчаетъ колючихъ, какъ иглы, взглядовъ madame Sept, не слышитъ укоряющаго ее шопота сосѣдки Анюты Велизарьевой, которая, пользуясь разсѣянностью директрисы, уничтожаетъ осетрину при помощи ножа и тихонько усовѣщаетъ Муру по поводу ея поступка.

Ужъ этотъ поступокъ! Ахъ, не въ добрый часъ пришла ей въ голову эта несчастная мысль! Противный нашатырь! Противная перекись водорода! Что за ужасное положеніе создали они!..

Глава десятая.

Въ курортѣ, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пансіона, ежегодно устраивался костюмированный балъ.

Пансіонерки madame Sept давно уже готовятся къ этому балу.

Говорили о немъ еще въ концѣ іюня, когда вечера были прозрачно-тихіе съ лѣтними сумерками, съ нѣжнымъ дыханіемъ вѣтерка.

Теперь уже іюль на исходѣ. Въ полдень нестерпимая жара, вечеромъ—прохлада и мракъ. Теперь по вечерамъ нашлось новое занятіе для пансіонерокъ: онѣ готовятъ себѣ сами костюмы для предстоящаго бала. Впрочемъ, шьютъ костюмы не онѣ. Кроткая m-elle Эми, примирившаяся съ печальной

участью, навязанной ей судьбой, въ видѣ пестраго похожаго на паклю, парика, и приглашенная ей въ помощь изъ города портниха дѣятельно занялись шитьемъ. Сама madame Sept распредѣлила костюмы: изящная генеральская дочка, въ лицѣ нѣжной бѣлокуро-рыженькой Доси, должна одѣться феей весны, красивая баронеса Иза—богиней ночи, толстая Велизарьева русской боярышней, Катя Матушевская—цвѣткомъ мака, Ія Коровина—мрачнымъ ангеломъ смерти, маленькая авіаторша, Вава—мотылькомъ, Соня Алдина—рыбачкой и, наконецъ, независтная почтенной директрисѣ „солдатка“ — Folie (Безуміемъ).

— Ça vous passe le mieux! (Это вамъ больше всего подходитъ!), — не безъ ехидства подчеркиваетъ она, обращаясь къ Мурѣ.

Костюмъ Безумія съ его звонкими колокольчиками какъ нельзя болѣе импонируетъ послѣдней. Въ немъ можно шалить и безчинствовать сколько угодно. И Мура улыбается довольной улыбкой. За послѣднее время она постоянно находится подъ „штрафомъ“ и почти не видитъ жетона у себя на груди. То и дѣло приходится его снимать, возвращать по принадлежности и выслушивать при этомъ фразы, въ родѣ слѣдующей, изъ устъ madame Sept:

— Я не хочу, да и не имѣю права наказывать такихъ взрослыхъ дѣвицъ, что было бы смѣшно и нелѣпо, по меньшей мѣрѣ, но, отбирая у васъ жетонъ, я хочу этимъ выразить вамъ свое неудоволь-

ствіе. Эта исполненная символовъ вещица не можетъ оставаться въ рукахъ такой легкомысленной особы, какъ вы. И ваши проступки...

Въ чемъ, собственно говоря, заключались Мурины проступки? Если не считать такъ неудачно „обезцвѣченной“ головы этой милой m-elle Эми, она виновата, пожалуй, только въ томъ, что написала зонтикомъ экспромтъ, посвященный madame Sept, на пескѣ пляжа, въ часы купанья. И гуляющая тамъ публика много смѣялась, познакомившись съ ея довольно таки своеобразной музой. Или тѣмъ, что, пріобрѣтя нѣсколько воздушныхъ шаровъ у разносчика, она привязала къ каждому изъ нихъ по карикатурѣ, а самые шары на длинныхъ ниткахъ прикрѣпила къ вѣтвямъ деревьевъ.

Въ карикатурахъ легко можно было узнать самое madame Sept въ разныхъ проявленіяхъ ея жизни.

На одномъ рисункѣ она пудрится, на другомъ распекаетъ кухарку, на третьемъ снимаетъ папильотки, на четвертомъ катается верхомъ на кошкѣ Ами.

Слѣдующая карикатура—m-elle Эми съ патетическимъ видомъ и лысой головою, заломившая въ отчаяніи руки надъ испорченной прической. И, наконецъ, всѣхъ пансіонерокъ Мура довольно удачно изобразила въ видѣ животныхъ.

Высокую мрачную Ію Коровину—въ видѣ жирафа, Досю—граціозной кошечкой, Изу—красивой ланью,

Анюту Велизарьеву—коровой, и все въ такомъ же духѣ. Цѣлые три часа болтались карикатуры подъ деревьями, въ то время, какъ воздушные шары на длинныхъ нитяхъ красовались надъ вершинами сосенъ. Это было довольно забавно, и Мура никакъ не могла рѣшить, за что, собственно говоря, съ нея сняли жетонъ, какъ только madame Sept вернулась изъ сада.

Карикатуры вышли настолько удачными, что сами пансіонерки выпросили ихъ на память у Муры. Одна Анюта только очень обидѣлась на Мурочку.

— Сами-то не больно хороши,—шипѣла ей вслѣдъ раскраснѣвшаяся „купчиха“.—Я хоть и толстая, зато бѣлая да гладкая, не то, что другія прочія, разныя какія... И она сопровождала свои слова уничтожающимъ взглядомъ.

— Милая m-elle Annette, пожалуйста, не сердитесь,—миролюбиво-ласково обратилась къ ней Мурочка.—Право же, я совсѣмъ не имѣла въ виду обидѣть васъ. Видите, я и себя не пощадила.

И она протягивала Анютѣ Велизарьевой бумажку съ изображеніемъ ея самой, въ видѣ облѣзлой, уродливой, худой собаченки, съ корявыми лапками и выдерганнымъ хвостомъ.

— Подите вы...—сердито отмахивалась Анюта.

Вотъ онъ наступилъ, наконецъ, такъ страстно ожидаемый вечеръ!.. Уже давно гремѣла музыка въ курзалѣ, и тонкій, изящный дирижеръ

успѣлъ уже охрипнуть, выкрикивая названія модныхъ танцевъ и безконечныхъ фигуръ контръ-дансовъ... Давно кружились, прыгали и граціозно извивались всѣ эти изящныя, прелестныя феи, пастушки, коломбины, бабочки, розы, фіалки, Жанны д'Аркъ, Психеи и Діаны въ обществѣ неотразимыхъ Пьеро, Арлекиновъ, римскихъ воиновъ, демоновъ, геніевъ и русскихъ бояръ.

А пансіонъ madame Sept все еще не появлялся среди танцующихъ. Дѣло въ томъ, что madame Sept давала послѣднія инструкціи пансіонеркамъ. Собравъ въ гостинной уже давно одѣтыхъ къ балу дѣвицъ, она появилась, наконецъ, торжественно-пышная въ своемъ новомъ платьѣ, въ сопровожденіи Эми, соорудившей надъ своей вылинявшей прической что-то среднее между чепцомъ и бантомъ.

— Mesdemoiselles! — произнесла торжественнѣе, чѣмъ когда-либо, madame Sept,—сегодня вамъ представляется случай съ честью вынести испытаніе и поддержать честь нашего пансіона. Помните, что вы, какъ питомицы его, должны строго отличаться своими манерами, граціей и изяществомъ отъ того общества, съ которымъ вамъ придется встрѣтиться на балу сегодня. Будьте же какъ можно внимательнѣе къ себѣ, mesdemoiselles, слѣдите за собою и помните, что тысячи глазъ будутъ устремлены на васъ съ цѣлью подмѣтить какое-нибудь упущеніе, какой-нибудь недостатокъ. Люди часто бываютъ злыми

изъ зависти. Имѣйте это въ виду. Ну, а теперь ѣдемъ! Il est temps! (Уже время!)

— Слава Богу! Кончила! — непроизвольно вырвалось изъ груди Мурочки, обожавшей шумъ и веселье танцовальныхъ вечеровъ, гдѣ можно было двигаться, прыгать, смѣяться. — Можно ѣхать, наконецъ!

И зазвенѣвъ всѣми бубенчиками своего пестраго гремучаго костюма и мелькнувъ короткой, яркой, полосатой юбкой, она первая бросилась впередъ. Но пока размѣщались на пяти чухонскихъ пролеткахъ-таратайкахъ, прошло не мало времени. Ради усовершенствованія хорошаго тона, madame Sept строго слѣдила за каждой садившейся въ „экипажъ“ воспитанницей пансіона. У нея создалась цѣлая наука не только, какъ принимать гостей, сидѣть за столомъ, поддерживать бесѣду, вести себя на прогулкѣ, но и какъ ѣздить въ вагонѣ, плыть въ лодкѣ, играть въ крокетъ и теннисъ и кататься въ экипажахъ, хотя бы послѣдній былъ простой финской трясучкой. И сейчасъ, не сообразуясь съ мѣстомъ и временемъ, она, вѣрная себѣ, муштровала дѣвицъ:

— M-elle Sophie, какъ вы заносите ногу на приступку? Oh, Dieu! Развѣ можетъ быть у барышни такой шагъ? Онъ въ пору какому-нибудь лодочнику, а не дѣвицѣ хорошаго тона. M-elle Annette, зачѣмъ вы такъ пыхтите, когда усаживаетесь въ экипажъ? M-elle Barbe! Не надо такъ прыгать... Для благово-

спитанной барышни это не годится. M-elle Catrine, Боже мой, вы отдавили мнѣ ногу. Какая непростительная неловкость!.. M-elle Кирилова? Où êtes vous, done? (Гдѣ же вы?).

— Я здѣсь!—отзывается съ самой дальней таратайки веселый голосокъ Муры, и всѣ ея бубенчики звенятъ, какъ звонкій ручеекъ весной.

— M-elle Кирилова! Вы ѣдете со мной!

О, какое грустное разочарованіе для бѣдной Муры!

Она только что устроилась въ одной пролеткѣ съ милой Досей, приготовилась, какъ слѣдуетъ, поболтать, посмѣяться во время дороги, и вотъ...

Съ вытянувшимся личикомъ направляется она къ знакомой фигурѣ, маячившей на дорогѣ при свѣтѣ ближняго фонаря.

— Je suis ici! (я здѣсь)—говоритъ она унылымъ тономъ, и самые бубенчики теперь звучатъ какъ будто уже тише и печальнѣй. Это „je suis ici“ такъ и остается единственною фразою, произнесенною ею за всю дорогу до курзала.

Мура молчитъ, точно въ ротъ воды набрала, предоставляя madame Sept говорить и читать ей нотаціи.

Наконецъ-то, пріѣхали! Какая радость!

— „Семерки“ идутъ! „Семерки“ здѣсь, господа!— проносится громкій шопотъ по всему курзалу, когда пансіонъ madame Sept, съ его почтенной директрисой на авангардѣ и съ кроткой Эми, уныло замыкающей шествіе, попарно является въ залъ. Сами

пансіонерки отлично знаютъ свое прозвище „семерокъ“, данное имъ окрестными дачниками, и улыбаются каждый разъ услыша его. Зато madame Sept замѣтно злится.

— Какая невоспитанность! — шипитъ она, бросая вокругъ себя молніеносные взгляды. И внезапно мѣняется въ лицѣ при видѣ Мурочки, успѣвшей умчаться на середину зала съ высокимъ рыбакомъ-неаполитанцемъ.—Какъ? Броситься, очертя голову, съ первымъ попавшимся кавалеромъ въ танцы, когда она, madame Sept, кажется, весьма понятно запретила танцовать всѣмъ своимъ пансіонеркамъ съ незнакомыми людьми? Вѣдь, чего добраго, эти незнакомцы могутъ оказаться простыми рабочими, не интеллигентными приказчиками, лакеями, наконецъ! И она уже не спускаетъ глазъ съ улетающей отъ нея все дальше и дальше въ вихрѣ вальса парочки.

— Ужъ эта несносная „солдатка“! Ей весело. Глаза блестятъ. Смуглое лицо такъ „вульгарно“ сіяетъ. Сейчасъ видно плебейку. Ужасъ, а не барышня!—возмущается madame Sept, негодуя и сердясь.

* * *

А Мурѣ, дѣйствительно, весело. Личико ея оживлено. Улыбка не сходитъ съ губъ. И звонко, заливчато, смѣются бубенчики на ея костюмѣ.

— Милое Безуміе, — говоритъ ей ея кавалеръ,

неаполитанскій рыбакъ, и смѣющимися глазами смотритъ на Муру, кружась съ нею подъ звуки мелодичнаго вальса,—какъ вамъ должно быть скучно въ вашемъ несносномъ пансіонѣ? Да?

— А почему вы знаете, что онъ несносный?—смѣется Мура.

— Да развѣ вмѣстилище хорошаго тона можетъ быть инымъ?—отвѣчаетъ рыбакъ.

— Ха, ха, ха! Вмѣстилище хорошаго тона, хорошо сказано! Вы правы, у насъ царитъ зеленая скука и, если бы не моя милая Досичка...

— Кто?

— Богиня весны... Вонъ она танцуетъ съ высокимъ монахомъ. Вы видите ее?.. Неправда-ли, она красавица, эта очаровательная Весна?—и Мура съ восторгомъ смотритъ на приближающуюся къ ней подругу.

Она, дѣйствительно, хороша и эффектна, эта высокая, стройная дѣвушка въ длинной голубой туникѣ, съ молочно-бѣлымъ шарфомъ, развѣвающимся волнами, на подобіе весенняго облачка, за плечами, и съ вѣнкомъ ландышей на золотистыхъ волосахъ.

Неаполитанецъ-рыбакъ внимательно смотритъ на рыженькую Весну, потомъ переводитъ глаза на свою даму.

— О, я знаю еще болѣе интересное личико!—улыбаясь, говоритъ онъ.

— Неправда, неправда,—кричитъ въ забывчи-

вости Мура,—развѣ есть кто-нибудь лучше ея? Никто! Никто! Что я въ сравненіи съ нею? Носъ картофелиной, губы, какъ у негра, ротъ до ушей, „интересное личико“,—нечего сказать,—и она возмущенно звонитъ всѣми бубенчиками.

Высокій неаполитанецъ, какъ оказывается, молодой морской офицеръ, Мирскій, попавшій на этотъ вечеръ случайно, какъ онъ поясняетъ Мурѣ. Онъ только недавно пріѣхалъ изъ плаванія, объѣхалъ полъ-міра. Былъ на Явѣ, Целебесѣ, Брамапутрѣ. Ихъ два брата въ семьѣ. Вонъ, тотъ красивый демонъ, что танцуетъ съ хорошенькой феей,—это его братъ, горный инженеръ. Фея ночи—Иза Пель—какъ разъ сталкивается съ ними въ эту минуту.

Мура звонко хохочетъ.

— M-elle Иза, милая m-elle Иза? Вамъ весело? Да?

Красивая еврейка поднимаетъ на нее черные глаза.

— А вамъ, дѣтка?

Вслѣдъ за Досей весь пансіонъ называетъ такъ Муру. Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ. Она моложе ихъ всѣхъ здѣсь, и кажется, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, настоящимъ ребенкомъ. И потому ея шалости и проказы не возмущаютъ дѣвицъ.

— Ужасно! Ужасно весело, Иза. У меня такой интересный кавалеръ! Умный, разговорчивый, милый! Онъ объѣхалъ полъ-міра и былъ даже на Брама-

... Знаю еще болѣе интересное личико...

путрѣ и Целебесѣ, — говоритъ, ни мало не смущаясь, Мурочка по-французски, совершенно упуская изъ вида, что ея кавалеръ лучше, чѣмъ кто-либо другой, можетъ знать этотъ языкъ. Такъ оно и выходитъ на самомъ дѣлѣ.

— Благодарю за лестное мнѣніе, - насмѣшливо раскланивается онъ передъ своей юной дамой.

— Ха, ха, ха! Вы поняли? А я и забыла совсѣмъ, что вы тоже можете говорить по-французски, — весело расхохоталась Мура.

Должно быть, этого не слѣдовало говорить, потому что на лицѣ незамѣтно подкравшейся къ нимъ madame Setp выразилось самое неподдѣльное отчаяніе.

— Venez ici, m-elle Kiriloff! Vous êtes insupportable! (Подойдите сюда, m-elle Кирилова, вы невозможны!) — шипитъ она по адресу Муры.

Все оживленіе сразу слетаетъ со смуглаго и яркимъ румянцемъ разгорѣвшагося личика, и съ убитымъ видомъ Мура подходитъ выслушивать нотаціи о хорошемъ тонѣ. Когда она возвращается снова къ своему кавалеру, героически выжидавшему въ сторонѣ конца нравоученія, неаполитанскій рыбакъ говоритъ ей весело, желая подбодрить свою пріунывшую даму.

— Какъ ни строга ваша почтенная директриса, какъ ни несправедлива она къ вамъ — такому славному маленькому человѣчку, тѣмъ не менѣе я долженъ благословить ее.

— За что?—и глаза Муры снова загораются оживленіемъ.

— А за то хотя-бы, что она дала мнѣ возможность узнать вашу фамилію. Вы m-elle Кирилова, да?

— И ничуть ни бывало!—разражается хохотомъ Мурочка и такъ машетъ руками, что срываетъ колпакъ съ головы какого-то не во время подвернувшагося Пьеро.

— Моя фамилія Ра...—начинаетъ она и вдругъ обрываетъ фразу на полусловѣ и вспыхиваетъ, какъ зарево.—Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше!... Я должна молчать.

— О чемъ вы должны молчать, m-elle Ра?

— Ха, ха, ха, вотъ такъ фамилія!

— Но вѣдь вы же сами такъ назвались.

— Послушайте, господинъ мичманъ, или неаполитанскій рыбакъ, все равно, я нечаянно чуть не открыла вамъ тайны, которую никто не долженъ знать въ пансіонѣ,—самымъ серьезнымъ образомъ говоритъ своему кавалеру Мура,—можетъ быть, когда нибудь, потомъ я вамъ ее открою, если намъ суждено еще встрѣтиться, но сейчасъ я беру съ васъ торжественное слово, что вы никому не скажете, что я не Кирилова, а...

— Ра...— подсказываетъ со смѣхомъ морякъ. (Rat—крыса по-французски).

— Ну, да... если хотите.

— Клянусь! Клянусь! Клянусь!—говоритъ онъ дѣланнымъ басомъ.

— Это очень мило съ вашей стороны. И въ награду за ваше молчаніе я разскажу вамъ, пожалуй, про всѣ мои несчастья.

Веселое, модное Ки-ка-пу только что кончилось, и Мурочка въ ожиданіи слѣдующаго танца прогуливается со своимъ кавалеромъ по залѣ.

Обмахиваясь вѣеромъ, она разсказываетъ ему и про неудачную окраску волосъ парика, и про билетъ съ объявленіемъ, и про каррикатуры подъ воздушными шарами, и про неудачное купанье бѣленькой Ами, сибирской кошки, и прочее, и прочее, и прочее...

Молодой мичманъ отъ души хохочетъ.

Вдругъ Мура замолкаетъ среди самой оживленной бесѣды и, принимая натянуто-неестественный видъ, начинаетъ вести разговоръ въ духѣ хорошаго тона, которымъ такъ добросовѣстно начиняетъ ихъ madame Sept.

— Monsieur—говоритъ она съ величавымъ жестомъ,—чѣмъ будете вы занимать великосвѣтскую дѣвицу хорошаго тона?!

— О, это не по моей части,—смѣется мичманъ, понявъ шутку,—а вотъ, если-бы вы разрѣшили покатать васъ на яхтѣ... Вы чувствуете, какой дивный вѣтеръ подулъ съ моря?

Дѣйствительно, въ открытую дверь залы ворвалась, свѣжая, душистая волна ночного вѣтра и заколебала воздушныя облака тюля, газа и кружевъ на изысканныхъ костюмахъ дамъ и дѣвицъ.

— Прогулка на яхтѣ—при лунѣ, о, какая пре-

лесть!—и Мурочка радостно хохочетъ, совершенно забывъ объ окружающей ее обстановкѣ.—Постойте, я только позову спортсменку,—неожиданно говоритъ она.

— Кого?

— Соню Алдину—поклонницу всякихъ видовъ спорта. Она точно такъ же, какъ и я, любитъ такія прогулки.

— Прекрасно, а я тѣмъ временемъ пойду заказать лодку.

Неаполитанецъ спѣшитъ на далекій молъ, убѣгающій въ море, гдѣ спекулируетъ своими яхтами и паровыми лодками какой-то почтенный дэнди изъ финновъ. А Мурочка въ это время разыскиваетъ спортсменку довольно-таки примитивнымъ способомъ.

— M-elle Sophie! M-elle Sophie! Ау-ау! — кричитъ она звонко на пляжѣ, нимало не заботясь о томъ, что курортъ—не лѣсъ.

Наконецъ, обѣ дѣвушки сталкиваются случайно у памятника Петра Великаго, возвышающагося посреди курортнаго сада. Лицо «рыбачки» красно отъ негодованія, губы дрожатъ, и изъ глазъ ея готовы брызнуть слезы.

— In corpore sano, mens sana (латинское изреченіе: въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа)! А она придирается и шипитъ, какъ змѣя, точно я не Богъ вѣсть что натворила!—жалуется она Мурѣ плачущимъ голосомъ.—А что я сдѣлала дурного въ сущ-

ности: въ полторы минуты положила его на обѣ лопатки...

— Кого вы положили на обѣ лопатки, несчастная? - допытывается со смѣхомъ Мура.

— Да Пьеро... Знаете, сосѣдняго реалиста... Тоже хвастунишка, подумаешь! Чемпіонъ міра какой выискался! Хвасталъ, что выжимаетъ по четыре пуда, а самъ сразу—шлепсъ. — „Мускулы, у васъ", говоритъ, — „какъ у нашего дворника Филиппа". У меня это, видите-ли. Но это не оправданіе. Причемъ тутъ мускулы, когда ловкость важна. Вѣрите-ли, дѣтка, чуть не заревѣлъ отъ обиды. Это пятнадцатилѣтній оболтусъ-то... А тутъ, какъ на зло, Септиха... Увидѣла и давай шипѣть, что это скандалъ, что это позоръ для всего пансіона. Не скандалъ и не позоръ, а настоящая французская борьба по всѣмъ правиламъ. А она ничего не понимаетъ...

— Ха, ха, ха!—такъ и залилась веселымъ смѣхомъ Мура.—Куда ужъ ей понять! Ха, ха, ха!

— Да, вамъ хорошо хохотать. А она велѣла сейчасъ же домой отправиться съ Эми. И жетонъ сняла.

— Ну, а мы, вмѣсто того, чтобы домой, покатаемся на яхтѣ.

— Что? - глаза спортсменки сразу просіяли и унылое лицо ожило и просвѣтлѣло.—Да вы что, шутите, дѣтка?

— Какія тамъ шутки! Давайте руку и бѣжимъ скорѣе!

— Ахъ вы прелесть моя!—и, схватившись за руки, рыбачка и Folie бросились бѣжать вдоль освѣщеннаго электричествомъ пляжа.

Глава одиннадцатая.

Нѣтъ, рѣшительно не везло madame Sept въ этотъ вечеръ!

Едва оставивъ Софи Алдину, побѣдившую какого-то пучеглазаго мальчугана по всѣмъ правиламъ французской борьбы, почтенная директриса бросилась по направленію курзала на поиски за сестрою, съ цѣлью передать ей свое неотступное рѣшеніе собирать пансіонерокъ домой. Для сокращенія пути къ главному входу, почтенная директриса свернула въ боковую, темную аллею. Здѣсь было тихо и мертво. Заглушенными звуками доносилась сюда музыка бальнаго оркестра.

Причудливыми призраками казались въ темнотѣ деревья и кусты.

Вдругъ странный грозный голосъ прогремѣлъ неподалеку отъ madame Sept, заставляя ее задрожать

всѣмъ тѣломъ. Ноги француженки подкосились, и она опустилась на первую попавшуюся скамью.

А грозный голосъ все гремѣлъ, въ кустахъ все страшнѣе, все глуше. Какъ будто кто-то слалъ въ темноту ночи изступленныя, жуткія проклятія. Слова произносились по-русски, и перепуганная директриса, конечно, не могла ихъ понять, но одно слово, повторяемое на тысячу ладовъ, показалось ей знакомымъ и усилило охватившій ея душу страхъ. Это страшное слово было «убью». Къ довершенію несчастья, грозное, невидимое существо вдругъ зарыдало жуткимъ рыданьемъ. Какъ ужаленная, испустивъ пронзительный крикъ, вскочила француженка и бросилась бѣжать отъ рокового мѣста, не зная, что думать обо всемъ, слышанномъ ею. Бѣдная madame Sept! Она оказалась бы крайне удивленной, если бы увидѣла, что произошло въ слѣдующій же по ея исчезновеніи мигъ.

Кусты раздвинулись, и на аллею, не торопясь, вышла Ія Коровина въ своемъ костюмѣ ангела смерти. Вдохновилъ-ли этотъ костюмъ Ію. или настроилъ ее мечъ, аксессуаръ костюма, который она держала въ рукѣ, но внезапная волна артистическаго вдохновенія подхватила дѣвушку и она, уединившись въ кусты, увлеклась своими любимыми трагическими монологами, произнося ихъ во всю ширь легкихъ, во весь свой мощный голосъ.

Между тѣмъ, испуганная директриса, какъ пуля,

ворвалась въ залу и стала торопливо собирать пансіонерокъ домой.

Она казалась очень взволнованной всѣмъ происшедшимъ, слишкомъ взволнованной, чтобы обратить вниманіе на то, что повергло-бы ее въ отчаяніе въ другое время.

Анюта Велизарьева, въ своемъ расшитомъ серебряными галунами, роскошномъ костюмѣ боярышни, сидѣла въ укромномъ уголку зала и, какъ ни въ чемъ ни бывало, щелкала орѣхи, которые вынимала изъ лежавшаго у нея на колѣняхъ узелка. И безцеремонно бросала себѣ подъ ноги скорлупу.

Вокругъ Велизарьевой переглядывались, слышался насмѣшливый шопотъ по ея адресу, бросались саркастическіе взгляды, но Анюта вся ушла въ свое занятіе и ни мало не смущалась обращеннымъ на нее вниманіемъ публики.

Она словно проснулась тогда только, когда готовыя къ отъѣзду пансіонерки не безъ тревоги стали переговариваться между собой.

— А гдѣ-же Кирилова и Алдина? Куда онѣ дѣвались? Ихъ нѣтъ!..

Глаза madame Sept тревожно обѣжали всю группу пансіонерокъ.

— Ихъ дѣйствительно нѣтъ. Гдѣ же онѣ?

И она заметалась по залу вмѣстѣ съ сестрою и Досей, перепуганной больше всѣхъ отсутствіемъ Муры, наскакивая на танцующихъ, заглядывая каждой барышнѣ въ лицо.

— Dieu des Dieux! Да гдѣ-же онѣ, Эми? Гдѣ— взывала директриса, забывъ и великосвѣтскія манеры, и хорошій тонъ, и изящество съ граціей въ эти мгновенія.

— Calme-toi, ma soeur! (Успокойся, сестра!). Онѣ найдутся, — отзывалась кроткая Эми бѣлыми отъ волненія губами.

И въ тотъ же мигъ точно изъ-подъ земли вырастаетъ передъ ними пучеглазый Пьеро, ихъ сосѣдъ по дачѣ.

— Вы ищете двухъ барышенъ? Онѣ поѣхали кататься на яхтѣ въ море! — говоритъ онъ, желая успокоить всѣхъ.

— Кататься въ лодкѣ? Ночью? О, это уже слишкомъ!

Въ одну секунду лицо madame Sept изъ испуганнаго превращается въ негодующее.

— Эми, — говоритъ она, обращаясь къ сестрѣ съ великолѣпнымъ жестомъ негодованія,—ты проводишь всѣхъ этихъ барышенъ домой. Я же останусь ожидать здѣсь на пляжѣ Кирилову и Алдину. Уѣзжайте, сейчасъ же... Я такъ хочу!

— Oui, ma soeur! — покорно соглашается тихая Эми и, какъ насѣдка цыплятъ, уводитъ пансіонерокъ изъ курзала.

Не дождавшись конца вечера, „семерки“ покидаютъ балъ...

. . . . . .

Какая ночь! Темная, ни зги не видно. Таин-

ственный іюль обвѣялъ непроглядным мракомъ природу въ этотъ полночный часъ.

Черная мгла притаилась по обѣ стороны дороги. Рѣдкіе фонари свѣтятъ на шоссе, но при блѣдномъ свѣтѣ ихъ, едва можно различить окружающіе предметы. Густыя лиственницы и высокія сосны, растущія съ обѣихъ сторонъ пути, дѣлаютъ его похожимъ на лѣсную дорогу.

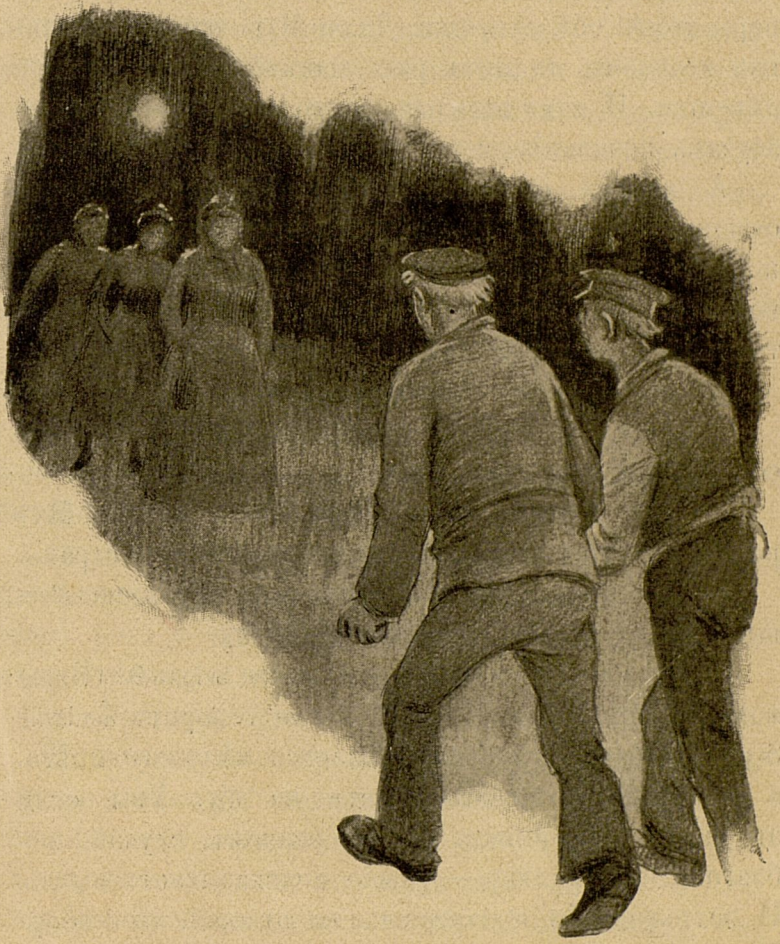
И при томъ, вокругъ царитъ такая жуткая, могильная тишина! Если бы знать все заранѣе, madame Sept приказала бы Эми прислать имъ извозчиковъ навстрѣчу. Тѣ, которые стояли у курорта, были разобраны въ одинъ мигъ разъѣзжавшейся публикой въ этотъ поздній часъ, и имъ пришлось пуститься въ путь пѣшкомъ отъ курзала. Послѣдній поѣздъ-паровикъ давно уже ушелъ.

Правда, молодой человѣкъ, назвавшійся мичманомъ Мирскимъ, предложилъ проводить ихъ до Дюнъ, но madame Sept такъ негодовала на этого молодого человѣка за то, что онъ повезъ кататься на яхтѣ ея пансіонерокъ, что и слышать не хотѣла о какой бы то ни было съ его стороны услугѣ.

И вотъ, онѣ храбро шагаютъ всѣ трое по мертвой ночной дорогѣ—и сама почтенная директриса пансіона, и двѣ барышни-пансіонерки, въ своихъ эксцентричныхъ бальныхъ костюмахъ.

Обѣимъ дѣвушкамъ какъ-то тоже не по себѣ. Какую прекрасную морскую прогулку сдѣлали они всѣ трое! Ихъ кавалеръ, этотъ любезный Мирскій,

былъ такимъ остроумнымъ собесѣдникомъ все время. Онъ столько видѣлъ интереснаго во время своего морского плаванія, что могъ многое поразсказать имъ. И слушая его разсказы, онѣ такъ весело про-



Неожиданно двѣ сѣрыя фигуры вырисовываются посреди дороги.

вели незамѣтно пробѣжавшее время. Причалили къ берегу и сразу увидѣли поджидавшую ихъ на пляжѣ директрису. Это былъ не совсѣмъ пріятный моментъ. И не будучи въ состояніи выкинуть изъ памяти этого непріятнаго момента, уныло бредутъ теперь домой обѣ дѣвушки. Даже Мурочкина постоянная веселость на этотъ разъ, какъ-будто, измѣняетъ дѣвушки. И сами веселые колокольчики Folie словно звучатъ печальнѣе и тише...

А черная іюльская ночь по-прежнему таинственно молчитъ. И полной страшныхъ возможностей кажется лѣсная дорога. Съ чувствомъ невольной жути косятся глаза на этотъ мракъ, притаившійся за деревьями и кустами.

Неспокойно постукиваетъ сердце.

Неожиданно двѣ сѣрыя фигуры рельефно вырисовываются посреди дороги.

— Это деревья, — шепчетъ Соня Алдина Мурочкѣ, и душа ея невольно замираетъ отъ страха.

— Но почему же они движутся, идутъ сюда?— высказываетъ предположеніе Мурочка.

— Dieu des Dieux! Mais ce sont des brigands! (Боже мой! Это разбойники!)—испуганно говоритъ madame Sept. Лицо ея мгновенно дѣлается мѣлового цвѣта, а холодный потъ выступаетъ на лбу. Увы, если это и не разбойники, то, во всякомъ случаѣ, неблагонадежные люди,—уныло подсказываетъ мысль. И вотъ, какъ бы, подтверждая ея догадки, двое оборванцевъ подбѣгаютъ къ тремъ спутницамъ и кричатъ:

— Руки вверхъ!

Одинъ изъ нихъ бросается къ дѣвушкамъ, съ требованіемъ денегъ, другой грубо вырываетъ сумочку изъ рукъ madame Sept.

Та отчаянно защищается. Ужасъ, охватившій ее, лишаетъ памяти почтенную даму, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности крикнуть то самое слово, которое такъ странно звучитъ на русскомъ языкѣ и которое кричатъ, обыкновенно, въ случаѣ опасности и нападеній.

Между тѣмъ, оборванецъ грубымъ движеніемъ вырвалъ у нея сумку и, показывая огромный кулакъ ея обладательницѣ, многозначительно говоритъ съ грозной усмѣшкой:

— Покричи у меня только... Покричи!

Одинъ видъ этого страшнаго кулака и звѣрской гримасы внезапно заставляетъ прійти въ себя madame Sept и вспомнить то трудное русское слово, которымъ зовутъ на помощь.

Съ послѣдней надеждой на спасеніе, съ отчаяніемъ и ужасомъ въ лицѣ, почтенная дама раскрываетъ ротъ и побѣлѣвшими губами кричитъ тонко и пронзительно точно ее рѣжутъ:

— Ура! ура! ура!

Почему именно это слово, а не подходящее къ случаю „караулъ“ подвертывается ей на языкъ, она сама долго не можетъ дать себѣ потомъ отчета. Волна ужаса, захлеснувшая ее, затуманила память, и все тѣмъ-же пронзительнымъ, необычайно тонкимъ голосомъ она продолжаетъ кричать, какъ безумная:

— Ура! Ура! Ура!

Сами бродяги испуганы этимъ крикомъ и, какъ ошпаренные, бросаются въ сторону.

Они, повидимому, приняли за сумасшедшую эту толстую барыню, вопившую такъ некстати свое пронзительное „ура“. Какъ бы то ни было, они кинулись въ кусты и исчезли мгновенно, унося съ собой похищенную сумочку.

Когда Мура и Соня, взволнованныя не менѣе самой madame Sept, бросаются къ ней, съ послѣдней дѣлается истерическій припадокъ:

— О, если бы у меня былъ револьверъ!—рыдаетъ она на рукахъ пансіонерокъ.—О, если-бы мнѣ оружіе! Я-бы сумѣла тогда защититься!

Съ трудомъ удается имъ привести ее въ чувство и довести до дома.

Тамъ всѣ слышали отчаянные крики на дорогѣ и не знали, что подумать, что предпринять. И когда, наконецъ, три злополучныя путницы появились передъ воротами дачи, куда высыпало все населеніе пансіона, вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ. Тотчасъ же командировали дворника и сторожа на поиски воровъ, но тѣ уже были далеко.

Долго не могли въ эту ночь успокоиться пансіонерки. Говорили о темныхъ ночахъ, объ іюльскомъ мракѣ, о злыхъ людяхъ, нападавшихъ на мирныхъ обывателей, и о недостаткѣ оружія въ пансіонѣ.

И когда, наконецъ, всѣ съ первыми пѣтухами разошлись по своимъ постелямъ, въ головѣ Мурочки уже назрѣвала новая затѣя, новое рѣшеніе...

Глава двѣнадцатая.

Теплый іюльскій вечеръ. До заката солнца еще далеко, но жара уже спала давно. Тихое чиликанье птицъ, устраивавшихся на ночной отдыхъ, наполняетъ собою всѣ уголки сосноваго лѣса, по которому быстро шагаетъ Мурочка. Вотъ уже полчаса прошло съ той минуты, когда, воспользовавшись послѣобѣденнымъ отдыхомъ madame Sept и вечерней прогулкой пансіонерокъ, отъ которой она отказалась, Мурочка незамѣтно выпорхнула изъ воротъ дачи. Миновавъ таможенную станцію пограничнаго поста, съ его темнымъ шлагбаумомъ и ревизіонной будкой, она перешла мостикомъ узкую Сестру—пограничную русско-финляндскую рѣченку, и углубилась въ этотъ прохладный ласковый боръ.

Ходьбы до ближайшаго мѣстечка О. хватитъ на полъ-часа времени, да полъ-часа на обратный путь,

по крайней мѣрѣ. Такимъ образомъ, къ вечернему чаю она успѣетъ вернуться въ пансіонъ.

Конечно, съ одной стороны, неудобно, что она ушла, не спросившись у madame Sept. Но развѣ ее отпустили-бы, еслибъ узнали, зачѣмъ она идетъ въ О.? Не пустили бы, конечно. Пошли бы „охи", „ахи" и прочее; расшумѣлись бы, запротестовали огуломъ. Особенно, Дося, которая, какъ надъ маленькимъ ребеночкомъ, дрожитъ надъ нею. А между тѣмъ, ей уже 16 лѣтъ! Пора, наконецъ, доказать людямъ свою самостоятельность. Тѣмъ болѣе, что намѣренія у нея, Муры, самыя благія нынче. Неужели же нельзя назвать благимъ намѣреніемъ то, что она хочетъ пріобрѣсти оружіе въ видѣ хорошаго Маузера или Браунинга за границей Финляндіи, въ О., чтобы имѣть возможность защищать себя и другихъ на случай повторенія такой-же исторіи, которая случилась съ ними вчера ночью?

Да, навѣрное, и сама madame Sept, съ ея неразлучной „масерой", и всѣ пансіонерки будутъ благодарны ей, Мурѣ, за услугу. Еще бы—имѣть оружіе въ домѣ такъ хорошо въ темные іюльскіе вечера!

Эта мысль настолько подбадриваетъ Мурочку, что она несется, какъ на крыльяхъ, по дорогѣ въ О. — единственное мѣсто, гдѣ можно поблизости безконтрольно пріобрѣсти оружіе. И когда ея оживленное, съ жизнерадостными глазами, личико появляется въ лавкѣ, гдѣ торгуютъ всякой всячиной, въ видѣ финляндскихъ спичекъ и бумажныхъ тканей, папиросъ

и гаванскихъ сигаръ, шведскаго пунша и, къ довершенію всего, ножами, кастетами и револьверами всѣхъ системъ, бѣлобрысый чухонецъ, стоявшій за прилавкомъ, безъ малѣйшаго смущенія, продаетъ ей одинъ изъ послѣднихъ.

— Эта уже и сама не застрѣлится и не будетъ палить ни въ кого,—рѣшаетъ онъ при первомъ же взглядѣ на смуглое жизнерадостное личико и веселые глазки покупательницы.

Завернувъ пакетъ съ револьверомъ и зарядами, для большей осторожности, въ носовой платокъ, Мура, за неимѣніемъ кармана, несетъ его въ рукахъ, прижимая крѣпко, какъ сокровище, къ сердцу. О, она такъ счастлива! Покупка обошлась вдвое дешевле, чѣмъ она предполагала, и ей еще осталась не малая сумма изъ данныхъ ей ея „птичками" передъ отъѣздомъ на мелкіе расходы денегъ. А главное—все обошлось такъ просто, безъ всякихъ препятствій.

Какіе славные эти финны-продавцы! И лица у нихъ такія открытыя, довѣрчивыя, честныя. Теперь бы дойти только поскорѣе до дома до наступленія ночи, и дѣло въ шляпѣ.

Съ легкимъ сердцемъ, напѣвая пѣсенку, Мурочка пускается въ обратный путь.

Все такъ же безшумно и быстро спускается на землю іюльскій вечеръ. Въ лѣсу сгущается мракъ. Застигнутая имъ Мурочка ускоряетъ шаги. Вдругъ она останавливается, какъ вкопанная, посреди лѣсной тропинки. И внезапно ее бросаетъ въ жаръ

отъ волненія. И капельки пота проступаютъ на лбу подъ черными кудерьками. Какъ могла она упустить это изъ вида! Какъ же она не подумала заранѣе объ всемъ?—хватаясь за голову, чуть не вслухъ упрекаетъ себя Мура.

Вѣдь впереди находится пограничная стража, ревизіонный пунктъ, гдѣ у нея отберутъ револьверъ, и ее самое могутъ арестовать. Съ этимъ не шутятъ. За ношеніе оружія строго караетъ законъ.

Непростительнымъ легкомысліемъ было забыть объ этомъ!

Мура такъ смущена, что долго еще не можетъ придти въ себя. Наконецъ, мысль ея проясняется, и робкая надежда снова стучится въ душу.

— Но зачѣмъ же ей непремѣнно лѣзть на сторожевой пунктъ? Его можно, во всякомъ случаѣ, обойти,—рѣшаетъ она внезапно, и прежняя радость возвращается къ дѣвушкѣ.

А темный іюльскій вечеръ наступаетъ быстрѣе, приближаясь къ землѣ. Подъ его мглистой пеленою Мура пробирается теперь сторонкой, держась берега Сестры, къ знакомой дачѣ, лежащей по ту сторону рѣченки. Она знаетъ то мѣсто, гдѣ обмелѣвшая Сестра кажется почти ручейкомъ. Его можно перейти успѣшно, перепрыгивая съ камня на камень. И она совсѣмъ близко сейчасъ отъ него... Вотъ, за тѣми кустами, должно быть... Еще крѣпче тѣснѣе прижавъ къ своей груди драгоцѣнную ношу Мурочка стремительно бросается впередъ.

И черезъ небольшой промежутокъ времени гремитъ выстрѣлъ...

— Кто идетъ?—внезапно раздается у нея надъ головою грозный окликъ, и фигура пограничника въ сѣрой шинели, словно изъ-подъ земли, вырастаетъ передъ нею.

И черезъ небольшой промежутокъ времени гремитъ выстрѣлъ...

. . . . . .

. . . . . .

Жгучій стыдъ пронизываетъ ее всю, когда она подъ карауломъ двухъ солдатъ, доставившихъ ее на пунктъ пограничной стражи, стоитъ вся красная отъ смущенія передъ сивоусымъ таможеннымъ чиновникомъ и его помощникомъ, жандармомъ. Къ счастью, пуля, посланная за нею вдогонку стражникомъ, не достигла цѣли. И Мура, живая, здоровая и невредимая, появилась передъ строгіе очи мѣстнаго таможеннаго начальства.

— И не стыдно вамъ, барышня, заниматься такими дѣлами? Такая молоденькая и тоже туда-же революціи вздумали служить,—отбирая у нея револьверъ съ патронами, бубнитъ чиновникъ.

Мура даже и не старается разсѣять его заблужденій. Пусть думаютъ, что хотятъ. Развѣ ей легче будетъ, если она начнетъ оправдываться... О, какой стыдъ!

Мимо проходятъ гуляющіе дачники. Они съ любопытствомъ посматриваютъ на нее.

— За что арестовали эту барышню?—неожиданно слышитъ Мура знакомый голосъ. Она быстро

оборачивается со вспыхнувшей мгновенно въ сердцѣ надеждой.

Мичманъ Мирскій, такъ и есть. Это онъ, ея вчерашній кавалеръ на балѣ! Одна минута, и Мура бросается къ нему, какъ къ избавителю:

— Monsieur Мирскій, спасите меня!—И задыхаясь отъ волненія, и подступившихъ къ горлу рыданій, она, захлебываясь, сбивчиво лепечетъ что-то.

Съ трудомъ разбираетъ ея слова молодой морякъ.

— Вы видите, тутъ, очевидно, кроется какое-то недоразумѣніе,—говоритъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ таможенному чиновнику,—я знаю эту барышню. Она изъ французскаго пансіона и уже, во всякомъ случаѣ, не злоумышленница и не государственная преступница; за это ручаюсь вамъ головой. Мое имя—мичманъ Мирскій, вотъ моя карточка,—и онъ протягиваетъ бѣлый квадратикъ таможнику.

Когда двадцатью минутами позже Мура, въ сопровожденіи стражника, посланнаго больше для очистки совѣсти на дачу пансіона, появляется передъ перепуганной madame Sept, послѣдней дѣлается дурно отъ всѣхъ пережитыхъ ею за этотъ вечеръ волненій.

Здѣсь давно уже открыли исчезновеніе Муры и не знали, что подумать о немъ. И сама madame Sept и бѣдная Дося пережили въ ея отсутствіе не мало горя и страховъ.

А тутъ вотъ она появляется, какъ преступница, подъ конвоемъ... О, Боже! Есть отъ чего получить разрывъ сердца и умереть!

И во все время, пока Мура держитъ въ объятіяхъ отчаянно рыдающую Досю, Мирскій, проводившій свою вчерашнюю даму до самаго порога пансіонной гостиной, увѣряетъ почтенную директрису, что все это одни пустяки, одно печальное недоразумѣніе. Но madame Sept не можетъ и не хочетъ его понять. По ея мнѣнію, дѣвушка, арестованная хотя-бы на одинъ мигъ, не можетъ оставаться въ ея фешенебельномъ пансіонѣ.

Всю послѣдующую ночь она не спитъ и о чемъ то долго совѣщается съ Эми. А на утро всѣхъ пансіонерокъ просятъ собраться въ гостиной, чтобы услышать изъ устъ почтенной директрисы рѣшеніе, надуманное ею за долгую ночь.

Заключеніе.

Какое яркое жизнерадостное іюльское солнце! Какими свѣтлыми, горячими лучами заливаетъ оно гостиную!

Сколько безотчетной радости и молодого задорнаго счастья въ этой праздничной картинѣ послѣдняго лѣтняго торжества!..

И совсѣмъ уже не соотвѣтствуетъ ему пасмурное угрюмое выраженіе на лицахъ собравшихся въ эту пронизанную солнцемъ комнату пансіонерокъ и ихъ начальства.

— Mesdemoiselles,—обращается къ молодымъ дѣвушкамъ madame Sept, и продолжаетъ торжествен-

нымъ тономъ, вѣско отчеканивая каждое слово.—Я позвала васъ затѣмъ, чтобы въ нашемъ присутствіи высказать мое глубокое негодованіе по поводу недостойнаго поведенія m-elle Eudoxie Kiriloff. Не говоря уже о всѣхъ тѣхъ мелкихъ непріятностяхъ, которыя она намъ доставляла съ сестрою, за эти пять недѣль своего пребыванія здѣсь, ея вчерашній непростительный поступокъ переполнилъ чашу моего терпѣнія. Эта самовольная отлучка, этотъ револьверъ и арестъ!.. Dieu des Dieux! Что же это такое? Я не могу больше подвергаться такимъ нежелательнымъ случайностямъ и пачкать репутацію моего фешенебельнаго, всѣми уважаемаго пансіона, а потому прошу самымъ серьезнымъ образомъ m-elle Eudoxie Kiriloff сегодня же удалиться отъ насъ!

И произнеся эту послѣднюю фразу, повидимому, очень довольная произведеннымъ ею эффектомъ, madame Sept смолкаетъ. Гробовое молчаніе водворяется въ комнатѣ. Молчитъ директриса. Молчитъ ея помощница. Молчатъ пансіонерки.

Кажется, будто слышанъ полетъ мухи—такая здѣсь царитъ сейчасъ полновластная тишина.

Мура стоитъ съ блѣднымъ лицомъ и съ тѣсно, въ горестной улыбкѣ сжатыми губами. Ей очень тяжело.

О, бѣдное, жалкое личико! Ему не скрыть муки оскорбленнаго самолюбія и незаслуженной обиды, причиненной его обладательницѣ.

Выгнать ее, Муру, изъ пансіона! Какой позоръ! Какой стыдъ!

Вдругъ громкое рыданіе раздается изъ дальняго угла гостиной, и, стремительно вскочивъ со стула, Дося Кирилова, настоящая Дося Кирилова, выбѣгаетъ на середину комнаты и, сквозь бурю долго сдерживаемыхъ слезъ, говоритъ среди рыданій:

— Если вы гоните ее, дѣтку мою, гоните и меня съ нею... Знайте: безъ нея я не останусь здѣсь ни одной минуты... Стыдно обижать ее... Она не виновата въ томъ что все такъ случилось... она добрая... милая, только легкомысленная и взбалмошная немножко... А вы не поняли ея... не поняли ея золотого сердечка... послѣ этого и я ни минуты не останусь у васъ...

Дося рыдаетъ такъ громко, что за этими слезами дѣвушки не слышно ничего... Не слышно шума колесъ подъѣзжающей чухонской таратайки, и бряцанія шпоръ въ передней, и шелеста шелковаго платья и легкихъ быстрыхъ шаговъ.

И только, когда на порогѣ гостиной пансіона вырастаетъ внезапно фигура высокаго военнаго въ генеральской формѣ и маленькой дамы рядомъ съ нимъ, всѣ присутствующіе обращаютъ на нихъ вниманіе.

— Птички мои! Родные мои! Пріѣхали! Вернулись! — отчаянно-радостнымъ крикомъ срывается съ губъ Муры, и она стрѣлою несется къ порогу комнаты.

— Дѣтка моя! Мурочка! Мы вернулись немного раньше. Не хотѣли предупреждать... Ты довольна

сюрпризомъ? Утромъ вернулись и сейчасъ же пріѣхали за тобой... Слышатся отрывистые радостные возгласы между звуками поцѣлуевъ и счастливымъ смѣхомъ.

Точно столбнякъ находитъ на почтенную директрису пансіона, и она замираетъ отъ изумленія при видѣ „солдатки“, такъ нѣжно обнимаемой генеральской четой.

И это осторожное объятіе, полное почтительной ласки, которымъ подоспѣвшая Дося обняла маленькую генеральшу... Это тоже что-нибудь да значитъ!..

Смутная догадка вихремъ проносится надъ модной фризеткой директрисы.

— Dieu des Dieux!—растерянно шепчетъ она.— Неужели?... О!

И когда генералъ Раевскій, обнявъ одной рукой Муру и протягивая другую руку почтенной француженкѣ, говоритъ нѣсколько смущенно:

— Ужъ вы простите мою дочурку за невольно причиненныя ею вамъ непріятности, о которыхъ я знаю изъ писемъ ея и Доси, а главное, за ея шутку съ присвоеніемъ себѣ чужого имени, которую она позволила себѣ. Позвольте мнѣ, старику, извиниться передъ вами за мою шалунью.

Madame Sept кажется вдругъ, что потолокъ комнаты низко опускается надъ ея головою, а всѣ присутствующіе начинаютъ кружиться у нея въ глазахъ.

— О, непростительная ошибка! Какъ могла она такъ третировать настоящую генеральскую дочь? Гдѣ былъ ея здравый смыслъ? Куда скрылась отъ нея обычная логичность мышленія? Ея житейскій опытъ, наконецъ...

И обычно румяное лицо француженки теперь стало бѣло, какъ известь.

Но сама Мурочка, какъ будто и не помнитъ несправедливости, оказанной ей здѣсь. Такъ глубоко захватило ее радость встрѣчи съ родителями. Ея личико оживилось снова. Ея глаза сіяютъ опять и прелестна ея улыбка, съ которой она подходитъ къ madame Sept.

— Простите меня, я была много виновата передъ вами!—съ трогательнымъ выраженіемъ произноситъ „настоящая“ генеральская дочка, просто и ласково,—и повѣрьте мнѣ, я никогда не думала умышленно причинить вамъ зла...

Тутъ пухлыя губки тянутся къ губамъ француженки съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ.

И растроганная директриса не можетъ не отвѣтить на ихъ привѣтливый поцѣлуй.

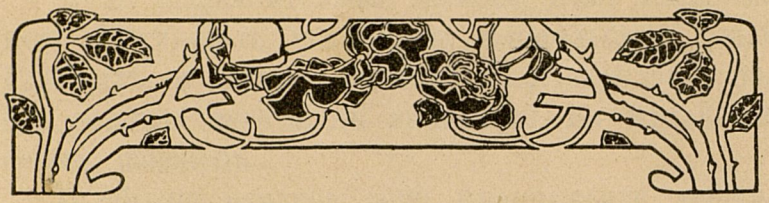
Въ тотъ же день, уѣзжая изъ пансіона, генеральская дочка, ласково прощаясь съ madame Sept и съ недавними товарками, увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что ей никогда еще не приходилось проводить такого славнаго, веселаго лѣта...

Конецъ.

Лишній ротъ

ПОВѢСТЬ

Лидіи Чарской.



Глава первая.

Отецъ Паисій, священникъ бѣднаго пригороднаго слободскаго прихода только что закончилъ свою вечернюю молитву и, сбросивъ съ себя подрясникъ, готовился лечь въ постель, какъ неожиданный стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть и насторожиться.

Стучали въ сѣняхъ. Былъ двѣнадцатый часъ ночи и поздній посѣтитель не могъ не удивить отца Паисія. На улицѣ стояла непроглядная январьская вьюга, крутила мятель, залѣпляя рѣдкіе слободскіе фонари и нестерпимо жутко вылъ-завывалъ вѣтеръ. Отецъ Паисій снова запахнулъ на себѣ сброшенный было подрясникъ и торопливо прошелъ въ сѣни.

— Кто тутъ? повышая голосъ, бросилъ онъ въ темноту,

— Батюшка, до вашей милости пришли. Не откажите придти напутствовать умирающую. На ладонъ дышитъ, необходимо поисповѣдать, причастить и отходную прочитать надъ нею. Помретъ къ утру, по всей вѣроятности, глухо звучалъ какъ будто знакомый батюшкѣ голосъ за дверью.

— Кто умираетъ-то? освѣдомился священникъ снимая тяжелый крюкъ у входа и пропуская поздняго гостя въ сѣни.

— Да бобылка слободская, здѣшняя... Мужъ-то давно померъ, а она на здѣшнихъ нашихъ пригородницъ портняжила. Дюже захворала бѣдняга. Сосѣди мы, я башмашникъ Ивановъ, коли милость ваша, отецъ Паисій признать изволите,—вашего прихода тоже; такъ не откажите къ Федосьевнѣ Христа ради, пройти...

— Хорошо, хорошо, пройду. Господь въ Своей Милости никому отказывать не станетъ... А намъ грѣшнымъ и подавно Волѣ Его слѣдовать должно. Что на улицѣ-то крутитъ, голубчикъ? спросилъ батюшка.

— И-и какъ крутитъ, отецъ Паисій. Прямо таки зги не видать. Фонарь-то не лишнее прихватить будетъ вашей милости, уличные то и дѣло отъ вѣтра гаснутъ... Страсть разыгралась какъ непогодушка нынче.

— Ладно, ладно, и фонарь возьмемъ,—откуда-то уже изъ дальней комнаты долетѣлъ сюда голосъ батюшки. А минутъ черезъ десять изъ домика

священника, находившагося близь кладбища, около деревянной скромной церкви, вышли двѣ темныя фигуры и замаячили среди мятели по слободской улицѣ. Впереди шелъ съ фонаремъ въ рукѣ сапожникъ Ивановъ, позади его отецъ-Паисій, держа одной рукою дароносицу и серебрянный крестъ и евангеліе для исповѣди, завернутые въ епитрахиль, другою, то и дѣло, запахивая верхнюю одежду.

Вѣтеръ рвалъ нестерпимо и валилъ съ ногъ путниковъ. Вьюга залѣпляла имъ глаза. Мятель свистѣла въ уши. Съ трудомъ миновали широкую улицу и вышли на площадь, гдѣ пріѣзжіе окрестные крестьяне торговали сельскими продуктами въ базарные дни. Отсюда свернули въ переулокъ, гдѣ тоже бушевалъ вѣтеръ и хозяйничала разозлившаяся вьюга. Около покосившагося домика съ двумя крохотными оконцами и оторванной вѣтромъ вывѣской, надпись на которой менѣе всего можно было разсмотрѣть сейчасъ, сапожникъ остановился:—Вотъ сюда пожалуйте, батюшка. Да поостерегитесь, ступеньки у нихъ подгнили, того и гляди, провалятся, — предупредилъ онъ и, поддерживая подъ локоть священника, помогъ ему взойти на крыльцо. Уже въ сѣняхъ отца Паисія встрѣтилъ запахъ лѣкарствъ и то неуловимое сопровождающее присутствіе тяжело больного въ домѣ настроеніе, которое опредѣлить словами нельзя, и которое можно только прочувствовать. Блѣдная полоска свѣта, игравшая подъ недоходящими до пола дверями, помогла

пришедшимъ найти и самую дверь. Сапожникъ вошелъ первый, за нимъ прослѣдовалъ батюшка. Въ комнатѣ, освѣщенной огаркомъ, находилось нѣсколько женщинъ. Онѣ о чемъ-то усиленно совѣщались, чуть приниженными голосами, окружая постель, или вѣрнѣе, нѣчто похожее на постель— состоявшую изъ жесткой широкой лавки, съ брошенной на нее подушкой и какимъ-то грязнымъ тряпьемъ, замѣняющимъ матрацъ. На этомъ тряпьѣ лежала худая, какъ скелетъ, желтая женщина съ изможденнымъ лицомъ и глубоко ушедшими въ арбиты глазами. Она тяжело дышала широко раскрытымъ запекшимся ртомъ. Искаженное лицо ея выражало нестерпимое физическое страданіе, казалось, глаза ея смотрѣли, уже ничего не видя... Съ глухимъ хрипомъ поднималась и опускалась ея впалая грудь.

При видѣ вошедшаго священника женщины засуетились и заметались по комнатѣ.

— Батюшка пожаловалъ... Слышь, Федосьевна, исповѣдаться-бы, да Св. Тайнъ пріобщиться тебѣ— наклоняясь къ самому уху больной, произнесла старая слобожанка, за которой давно укрѣпилась репутація ученой лѣкарки, знахарки за то, что она лечила своими собственными примитивными средствами слабожанъ. Но больная на заявленіе лѣкарки ни словомъ, ни движеніемъ, не дала понять, что слышала ее. Глаза Федосьевны пустыя и жуткія по прежнему ничего не выражали, а ротъ продолжалъ съ

хрипомъ выбрасывать дыханіе.—Никакъ, кончается? выразила предположеніе лѣкарка,—батюшка, отецъ Паисій, поспѣшите отходную читать.—

Священникъ приблизился къ иконѣ, чтобы совершить послѣдній обрядъ надъ умирающей. Отысповѣдовалъ глухою исповѣдью больную, и раскрывъ надъ головою ея требникъ, засвѣтилъ тоненькую восковую свѣчу и началъ читать отходную.

Не успѣлъ докончить молитвы отецъ Паисій, какъ что-то бурно заклокотало въ груди больной и на губахъ ея выступила кровавая пѣна. Все тѣло умирающей дрогнуло и Федосьевны не стало. Душа ея отошла въ лучшій міръ. Отецъ Паисій медленно осѣнилъ крестомъ умершую, дочиталъ надъ нею молитву и сталъ снова завертывать крестъ и требникъ въ епитрахиль. Вокругъ съ громкими причитаніями суетились женщины. Кто-то всхлипывалъ, кто-то плаксивымъ нарочито-жалобнымъ голосомъ причитывалъ жалѣя какого-то сироту. Неожиданно широко распахнулась дверь изъ сѣней и въ горницу стремительно вбѣжалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Часто, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отецъ Паисій разсказывая объ этомъ случаѣ, добавлялъ что никогда не забыть ему того отчаяннаго, безнадежнаго крика „мама“, какимъ огласилъ комнату ребенокъ, не забыть и того ужаса, который отразился на его худенькомъ, блѣдномъ лицѣ.

Это былъ Вася, единственный сынъ покойницы. Съ тѣмъ-же раздирающимъ душу воплемъ Вася

бросился къ матери, обхватилъ ея начинавшее уже холодѣть тѣло, прижался лицомъ къ ея груди и такъ и застылъ безъ словъ, безъ движеній. Женщины замолкли сразу, подавленныя видомъ этого безъисходнаго чужого страданія.

Отецъ Паисій, направлявшійся было въ сѣни, пріостановился и тоже ни отрывалъ глазъ съ обезумѣвшаго отъ горя мальчика.

— Одинъ, какъ есть одинъ, сиротинкою круглымъ остался на свѣтѣ,—произнесла сочувствующимъ тономъ слободская знахарка.—А какъ Федосьевна-то его жалѣла, болѣзная! Вѣдь единственной утѣхой онъ росъ у нея...

— Куда-же теперь дѣнется мальчикъ? Есть у него близкіе, родственники? освѣдомился священникъ.

— Какое, батюшка! Вѣдь пріѣзжіе они, и сказываютъ люди, никого-то у нихъ ни только, что близкихъ, но и дальнихъ на свѣтѣ нѣтъ. Совсѣмъ на улицѣ очутился бѣдный. Жаль до слезъ парнишку. Да ничего не подѣлаешь. Противу Господа не пойдешь. Онъ Батюшка Милостивый вѣдаетъ лучше насъ грѣшныхъ что намъ опредѣлено. А все же ка-бы не были мы сами въ нуждѣ да въ лишеніяхъ, каждая бы изъ насъ съ охотой мальца-сиротинушку къ себѣ въ домъ приняла. Ужъ больно тихій да добрый парнишка и услужливый, да вѣжливый такой... — говорила женщина, утирая кончикомъ шейнаго платка мок-

рые отъ слезъ глаза. Она казалась вполнѣ искренней въ своемъ участіи. Отецъ Паисій перевелъ съ нея глаза на Васю. Теперь онъ уже не лежалъ ничкомъ на груди матери. Его блѣдное, перекошенное судорогой страданія личико, было все орошено слезами,—безутѣшными слезами высшаго человѣческаго отчаянія, съ которымъ казалось не сравнится никакое другое горе. Большіе сѣрые глаза мальчика, полные слезъ, съ мучительнымъ недоумѣніемъ впивались въ восковое лицо умершей.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ ты ушла отъ меня, мама? казалось, спрашивалъ этотъ взглядъ, и худенькія рученки все крѣпче и крѣпче сжимались у груди мальчика.

Невыразимое чувство жалости обожгло душу отца Паисія. Картина этого неподдѣльнаго, покорнаго, безропотнаго горя, всколыхнула его. На глазахъ самого священника выступили слезы. Онъ тихо приблизился къ мальчику, положилъ ему руку на плечо и наклонившись къ его лицу, проговорилъ:

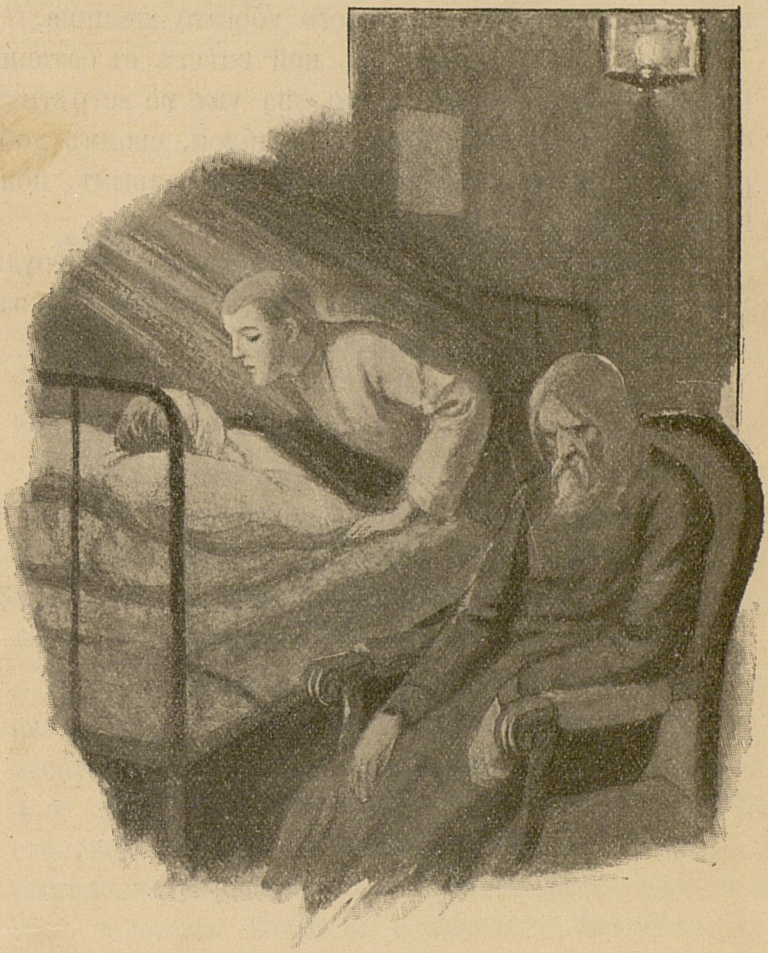
— Тяжелый крестъ посылаетъ тебѣ Господь, дитя мое, но надо нести его безропотно... Видно испытаніе тебѣ даетъ Онъ, нашъ Творецъ милосердный. Выплачься, мальчикъ, не сдерживай своего горя, а тамъ, молиться будемъ вмѣстѣ за упокой души твоей матери. Плачь, дитятко, плачь, въ слезахъ легче переносится горе.

Но Вася уже не слышалъ добрыхъ, сочувственныхъ словъ отца Паисія. Онъ снова упалъ на грудь

матери головою и все его худенькое тѣло сотрясалось теперь отъ неудержимыхъ рыданій.

Получасомъ позднѣе отецъ Паисій шелъ обратно къ церковному домику, предшествуемый башмачникомъ, несшимъ фонарь. Онъ велъ за руку Васю. Еще тамъ, въ домикѣ покойной Федосѣевны, священникъ рѣшилъ взять къ себѣ въ домъ сироту. Когда онъ объявилъ объ этомъ Васѣ, мальчикъ безучастно взглянулъ ему въ лицо своими грустными глазками и не произнесъ ни одного слова. Смерть матери сразила ребенка. Теперь онъ машинально шагалъ по улицѣ подлѣ своего неожиданнаго благодѣтеля и думалъ все одну и ту же неотвязную думу: „Мама умерла... умерла моя мама... Что я буду безъ нея дѣлать теперь?.. Какъ мнѣ жить безъ родимой! И тутъ же до мельчайшихъ подробностей припоминалась ему мать, не сегодняшняя холодная, молчаливая покойница, а та, живая, несказанно дорогая, которая ласково проводила по лицу Васи своей исколотой иглою рукой, которая называла своимъ „соколикомъ“ и „голубчикомъ“ его Васю и такъ нѣжно заботилась о немъ всегда. Вспоминались ему ихъ долгіе, долгіе вечера, когда мать, стуча машинкой, шила безконечныя юбки и кофты на слободскихъ франтихъ, а онъ, Вася, готовилъ уроки къ слѣдующему дню или читалъ матери что-нибудь божественное. Учился онъ въ слободскомъ училищѣ вотъ уже два года и очень старательно готовилъ

свои уроки. А потомъ, покончивъ съ ними, долго бесѣдовалъ съ матерью. Вася разсказывалъ ей о своихъ занятіяхъ въ училищѣ, о товарищахъ и учителяхъ, а Федосѣевна внимательно слушала, стараясь не проронить ни единаго слова своего любимца. По праздникамъ мать и сынъ всегда вмѣстѣ отправлялись въ церковь. Возвращались они оттуда торжественные, радостные, примиренные съ нуждою, ѣли свой болѣе чѣмъ скромный обѣдъ, потомъ шли вмѣстѣ гулять за предѣлы большого огорода, за слободскую черту, подальше отъ людей и шума ихъ суетливой жизни. Мать разсказывала Васѣ объ отцѣ, котораго мальчикъ мало помнилъ. Иногда дѣлилась съ сыномъ своими надеждами на лучшее будущее, мечтала вслухъ о томъ времени, когда дѣла ихъ поправятся немного, когда излишекъ работы дастъ, наконецъ, возможность выбраться изъ когтей острой нужды и они съ Васей заживутъ, мало-мальски, сносной жизнью. И вотъ, вмѣсто этихъ радостныхъ надеждъ — смерть, разрушившая все, раздавившая счастье Васи, отнявшая у него мать, единственную радость и опору его жизни. Какъ неожиданно, какъ жутко подкралась она! Какъ нелѣпо обрушилась со своею страшною косою на ихъ крошечную семью! Вѣдь еще недавно, недѣлю тому назадъ, мать была здорова, хотя и худа и слаба неимовѣрно. Все таки же, двигалась она, говорила, ласкала Васю. А теперь такъ далека стала она ему, такъ ужасно далека!..



Вася наклоняется ниже къ этому блѣдному, странному лицу...

И теперь уже выплылъ въ воображеніи мальчика другой, новый образъ матери, матери покойницы, матери — умершей, которую онъ оставилъ сейчасъ въ углу подъ образомъ своего убогаго жилища.

Завтра онъ вернется къ ней вмѣстѣ съ батюшкой отслужить панихиду, но она уже не встрѣтитъ его своей обычной ласковой улыбкой, своимъ добрымъ, любящимъ взглядомъ или участливымъ, полнымъ тепла и нѣжности, словомъ.

И опять глухія рыданія заклокотали въ груди мальчика и снова весь затрепеталъ Вася отъ охватившаго его остраго порыва горя...

Глава вторая.

Вотъ вамъ новый товарищъ, ребятишки... Обижать его мнѣ не смѣть... Онъ, бѣдняжка, мать потерялъ только что. Сирота круглый. Утѣшьте его, какъ можете. Господь Богъ указалъ намъ жалѣть и любить сиротъ. И, говоря это, отецъ Паисій тихонько толкнулъ впередъ Васю въ сторону толпившихся у чайнаго стола дѣтей.

Послѣ вчерашней мятели погода совершенно неожиданно измѣнилась къ лучшему. Солнышко весело заглядывало въ скромныя горницы церковнаго дома. Было свѣтло и уютно въ небольшой столовой, гдѣ весело пыхтѣлъ пузатый самоваръ и оживленно шушукались о чемъ-то дѣти. Ихъ было семь человѣкъ. Старшій, гимназистъ Митинька, худенькій, съ вытянутымъ лицомъ и чернильными пятнами на пальцахъ, четырнадцатилѣтній подро-

стокъ, за нимъ двѣнадцатилѣтній Киря, тоже гимназистикъ, бѣлокурый, плотный, съ задорными огоньками въ сѣрыхъ бойкихъ глазахъ мальчуганъ, одиннадцатилѣтняя Маня, бойкая, живая дѣвочка съ пронырливой, хитренькой мордочкой лисички и девятилѣтняя Люба, блѣдная, худенькая съ задумчивыми глазами дѣвочка. Затѣмъ шло еще трое малышей: Шура и Нюра, двѣ дѣвочки погодки шести и пяти лѣтъ и хорошенькій трехлѣтній карапузикъ Леша. За самоваромъ сидѣла сестра покойной жены отца Паисія, дѣвица лѣтъ сорока пяти съ неопредѣленнаго цвѣта жидкими волосами и желчнымъ, недовольнымъ выраженіемъ кислаго лица,— Лукерья Демьяновна.

Вася, приведенный сюда поздно ночью наконунѣ отцомъ Паисіемъ и не встрѣтившій за позднимъ временемъ никого изъ членовъ семьи, теперь, въ восемь часовъ утра, нашелъ всю семью въ сборѣ за утреннимъ чаемъ.

Мальчикъ, не сомкнувшій ни на одну минуту глазъ за всю эту ночь и проворочавшійся до утра на узкомъ, клеенчатомъ диванѣ въ комнатѣ своего благодѣтеля, теперь едва держался отъ слабости на ногахъ. А между тѣмъ восемь паръ глазъ были устремлены на него съ самымъ жаднымъ любопытствомъ. Онъ весь вспыхнулъ подъ этими настойчиво разглядывавшими его какъ диковинную звѣрюшку взглядами, весь съежился и не зналъ куда дѣвать руки и ноги.

— Ну вотъ, садись, мальчикъ, выпей чаю съ молокомъ и съ ситнымъ... Подкрѣпись хорошенько, а потомъ пойдемъ панихидку отслужить по твоей матери. Завтра ее хоронить будемъ. Надо, чтобы честь-честью все было, какъ у людей... Да ты садись, не смущайся, никто тебя у насъ не обидитъ. Митинька, ты старшій, возьми его подъ свою защиту, тебѣ его поручаю, и говоря это, отецъ Паисій усадилъ Васю, подставилъ ему только что налитый Лукерьей Демьяновной стаканъ горячаго чаю и, взявъ изъ сухарницы большой ломоть ситнаго, положилъ его передъ мальчикомъ.

Дѣти, повскакавшія, было, съ мѣстъ при появленіи гостя, снова разсѣлись вокругъ стола.

— Что же онъ жить будетъ съ нами, папаша,— освѣдомился басомъ четырнадцатилѣтній Митинька, давно уже считавшій себя взрослымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ.

— Да. Авось, въ тягость не будетъ. Мальчикъ славный и почтительный. Всѣ его знаютъ въ слободѣ. Дѣться ему некуда. Насъ не объѣстъ пока что, а тамъ—посмотримъ.

— Вотъ нужда была такую обузу на плечи себѣ взваливать,— забормотала себѣ подъ носъ Лукерья Демьяновна,— своихъ у насъ ртовъ мало, что ли, заботъ да хлопотъ и безъ него найдется. Ужъ больно вы милостливы, братецъ.—И маленькіе глазки старой дѣвицы окинули Васю недружелюбнымъ взглядомъ.

Отецъ Паисій съ укоромъ взглянулъ на свояченицу.

— Полноте, сестрица,— заговорилъ онъ миролюбиво,— полноте Бога гнѣвить, всѣ мы, слава Тебѣ Господи, сыты, одѣты и обуты, а гдѣ восемь—девять душъ ублаготворены, тамъ ублаготворится и десятая. Не объѣстъ нашихъ птенцовъ чужой птенецъ, пришлый. Вѣдь сирота онъ круглый: ни отца, ни матери, пожалѣть его надо.

— И—и, всѣхъ-то сиротъ не пережалѣешь, братецъ!—фыркнула свояченица.—Вотъ поглядите-ка лучше, у Любы платье то все въ заплатахъ, дѣвченки въ школѣ смѣются, а у Кири сапоги давно каши просятъ.

— У меня, папаша, дѣйствительно сапоги того... проголодались,—съ шаловливыми искорками въ бойкихъ глазахъ заявилъ Киря.

— Ну-ну, хорошо, и платье Любашѣ и сапоги Кирѣ будутъ... Все будетъ, дайте срокъ справиться,— какъ-то виновато, застѣнчиво произнесъ отецъ Паисій. И снова обратился къ своему сосѣду Васѣ:— Ну-ну, мальчикъ, пей чай. Горе то горемъ, а и подкрѣпиться слѣдуетъ. Силы-то молодыя, хрупкія, ихъ пожалѣть надо.

— Другіе то священники,— забубнила снова своимъ непріятнымъ шипящимъ голосомъ Лукерья Демьяновна,—въ домъ несутъ, а вы, братецъ, наровите блюсти чужой интересъ больше собственнаго. Вонъ, сколькимъ помогаете; вѣнчаете, да

хороните, да крестите даромъ... А что толку, уваженія вамъ отъ того больше развѣ? А сейчасъ-то, лишній ротъ въ семью навязали, подумаешь тоже—доходно какъ! Провизія то нынче—ни приступись, дорого какъ! Намедни мясо на базарѣ на двѣ копейки на фунтъ вздорожало, а вы...

— Довольно, довольно, уши вянутъ слушать, что вы говорите, сестрица. Пойдемъ къ покойницѣ, Василій!—рѣшительно заявилъ отецъ Паисій мальчику, который черезъ силу проглотилъ кусокъ ситнаго, и запилъ его чаемъ.

Мальчикъ, испуганный и встревоженный только что слышаннымъ разговоромъ, стремительно вскочилъ съ мѣста и, не поднимая глазъ, бросился слѣдомъ за отцомъ Паисіемъ къ двери.

— Поблагодарить за чай не мѣшало бы,—прошипѣла ему вслѣдъ Лукерья Демьяновна,—вотъ деревеньщина-то, простого приличія не знаетъ,—добавила она, разсерженная въ конецъ на Васю за то, что тотъ не разслышавъ ея замѣчанія не вернулся назадъ.

— Не всякое лыко въ строку, тетенька,—дѣлая серьезное лицо, вступился Митинька, методически прихлебывая чай изъ стакана. — До того-ли ему? Слышали сами мать у него умерла...

— Это не мѣшаетъ, однако, вѣжливѣе быть,—не унималась Лукерья Демьяновна, и вдругъ, замѣтя вертѣвшагося у самовара Лешу, неожиданно обрушилась на него.

— Ты чего здѣсь толчешься? А? Обвариться хочешь. Вотъ постой ты у меня. - И увѣсистый шлепокъ заключилъ эту кроткую, но внушительную тираду.

— Оби-за-а-ютъ! — неистово завопилъ Леша, разражаясь пронзительнымъ плачемъ.

— Ну, слава тѣ Господи, давно рева не слышали, начинается!—морщась, какъ отъ боли, проронилъ Митинька.

— Утренній концертъ—и то дѣло на бездѣльѣ дѣло, а главное, даромъ,—вставилъ Киря.

— Хи-хи-хи!—закатилась пронзительнымъ смѣхомъ Маня.

— Не надо обижать Лешу,—краснѣя до лба и волнуясь, заговорила Люба, быстро вскакивая со своего стула и направляясь къ плачущему мальчику,—покойная мамочка такъ жалѣла Лешу, такъ просила, умирая, не обижать его,—заключила она, взглянувъ съ укоромъ своими большими грустными глазами на тетку. Потомъ присѣла на корточки передъ все еще безутѣшно плачущимъ малюткой и утѣшала его, гладя по головкѣ своей худенькой, маленькой рученкой.

Нюра и Шура, двѣ бѣлобрысенькія дѣвочки, тоже подошли къ младшему братишкѣ и къ Любѣ.

Лукерья Демьяновна при видѣ этой сцены ни мало не смягчилась...—Сейчасъ же перестать ревѣть, у меня, Леша!—прикрикнула она на малютку, а ты, Люба, не изволь глупостей говорить, никто не

обижаетъ это сокровище. Недотрога какой, подумаешь, слова не скажи, сейчасъ въ ревъ...

— Хрупкая штучка, что и говорить! — вставилъ Киря.

— Мальчики, въ гимназію. Маня и Люба, маршъ тоже, а то опоздаете и опять жалобы на васъ пойдутъ. Да Софку мнѣ позовите, она въ сѣняхъ отцовскую рясу чиститъ... Митя, ты просилъ, кажется, вчера на карандаши? — дѣловито распоряжалась Лукерья Демьяновна.

— Просилъ, тетенька, пробасилъ Митя.

— Киря съ тобой своими, пока что, подѣлится. Теперь не до покупокъ. Небось, слыхалъ: новый ротъ отецъ навязалъ семьѣ. Каждый грошъ теперь дома пригодится; значитъ, обойдешься и безъ карандашей до поры до времени.

— То есть, какъ же это такъ? — пожалъ плечами Митинька.

— А вотъ и такъ... Чужіе сыты, а свои должны нуждаться во всемъ, такая мода, стало быть, нынче пошла—съ кривою улыбкой проговорила тетка.

— А намъ учительница велѣла къ сегодняшнему дню всѣмъ учебникъ новый по математикѣ купить,— заикнулась, было, Маня.

— Ладно, подождешь и ты. Не принцесса какая... Сейчасъ ей вынь вотъ да подай учебникъ, цаца тоже какая выискалась,—прикрикнула на дѣвочку Лукерья Демьяновна.

Маня надулась. Я у папаши спрошу, коли вы

не даете,—буркнула она, демонстративно отодвигая съ шумомъ стулъ отъ стола и направляясь къ двери.

— Семейная сцена!—дѣлая комическую гримасу, произнесъ Киря.

Но Лукерья Демьяновна уже не обращала вниманія на дѣтей.

Изъ кухни просунулась голова пятнадцатилѣтней служанки Софки, чрезвычайно любопытной особы, съ ухарски вздернутымъ носомъ, большой пріятельницы старшей дѣвочки Мани.

— Звали, Лукерья Демьяновна?—шевеля своимъ удивительнымъ носомъ, поинтересовалась она.

— Вотъ, что, Софка, ты на котлеты мяса уже нарѣзала?—съ дѣловитымъ видомъ освѣдомилась Лукерья Демьяновна.

— А нѣшто коклетки нынче будутъ?—вопросомъ на вопросъ отозвалась Софка.

— Ну, понятно, котлеты, сейчасъ приду стрянать. Булки побольше положить надо нынче. Лишній ротъ съ сегодняшняго дня у насъ появится, такъ чтобы хватило, слышишь, на всѣхъ.

— А што жъ это на всегдашнее время таперича, мальченка чужой у насъ останется харчевать?—полюбопытствовала Софка.

— Не твое дѣло, ступай.

— Сами же звали.

— Тебѣ говорятъ, ступай!

— Битва русскихъ съ кабардинцами или пре-

красная Софка, догоняющая тетушку Лукерью Де...— началъ было Киря и вдругъ закричалъ неожиданно благимъ матомъ на всю квартиру:—Манька, Манька, что ты мой ранецъ спулила... Вотъ безголовая то... Возьми глаза въ руки да посмотри, что напяливаешь на спину, свое или чужое.

— А ты какъ не смѣешь съ сестрою разговаривать, я все таки дома,—обидѣлась Маня.

— Тетя, велите „дамѣ“ мой ранецъ отдать,— горячился Киря.

— Ахъ, ты Господи! Вотъ Содомъ то! Вотъ наказанье Божеское!—всплеснувъ руками, воскликнула Лукерья Демьяновна, выскакивая изъ кухни.— Что мнѣ дѣлать съ этими дѣтьми? Создатель мой, какъ справиться съ ними! И распустилъ же ихъ себѣ на голову отецъ Паисій. Пошли вонъ, въ школу, сейчасъ же пошли вонъ! — взвизгнула она не своимъ голосомъ на весь домъ.

— Боже мой, да не кричите же такъ, тетенька, не убѣдительно это, — спокойно произнесъ Митинька.

Тетка только рукой махнула и, сильно хлопнувъ дверью, прошла снова въ кухню стряпать незатѣйливый обѣдъ. Софка послѣдовала за нею.

Въ столовой теперь остались только малыши. А Митинька и Киря шагали въ это время по улицѣ съ ранцами за плечами. Маня и Люба, подпрыгивая на ходу, чуть ли не бѣгомъ бѣжали въ свое епархіальное училище, гдѣ старшая дѣвочка училась во второмъ,

а младшая въ первомъ классахъ. И братья, и сестры сейчасъ говорили о живо затронувшемъ ихъ новомъ событіи, о пріобрѣтеніи новаго члена семьи, въ лицѣ Васи. Кирѣ Вася не понравился съ перваго же взгляда.

— Туфля, размазня какая-то, не нашего полка! — рѣшилъ безаппеляціоннымъ тономъ мальчикъ, то и дѣло останавливаясь по дорогѣ, собирая снѣжные комья въ руку и цѣлясь ими въ встрѣчные фонарные столбы.

Митинька, считавшій себя несравненно умнѣе всей семьи Волынскихъ, только презрительно пожалъ плечами въ отвѣтъ на слова брата.

— Ты глупъ, — отвѣчалъ онъ, какъ отрѣзалъ, своимъ ломающимся баскомъ,—когда у насъ умерла мать, мы раскисли не менѣе...

— Да онъ, вообще, повидимому,—калоша, не унимался Киря.

— Почему калоша, а не что нибудь иное? Ну, положимъ, апельсинъ? У васъ, второклассниковъ, всегда такія примитивныя сравненія — продолжалъ убійственно-хладнокровнымъ тономъ Митинька, заставивъ покраснѣть брата.

Киря, отъявленный сорви-голова, почему то робѣлъ передъ старшимъ братомъ и признавалъ его авторитетъ четвероклассника.

Онъ помялся отъ неожиданнаго смущенія, крѣпче сжалъ комокъ снѣга и съ отчаянія швырнулъ имъ въ пролетавшую мимо ворону.

Ворона каркнула и исчезла вдали.

Мальчики подошли къ зданію гимназіи. Разговоръ о Васѣ прекратился самъ собою. За то, почти такой же разговоръ на однородную тему еще продолжался между двумя маленькими епархіалками.

— Какой милый этотъ Вася. Настоящій милый и хорошій мальчикъ. Ти-хонь-кій!-- говорила Люба, стараясь своими маленькими ножонками поспѣть за старшей сестрой.

— Вотъ ужъ ровно не нахожу ничего въ немъ милаго,—фыркнула Маня.—Тихенькій, потому только, что пока себя показать еще не успѣлъ. Всѣ они тихони съ перваго взгляда. Погоди, узнаешь его еще. Хуже Кирьки нашего будетъ. Препротивный мальчишка, повидимому.

— Почему-же все-таки, противный?—не унималась Люба.

— Да ужъ потому, что тетка изъ-за одного его появленія въ домѣ, насъ урѣзывать станетъ. Кирѣ въ карандашѣ отказала, мнѣ въ учебникѣ. Еще не то будетъ. Пожалуй, еще во всемъ другомъ экономію напуститъ, очень это все пріятно будетъ, нечего сказать!

— А по моему, почему бы и не постѣсниться немножко ради другого. Вѣдь мы сироты, и онъ сирота. Онъ бѣдненькій! Мнѣ его жалко, Маничка: какъ ему, должно быть, тяжело безъ матери!

— Ахъ, только не реви ты, пожалуйста, и безъ тебя тошно. Математикъ не велѣлъ безъ учебника

носа въ классъ показывать, а откуда его взять-то!— досадливо повела плечами Маня, бросивъ косой взглядъ на сестру, большіе сѣрые глаза которой, дѣйствительно, наполнились въ эту минуту слезами. Любу, ангельски добрую и отзывчивую, мало кто понималъ изъ старшихъ дѣтей. Это была какая то исключительно нѣжная натура, забывавшая всю себя ради другихъ. Она была любимицей отца Паисія, который за всю свою долголѣтнюю жизнь сдѣлалъ столько добра, принесъ столько незамѣтныхъ по виду, но крупныхъ услугъ людямъ, что вся слобода и ея окрестности знали и любили „добраго батюшку“, какъ родного отца.

Безкорыстіе и великодушіе отца Паисія вошло у слобожанъ даже въ поговорку.

— Добръ, какъ батюшка, отецъ Паисій!—говорили они. И правда, онъ помогалъ бѣднякамъ направо и налѣво и, стѣсненный самъ большою семьею, дѣлалъ все, что было въ его силахъ ради блага другихъ людей. Оттого, семья батюшки жила болѣе нежели скромно, исключительно на маленькое жалованье главы семейства, потому что за исполненіе церковныхъ требъ отецъ Паисій ничего не бралъ съ бѣдныхъ прихожанъ.

Послѣ смерти жены, умершей вскорѣ послѣ рожденья Леши, отецъ Паисій пригласилъ въ домъ ея сестру, свояченицу, Лукерью Демьяновну, воспитывать его семерыхъ ребятишекъ и вести его несложное вдовье хозяйство. Свояченица Лукерья

Тихо приблизился къ мальчику О. Паисій.

Демьяновна сразу энергично принялась за возложенное на нее порученіе. Не злая отъ природы, но мелочная, придирчивая и раздражительно-сварливая, она не могла дать особаго удовольствія своимъ присутствіемъ въ семьѣ. Но это была единственная близкая родственница, наблюденію которой отецъ Паисій могъ смѣло поручить свое многочисленное потомство.

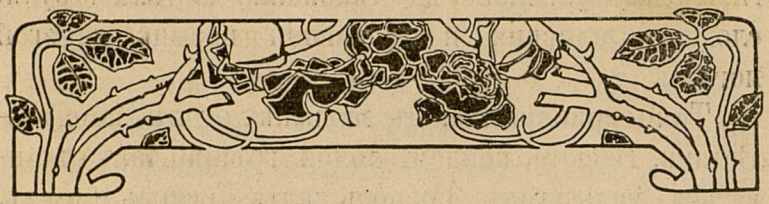
На слѣдующее утро хоронили Федосѣевну.

Падалъ мокрый снѣгъ. Назойливо пѣлъ въ уши вѣтеръ. Съ непріятнымъ карканьемъ метались по кладбищу голодныя вороны. Печально звучалъ заунывный голосъ отца Паисія, выводившій совмѣстно со старымъ псаломщикомъ „Вѣчную память“. Наконецъ, слобожане — сосѣди покойной, опустили убогій гробъ-ящикъ въ могилу, закопали яму и водрузили надъ насыпью убогій, самодѣльный крестъ. Вася, не проронившій за все врема отпѣванья и похоронъ ни единой слезинки, теперь бросился ничкомъ на дорогую могилу и замеръ у подножія креста.

Изъ уваженія къ чужому горю отецъ Паисій отошелъ въ сторону и терпѣливо ждалъ минуты, когда опомнится мальчикъ. Ушелъ старенькій псаломщикъ, ушли слободскіе сосѣди и сосѣдки покойницы, пришедшіе отдать ей послѣдній долгъ, а Вася все лежалъ и лежалъ съ отчаяніемъ въ душѣ, съ цѣлымъ хаосомъ въ головѣ, безотрадныхъ тяжелыхъ мыслей. Только худенькое тѣло его вздра-

гивало конвульсивно, да безпокойно двигались руки, словно гладившія и ласкавшія насыпь дорогой могилы.

Тихо приблизился къ мальчику отецъ Паисій.— Встань, Васюта, пойдемъ домой, грѣшно такъ отчаиваться, мальчуганъ. Господь далъ, Господь и взялъ, покориться надо Его Святой Волѣ! и осторожно, но энергично взявъ за руку мальчика, добрый священникъ повелъ его съ кладбища. Вася послушно слѣдовалъ за нимъ, а вмѣстѣ за мальчикомъ послѣдовали и его безпросвѣтныя мысли и безграничное отчаяніе и печаль.



Глава третья.

Тусклое, студеное, январское утро. . Ѣдкій и сырой туманъ повисъ надъ слободой и окуталъ своей сѣрой непроницаемой пеленой и слободскія улицы - переулки и бродившія по нимъ фигуры людей.

Было шесть часовъ утра и блѣдный зимній разсвѣтъ слабо боролся съ туманомъ.

Въ домикѣ священника едва начиналась жизнь. Софка только что поставила самоваръ на кухнѣ и собиралась идти на рынокъ. Заплетая свою жиденькую, похожую на крысій хвостикъ косичку, она пугливо поглядывала въ окно.

— То есть, и погодка же нонече! — вздыхала Софка—и какъ, то-есть, въ таку туманину на рынокъ идтить? Васенку попросить, што-ли? Лукерья то Демьяновна не узнаетъ, кто былъ. Сама она вчерась сказывала, что не пойдетъ нонче. Ноги у нея болятъ,

чего то передъ погодой. Васинька, а Васинька,— крикнула въ сѣни Софка,—сходи, штоль, на рынокъ за меня, милъ человѣкъ! А?

— Хорошо, схожу! — послышался изъ темноты сѣней голосъ Васи и самъ онъ появился вскорѣ на порогѣ кухни съ пальцами, вымазанными ваксой и съ сапожными щетками подъ мышкой. Въ запачканныхъ пальцахъ онъ умудрился нести семь паръ дѣтскихъ сапогъ, высокіе сапоги батюшки, и широкіе комнатные шлепанцы Лукерьи Демьяновны. Все это было тщательно начищено и блестѣло, какъ зеркало при свѣтѣ кухонной лампы.

— Ишь ты, какъ! разстарался — не могла не восхититься его искусной работой Софка.

— А у Кири то, подопіва отскочила,—у меня есть дратва, да игла башмачная, вотъ я и починю,— произнесъ, самъ съ собою разговаривая, Вася и полѣзъ въ дальній уголъ кухни, гдѣ стоялъ его убогій сундучекъ, за необходимымъ для починки башмака матерьяломъ.

— Стало быть, на рынокъ пойдешь?—еще разъ освѣдомилась Софка, пока мальчикъ ковырялъ иглою въ Кириномъ сапогѣ.

— Если надо, пойду,—отозвался Вася.

Нѣсколькими минутами позже онъ бѣжалъ уже быстро въ припрыжку, по направленію слободской площади, куда аккуратно каждое утро привозили окрестные крестьяне на продажу все необходимое для бѣдныхъ обитателей слободы.

Къ семи часамъ Вася былъ уже дома съ запасомъ хлѣба, мяса, муки и картофеля. Теперь надо было будить Митю и Кирю. Это была настоящая мука, сама непріятная обязанность, которую возложила Лукерья Демьяновна на плечи покладистаго, покорнаго мальчика.

Митинька на всѣ уговоры и напоминанія о томъ, что уже время вставать, только мычалъ и безпомощно моталъ головою. За то, Киря бранился и работалъ кулаками каждый разъ, что Вася дѣлалъ попытку приподнять его голову съ подушки или потрясти за плечо.

Ахъ, это было такое наказаніе, такая мука для Васи!

— Дуракъ! Отстань отъ меня, не то сапогомъ хвачу! Убирайся! Убирайся, покуда цѣлъ!—неистовствовалъ спросонокъ Киря. И только при помощи энергичнаго окрика Лукерьи Демьяновны, поспѣвавшей на эту сцену, удавалось разбудить и подпять неистовствовавшаго гимназиста. Отсюда Вася, по приказанію хозяйки, отправлялся одѣвать Лешу. Впрочемъ, это была самая пріятная для него изо всѣхъ другихъ обязанность.

Трехлѣтній Леша, за двѣ недѣли пребыванія Васи здѣсь у нихъ, въ домѣ, успѣлъ привязаться къ послѣднему со всѣмъ жаромъ маленькаго, безкорыстнаго человѣчка.

Чуткая, покорная и незлобивая натура Васи невольно привлекала къ себѣ сердца хорошихъ и

чуткихъ людей и добрыхъ и ласковыхъ ребятишекъ и вся младшая „половина“ семьи Волынскихъ— Люба, Шура, Нюра и Леша особенно привязались къ Васѣ. Полюбилъ его и отецъ Паисій, успѣвшій лучше всякаго другого понять и оцѣнить милаго мальчика.

Что же касается Митиньки, то, считавшій себя первымъ колесомъ въ телѣгѣ, самымъ умнымъ и полезнымъ членомъ семьи, онъ вполнѣ игнорировалъ Васю, считая его чѣмъ-то въ родѣ слуги и обращался съ нимъ свысока.

А Киря и Маня, тѣ просто не взлюбили мальчика. Отецъ Паисій постоянно ставилъ въ примѣръ Васю этимъ двумъ дѣтямъ, учившимся изъ рукъ вонъ плохо въ школѣ и приводившихъ своимъ непослушаніемъ и рѣзкостями не разъ въ отчаянье отца.

Не взлюбила Васю и Лукерья Демьяновна.

Она не переставала пилить своякa за то, что онъ принялъ мальчика въ семью.

— Лишній ротъ себѣ только навязали, братецъ,—шипѣла она, въ то же время не переставая наваливать на плечи мальчика самую разнообразную и самую тяжелую работу.

Отецъ Паисій, проводившій большую часть дня внѣ дома, ходя по требамъ въ свободное отъ службы время, не могъ видѣть во что превратили Васю въ его семьѣ.

Мальчикъ же работалъ не покладая рукъ, съ

утра до ночи. Покончивъ съ одѣваніемъ Леши, онъ шелъ въ столовую, гдѣ помогалъ Лукерьѣ Демьяновнѣ поить дѣтей чаемъ. Когда старшіе ребята уходили, онъ велъ на прогулку младшихъ. Шура, Нюра и Леша не отставали ни на шагъ отъ ихъ новой „нянюшки". Добрые, печальные глаза Васи, съ ласковой грустью устремленные на дѣтей, находили откликъ въ душахъ послѣднихъ. Мальчикъ говорилъ мало и неохотно, но все его отношеніе къ малышамъ было исполнено заботливости и ласки. Послѣ обязательной часовой прогулки, въ хорошую погоду, они возвращались домой.

Тутъ начиналась самая тяжелая задача дня для Васи. Пока Лукерья Демьяновна готовила обѣдъ съ Софкой на кухнѣ, на обязанности Васи лежало приводить ежедневно въ порядокъ домикъ отца Паисія.

Лукерья Демьяновна, да и самъ отецъ Паисій особенно любили чистоту и порядокъ, поэтому полы въ домикѣ мылись ежедневно съ мыломъ и щелокомъ. До появленія въ домѣ Васи этимъ дѣломъ завѣдывала Софка. Теперь же, заботы по убранству комнатъ были возложены цѣликомъ Лукерьей Демьяновной на плечи новаго члена семьи. Вася трудился на совѣсть. Только къ обѣду, къ тремъ часамъ, управлялся онъ съ уборкой, и уставшій до послѣдней степени едва успѣвалъ привести себя въ порядокъ, пообчиститься и помыться прежде, нежели сѣсть за столъ.

Нынче обѣдали немного позже обыкновеннаго Туманъ, застлавшій съ утра слободу и городъ, не разсѣялся и теперь, поэтому за столомъ горѣла керосиновая лампа. Отца Паисія не было. Онъ поѣхалъ напутствовать умиравшаго старосту за восемь верстъ отъ слободы. Его ждали только къ вечеру. Вся его большая семья сгруппировалась вокругъ обѣденнаго стола. Лукерья Демьяновна была нынче не въ духѣ. Софка разварила мясо въ супѣ и сожгла картофель. Хозяйка сердилась и ворчала весь обѣдъ. Младшія же дѣти о чемъ то шушукались и переговаривались между собою.

— На твою долю нынче мяса не хватило. Благодари Софку, она виновата, ошиблась однимъ кускомъ!—поджимая губы, бросила Лукерья Демьяновна въ сторону Васи, передававшаго тарелки съ жаркимъ дѣтямъ.

Тотъ вспыхнулъ до корней волосъ, какъ это всегда случалось въ такія минуты, когда старшіе обращались къ нему съ какимъ бы то ни было вопросомъ.

— Это ничего, ничего; я и картошкой сытъ буду,—поспѣшилъ отвѣтить мальчикъ.

— То-то, картошкой! Небось, и картошку то не каждый день у матери видѣлъ,—не унималась хозяйка.

— Нѣтъ, они паштетъ изъ воронъ кушали,—сдѣлалъ попытку сострить Киря. Но засмѣялась на его слова одна только Маня, восхищавшаяся

выходками второго брата и старавшаяся подражать ему во всемъ. Митинька презрительно пожалъ плечами и небрежно кинулъ по адресу Кири:

— Не осли!

— А у насъ въ училищѣ нынче житіе преподобнаго Сергѣя Радонежскаго разсказывали, — неожиданно подняла голосъ Люба, отличавшаяся всегда исключительной молчаливостью.—Вася, ты про Радонежскаго что нибудь знаешь? — спросила она своего сосѣда по столу.

— Ну вотъ, гдѣ ему знать, — усмѣхнулся Киря.

— Ну, а ты то, самъ, знаешь?—прищурившись на брата, спросилъ Митинька.

— А то нѣтъ? Пришелъ святой Сергій и основалъ Кіево-Печерскую лавру! — съ апломбомъ доложилъ на весь столъ Киря.

— Ну и врешь... То Ѳеодосій Печерскій, а не Св. Сергій. Ну-ка, Василій, что онъ основалъ? — обратился Митинька къ Васѣ.

Тотъ, красный какъ кумачъ, поспѣшилъ отвѣтить. Онъ прекрасно зналъ житіе Святыхъ и часто въ долгіе, зимніе вечера, пока его мать не разгибала спины надъ работою, читалъ ей „божественныя книжки“, которыя очень любила покойная Федосѣевна. И сейчасъ, толково, хотя и смущенно и тихо, разсказалъ Вася о маленькомъ мальчикѣ Варѳоломеѣ, отмѣченномъ съ дѣтства перстомъ Господнимъ, ставшимъ впослѣдствіи Великимъ Отшельникомъ и основателемъ Троице-Сергіевской Обители,

сыгравшей такую огромную роль въ исторіи нашего государства.

Все это смущенно и тихо передалъ Вася за столомъ.

— Ай да, Василій! Молодчинища! — похвалилъ Митинька; — лучше исторію знаешь, нежели нашъ лоботрясъ. Онъ сегодня два кола принесъ, кстати. Въ классѣ зимовать оставятъ—это уже аксіома и фактъ!—съехидничалъ Митинька.

— Не твое дѣло!—буркнулъ Киря, бросая то на брата, то на Васю уничтожающіе взгляды.

— Ну, положимъ, дѣло то мое,—спокойно продолжалъ Митинька,—потому что случись, не приведи Господь, что съ папашей, я за старшого останусь въ семьѣ и съ такимъ оболтусомъ, какъ ты, мнѣ же придется возиться. Будь ты такимъ работникомъ, какъ Василій, понятно, слова бы не сказалъ, а то...

— Не смѣй, не смѣй меня позорить... Тетя, вы что же это меня ему въ обиду даете? — вдругъ громко, на весь столъ, со слезами въ голосѣ, выкрикнулъ Киря.

— Кириллъ! Это что? Съ ума ты сошелъ, такъ орать за обѣдомъ?—вышла изъ себя Лукерья Демьяновна.—Маршъ, вонъ изъ за стола. Сейчасъ же вонъ! Тебѣ говорятъ! Безъ обѣда останешься за невозможное поведеніе. Митя, выведи его вонъ!

И прежде, нежели Киря успѣлъ опомниться,

старшій братъ всталъ со стула, подошелъ къ нему, взялъ его за руку и повелъ изъ столовой.

— Такъ тебѣ и надо! Не груби старшимъ, не носи единицъ домой! — приговаривалъ онъ

Киря вздумалъ было упираться и барахориться. Но Митинька былъ много сильнѣе младшаго брата, не смотря на сравнительно маленькую разницу лѣтъ. Онъ сжалъ крѣпче руки Кири и вытолкнулъ его за дверь.

— Препротивный, я вамъ скажу, сталъ мальчишка, — возвращаясь на свое мѣсто за столомъ и тяжело отдуваясь, произнесъ Митинька, — надо будетъ съ папашей переговорить; всѣ на него жалуются въ гимназіи, сладу съ мальчуганомъ нѣту. Нынче же съ папашей говорить буду. Ну, а ты, Василій, — неожиданно обратился Митинька къ Васѣ,—что ты, совсѣмъ забросилъ ученье? А? Вѣдь теперь тебѣ въ училище твое поди и вовсе ходить не досугъ.

Вася, не ожидавшій такого вопроса, снова вспыхнулъ до ушей.

— Да... нѣтъ...—растерянно пробормоталъ онъ.

— Что ты выдумалъ, Митинька, какое ужъ тутъ ученье,—раздражительно заговорила Лукерья Демьяновна,—небось, и тѣмъ быть доволенъ долженъ и своего Создателя благодарить ежеденно и еженощно, что держатъ его изъ милости на чужихъ хлѣбахъ. Не каждый, по нынѣшнимъ временамъ, лишній ротъ себѣ въ семью навяжетъ... Не каждый... да...

— Ну, положимъ, Вася не объѣстъ и себя своимъ трудомъ всегда оплатитъ—возразилъ Митинька.

— Вася работаетъ по дому больше Софки, а Софка жалованье получаетъ, а Вася нѣтъ — вступилась и Люба.

— А тебя не спрашиваютъ. Сиди и ѣшь, если не хочешь быть изъ за стола выгнанной по слѣдамъ братца,—зашипѣла на дѣвочку Лукерья Демьяновна, раздавая всѣмъ тарелки съ горячими аладьями, смазанными патокой.

Вася, полуголодный отъ того, что на его долю пришлись жалкіе остатки пустого супа безъ мяса и нѣсколько картофелинъ, помогалъ раздавать тарелки хозяйкѣ. Въ это время Маня, сидѣвшая рядомъ съ нимъ съ другой стороны, изловчилась и предназначенную самому Васѣ порцію сладкаго незамѣтно положила на свою тарелку. Этотъ маневръ былъ, однако, замѣченъ самою Лукерьей Демьяновной. И не столько жалость къ сиротѣ, сколько недостойное поведеніе Мани, возмутило тетку. Она не выдержала и громко крикнула на весь столъ:

— Маня! Это еще что такое? Какъ называютъ того, кто беретъ, присваиваетъ себѣ чужое добро? Сейчасъ же, въ уголъ! Останешься безъ сладкаго. Ну, живо!

Сконфуженной Манѣ оставалось только повиноваться. Багрово краснѣя, она встала изъ за стола.

— Видно, что папаши дома нѣтъ нынче. Безо-

бразіе какое за столомъ дѣлается! Слуга покорный, оставаться здѣсь съ вами больше не хочу.

И Митинька, пользуясь привилегіями старшаго сына, демонстративно громко двинулъ своимъ стуломъ и вышелъ изъ столовой, на ходу крестясь на образъ и буркнувъ себѣ подъ носъ „благодарю“.

Послѣ обѣда, Вася немедленно прошелъ на кухню помогать Софкѣ мыть посуду.

Это заняло, вмѣстѣ съ уборкой самой кухни, около двухъ часовъ. Затѣмъ, пріѣхалъ батюшка. Надо было ставить самоваръ, разогрѣвать обѣдъ для главы семейства.

Незамѣтно прошелъ вечеръ. Въ девять часовъ пришлось укладывать спать Лешу. А потомъ долго рубить дрова въ сѣняхъ и приготовлять растопки для завтрашняго утра.

Только въ одиннадцатомъ часу вечера, когда весь домъ спалъ крѣпкимъ сномъ, Вася могъ принадлежать на часокъ самому себѣ. Тихими, усталыми шагами прошелъ онъ къ себѣ въ уголокъ, въ дальнемъ концѣ корридора, между платянымъ шкапомъ и комодомъ, гдѣ спалъ на старомъ батюшкиномъ полушубкѣ, положенномъ вмѣсто матраца на сундукъ. Теперь только, уставшій до полусмерти, мальчикъ могъ вздохнуть свободно. Но о снѣ Вася сейчасъ и не думалъ даже. Ему предстояла еще долгая, хотя и сладкая обязанность, которую онъ выполнялъ ежедневно, каждый вечеръ, когда все укладывалось и затихало въ домѣ. Это уже дли-

лось съ недѣли двѣ, съ того момента, какъ стала затихать понемногу его острая скорбь по матери и душу мальчика захватила та ненасытная жажда, которою онъ страдалъ всегда. Жажда знаній, ученья...

Съ тѣхъ поръ какъ началась его лихорадочно-рабочая жизнь въ домѣ священника, нечего и говорить о томъ, что занятія въ школѣ Васи должны были прекратиться. Не было теперь ни малѣйшей возможности посѣщать мальчику школу. Но самъ Вася хорошо зналъ цѣну книжныхъ знаній и даже теперь старался не забывать того, что было пройдено имъ за два года ученья въ школѣ. Долго лежалъ онъ съ открытыми широко глазами, перебирая въ мысляхъ все то, что училъ за эти послѣдніе два года, припоминалъ до тѣхъ поръ, пока не подкрадывался сонъ и не смыкалъ усталые глаза ребенка. А съ разсвѣтомъ начиналось то же, что было позавчера, вчера и нынче. Чего надо было ожидать и завтра... Вася выбивался изъ силъ, стараясь своимъ трудомъ отплатить за хлѣбъ, за соль пріютившему его доброму человѣку.

Глава четвертая.

Было воскресенье. Только что вернулись изъ церкви всей семьею и готовились приступить къ праздничному пирогу. Дѣвочки съ яркими ленточками въ косичкахъ, мальчики съ особенно тщательно причесанными и густо смазанными помадой волосами. Батюшка, уставшій послѣ продолжительной службы съ молебнами и акаѳистомъ, чувствовалъ себя нынче нѣсколько разбитымъ.

— А гдѣ же Вася? — обводя столъ глазами и не видя пріемыша, обратился онъ къ остальнымъ дѣтямъ.

— Бѣгаетъ, вѣрно, съ мальчишками на улицѣ! — безъ малѣйшей заминки сказалъ, какъ отрѣзалъ, Киря.

— Вася бѣгаетъ на улицѣ? Опомнись, что ты говоришь, Кириллъ! — возмутился отецъ Паисій.

— А то, нѣтъ? Я самъ видѣлъ, какъ онъ...

— Вотъ неправда-то,—вступилась за мальчика тихая Люба. — Вася на могилку къ матери изъ церкви прошелъ и ты напрасно на него сочиняешь. Не хорошо, Киря. Не виноватъ Вася, что лучше тебя знаетъ исторію.

— Какъ, что лучше Кирилла знаетъ? — удивился батюшка.—Что это значитъ, разскажи, Люба.

Но Любочкѣ показалося что и такъ она сказала больше, чѣмъ слѣдовало-бы и она сидѣла теперь красная отъ смущенія. Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ выступилъ въ качествѣ оратора Митинька. Къ большому стыду и негодованію Кири, онъ разсказалъ подробно отцу о недавнемъ посрамленіи брата въ области знанія исторіи.

— А и учится же Киря, папаша, кстати сказать, преотвратительно, давно вамъ пожаловаться на него собирался,—заключилъ свой разсказъ Митинька.

По лицу отца Паисія проползла печальная усмѣшка. Увы, онъ и самъ давно зналъ о нерадѣніи и лѣни второго сына и давно уже думалъ о томъ, какъ помочь дѣлу и исправить мальчика. Сейчасъ же эта мысль особенно настойчиво докучала священнику.

— Кириллъ, и ты, Василій, подойдите сюда!— позвалъ онъ мальчиковъ по окончаніи обѣда, къ концу котораго подоспѣлъ и Вася. Тѣ подошли и остановились покорно около его кресла.

— А ну ка, Вася, что ты знаешь, напримѣръ,

про выходъ Евреевъ изъ Египетскаго плѣна? — совсѣмъ неожиданно обратился къ пріемышу отецъ Паисій.

Этотъ внезапный вопросъ смутилъ Васю. Онъ покраснѣлъ до ушей. Но, тѣмъ не менѣе, покорный всегда тому, что требовалось отъ него старшими, онъ и сейчасъ началъ трепетнымъ голосомъ разсказывать то, о чемъ спрашивалъ его отецъ Паисій.

— Хорошо, хорошо, одобрялъ Васю добрый священникъ,—очень хорошо, мой мальчикъ, видно сильно любилъ ты свою мать и не хотѣлъ огорчать ее плохими занятіями въ школѣ, что такъ хорошо запомнилъ все пройденное тамъ.

— Ну ка, а ты, Кириллъ, что можешь мнѣ разсказать, напримѣръ, о Навохудоносорѣ?

Киря, помнившій о Навохудоносорѣ столько же, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ, совсѣмъ ошалѣлъ отъ неожиданности при этомъ заданномъ ему вопросѣ. Маня, всегда старавшаяся прійти на выручку любимому брату, старалась во что бы то ни стало сдѣлать это и сейчасъ. Но, увы! И сама Маня была мало освѣдомлена объ исторіи Вавилонскаго Владыки, потому что совсѣмъ уже неудачно, къ полному посрамленію Кири, она изъ за спинки отцовскаго кресла подсказала не впопадъ:

— Это былъ... это былъ царь Египетскій, при которомъ Моисей вывелъ іудеевъ изъ плѣна.

— Очень мило! Ты подаешь большія надежды, Маничка, въ области познаній, но лучше бы ты

все таки помолчала, — язвительно предложилъ Митинька, уничтожая взглядомъ сестру.

Та готова была расплакаться отъ стыда и злости.

— А ну ка, ты, Василій, разскажи, кто былъ Навохудоносоръ по твоему? — обратился теперь къ Васѣ отецъ Паисій, такъ и не дождавшись отвѣта Кири. Мальчикъ сказалъ.

Просто и толково изложилъ онъ исторію Вавилонскаго деспота. Такъ же просто и толково отвѣчалъ онъ на вопросы батюшки по ариѳметикѣ, грамматикѣ и начальныхъ свѣдѣніяхъ географіи и исторіи. На подобные же вопросы, заданные ему отцомъ, никакъ не могъ отвѣтить Киря.

— Стыдно, Кириллъ, стыдно, — съ укоромъ обратился къ сыну батюшка. Вмѣсто того, чтобы радовать и утѣшать успѣхами отца, ты какъ себя ведешь? Какъ учишься? И ты, Маня, тоже... Большая дѣвочка! Стыдитесь оба!.. А тебѣ, Кириллъ, въ послѣдній разъ говорю: не одумаешься, не опомнишься, возьму изъ гимназіи, въ ремесло отдамъ на выучку, а на твое мѣсто Васю помѣщу. Мальчикъ прилежный, радивый, къ ученью горячій. Выйдетъ изъ него толкъ. А пока-что ходи въ свое училище, Василій, — обратился снова къ своему пріемышу отецъ Паисій. — я платить за тебя стану и книги, какія надо, куплю. А вы, сестрица, работать его не заставляйте, пусть учится. Его мать за это помолится за насъ...

— Да какъ же, братецъ, намъ съ Софкой

вдвоемъ не управиться, — заволновалась Лукерья Демьяновна.

— Навохудоносоръ вотъ этотъ поможетъ. Ему куда больше полы мыть пристало, нежели въ гимназіи учиться, — вставилъ Митинька, окидывая презрительнымъ взглядомъ брата.

Младшія дѣти засмѣялись.

— Наводоносолъ, Новосолъ, Новосолъ! — съ трудомъ выговаривая незнакомое слово и прыгая на мѣстѣ, кричали Шура и Нюра.

— Носоль, Носоль! — пищалъ и трехлѣтній Лешенька.

Киря даже поблѣднѣлъ отъ гнѣва, и сжавъ незамѣтно отъ отца кулакъ, показалъ его дѣтямъ. Потомъ злобно взглянулъ на Васю.

— Ну, покажу-же я тебѣ Навохудоносора! — произнесъ онъ чуть слышно сквозь стиснутые зубы по адресу послѣдняго и съ тѣмъ же злымъ лицомъ бросился вонъ изъ комнаты.

Теперь жизнь Васи нѣсколько измѣнилась къ лучшему. Онъ снова ходилъ въ школу, какъ и при жизни матери и только по возвращеніи оттуда работалъ на семью своего благодѣтеля. Но теперь эта работа казалась даже радостной Васѣ. Послѣ четырехъ, пяти часовъ, проведенныхъ въ училищѣ, онъ чувствовалъ себя такимъ свѣжимъ, бодрымъ и обновленнымъ. Даже придирки и вѣчные попреки Лукерьи Демьяновны не могли подѣй-

ствовать на его свѣтлое настроеніе духа, съ тѣхъ поръ, какъ онъ учился въ школѣ, а на постоянныя непріятности, причиняемыя ему чуть не ежедневно послѣ злополучной исторіи съ Навохудоносоромъ, Кирей, онъ старался, какъ можно менѣе, обращать вниманія.

Однако Киря не хотѣлъ оставить Васю въ покоѣ. Митинька, всегда враждовавшій съ братомъ, благодаря отвратительному характеру послѣдняго, въ недобрую минуту принесъ въ гимназію злополучную исторію про Навохудоносора, и Кирю теперь иначе и не звали товарищи, какъ подъ этой кличкой:

— Навохудоносоръ, хочешь, обмѣняемся булками?

— Куда ты задѣлъ мою книгу, Навохудоносоръ?—поминутно изводили Кирю товарищи. А Киря выходилъ изъ себя отъ злости. Во всей постигшей его неудачѣ онъ обвинялъ одного, ни въ чемъ неповиннаго Васю и, буквально, не давалъ проходу послѣднему.

Часто, отправляясь утромъ въ школу, послѣдній не досчитывался той или другой тетрадки у себя въ ранцѣ, того или другого учебника.

Или еще чаще, на чисто и тщательно переписанной страницѣ Васиной диктовки, послѣдній находилъ нѣсколько кляксъ, посаженныхъ умышленно тѣмъ же Кирей. Но мальчикъ молчалъ, никому не жалуясь. Вася терпѣливо выносилъ всѣ нападки

своего мучителя. И это терпѣніе, эта покорность еще болѣе раздражали Кирю.

— Погоди, я еще не такъ тебѣ отплачу, будешь у меня Навохудоносора помнить!—грозился онъ въ слѣдъ Васѣ, когда тотъ торопливой походкой, съ ранцемъ за плечами, спѣшилъ въ свою школу, полный радостнаго предчувствія, короткаго отдыха за милымъ учебнымъ столомъ.

Тамъ, въ школѣ, всѣ учителя любили и отличали мальчика за примѣрное отношеніе къ ученью, товарищи за доброту и готовность прійти имъ на помощь во всякое время. И не мудрено, поэтому, что въ училище свое Вася спѣшилъ, какъ на праздникъ, главнымъ образомъ гнала его туда жажда знаній, знаній безъ конца.

И менѣе всего онъ обращалъ въ такія минуты вниманія на шипѣнье Кири, несшееся ему въ догонку: —Погоди, дуракъ, радоваться! Покажу я тебѣ Навохудоносора! Будетъ тебѣ памятенъ Вавилонскій царь!

И злой мальчикъ сжималъ кулаки и грозилъ ими въ слѣдъ Васѣ.

Глава пятая.

За слободою Марьинскою лежитъ большой, широкій прудъ. Лѣтомъ въ немъ водятся караси и окуни, и слободскіе мальчишки ловятъ ихъ на удочку. Здѣсь, въ одинъ изъ тихихъ, лѣтнихъ вечеровъ, Киря Волынскій свелъ знакомство съ Ванькой Сѣрымъ и Степкой Левшинымъ. Это были самые отчаянные оборванцы съ дальняго противоположнаго конца города, гдѣ ютилась вся безшабашная городская голь.

Ванька и Степка не помнили родства и все свое короткое дѣтство и безотрадное отрочество провели на улицѣ и въ притонѣ, гдѣ водились только бродяги и мелкіе воришки.

Имъ обоимъ было лѣтъ по четырнадцати. Ванька уже сидѣлъ однажды за кражу въ тюрьмѣ и очень гордился этимъ, а Степка останавливалъ прохожихъ по

вечерамъ на улицахъ и, если ему отказывали въ милостыни, осыпалъ ихъ бранью, предварительно прикрывъ себѣ лицо, чтобы его не узнали и не отдали полиціи.

Вотъ съ этими то двумя достойными типами и познакомился Киря, какъ то лѣтомъ, во время рыбной ловли на слободскомъ пруду. Сразу завязалась дружба между троими мальчиками. Кирю прельщало кажущееся молодечество и безстрашіе юныхъ бродягъ. Ему нравилось ихъ ухарство и безшабашіе, умѣнье наводить страхъ на людей и ловко избѣгать рукъ полиціи. Къ тому же, Степка зналъ какой-то особенный способъ приманивать рыбу, которою очень охотно подѣлился съ Кирей. За это Киря обязался осить обоимъ друзьямъ изъ дома остатки обѣда и куски хлѣба, ловко унося ихъ изъ подъ носа Софки и у самой Лукерьи Демьяновны.

„Лѣтняя“ дружба, о которой, впрочемъ, Киря благополучно умалчивалъ дома, перешла въ „зимнюю“. Мальчики встрѣчались теперь на затянутомъ льдомъ слободскомъ пруду, куда Киря бѣгалъ тайкомъ отъ домашнихъ. Друзья усаживались на скатѣ берега, закрытые толстыми стволами осинъ, росшихъ тутъ же, и здѣсь на сугробахъ снѣга дѣлились впечатлѣніями. Киря продолжалъ доставлять сюда Степкѣ и Ванькѣ необходимое пропитаніе, тѣ же въ благодарность угощали его скверными папиросами, набитыми махоркой.

Друзья сидѣли на скатѣ...

Это случилось шестью днями позже исторіи съ Навохудоносоромъ.

Былъ тихій, февральскій вечеръ. Друзья сидѣли на скатѣ. Всѣ трое курили. Оборванцы затягивались съ видимымъ наслажденіемъ, Киря съ отвращеніемъ, которое всячески старался скрыть отъ своихъ собесѣдниковъ. Скверный табакъ раздражалъ носъ и горло, оставляя отвратительный привкусъ во рту.

— Такъ, говоришь, проходу не даютъ? Такъ все и дразнятся? — сплевывая съ какимъ то особеннымъ ухарствомъ черезъ зубы, спросилъ Степка Кирю, только что разсказавшему непріятныя послѣдствія объ исторіи Навохудоносора своимъ новымъ „друзьямъ“.

— Минуты нѣтъ покоя. Вся гимназія узнала. Носу показать въ перемѣну нельзя. Говорятъ: городской „школьникъ на смерть закаталъ гимназиста“. А во всемъ онъ виноватъ... Молчать бы ему передъ папашей слѣдовало, а онъ, на те, высунулся, вотъ, молъ, глядите,—я умникъ какой!

— Ладно, мы этому умнику умъ то посрѣжемъ малость! — пробасилъ Ванька, затягиваясь папироской.

— Такъ я возненавидѣлъ, такъ! Смотрѣть на него не могу. Такъ бы глаза и выцарапалъ. Такъ бы и отплатилъ ему за всю его каверзу... — горячился Киря.

— От-пла-тилъ!—протянулъ презрительно Степка, – от-пла-тилъ... Туда же тоже.

Гдѣ ужъ тебѣ, мозгляку этакому, отплачивать то. Ты это намъ поручи. Мы его въ лучшемъ видѣ отработаемъ. Только держись! Ты самъ не поскупись только. Даромъ, зря никто тебѣ въ драку за другого не полѣзетъ. Вотъ что: уговоръ лучше денегъ, миляга: давай двугривенный на водку, такъ мы тебѣ его живо сократимъ.

— Нѣтъ у меня денегъ,—смутился Киря.

— А книжки есть? – хитро прищурился на него Степка.

— Какія книжки?

— Учебныя, какія же еще! Вотъ то безтолочь! Ты какую-нибудь продай, деньги и будутъ,—ухмыльнулся бродяжка.

— Ну ужъ нѣтъ, этого я не сдѣлаю ни за что. Двугривенный у Маньки сестры, возьму лучше, отдамъ ей на праздникахъ. Отецъ намъ деньгами даритъ,—рѣшилъ Киря.

— Деньгами, говоришь? Эхъ я, простофиля, простофиля, что больше у тебя не спросилъ!—расхохотался Степка.

— Ничего, нашъ атласъ не уйдетъ отъ насъ!—вторилъ ему Ванька.—А теперь, вотъ что, принеси сюда намъ денежки, двадцать, какъ сказано, а вечеромъ, будь покоенъ, подкараулимъ мы цацу вашу, Васиньку хваленаго, и баню ему такую пропишемъ, что долго помнить будетъ, до новыхъ синяковъ.

— Онъ вечеромъ, послѣ всенощной, къ матери на могилу ходитъ,—пояснялъ Киря.

— Ладно ужъ, знаемъ, на днѣ морскомъ сыщемъ. Не сумлѣвайтесь, ваше сіятельство,—расхохотался Ванька. Его достойный товарищъ вторилъ ему. Кирѣ оставалось теперь только исполнить требованіе бродяжекъ.

Къ чести мальчика надо сказать, что далеко не съ легкимъ сердцемъ отправился домой Киря. Что-то больно пощипывало его за душу, что-то сверлило мозгъ при одномъ только представленіи о предстоящей продѣлкѣ съ Васею бродягъ.

— Скажу имъ, чтобы не очень больно дрались, да чтобы сказали ему за что учатъ его...—продолжалъ размышлять и на обратномъ пути къ пруду Киря, успѣвшій выпросить у Мани нужный ему двугривенный въ долгъ, на нѣсколько дней.

И опять кольнуло раскаяніе душу мальчика.

— Вы только не больно шибко деритесь!—чуть слышно и смущенно сказалъ онъ бродяжкамъ.

Тѣ только расхохотались ему въ лицо дерзкимъ смѣхомъ.

— Никакъ разрюмился? А? Барышня вишь какая! То „отплатите за меня“, то „не больно шибко бейте“. Тля ты и больше ничего!—И презрительно сплюнувъ, Ванька отправился покупать водку въ сопровожденіи Степки, насмѣшливо хихикавшимъ по адресу Кири.

Совсѣмъ разстроенный, Киря пошелъ отъ пруда...

Всенощная только что кончилась. Мягкіе февральскіе сумерки, темной сѣтью окутывали слабоду, когда Вася, выйдя изъ церкви, направился по знакомой тропинкѣ, въ дальній уголъ кладбища, гдѣ подъ набухшимъ по весеннему снѣгомъ лежалъ могильный холмикъ его матери. Кругомъ все было темно и тихо... Предвесенняя теплынь неуловимой струйкой носилась въ воздухѣ. Вдали замирали живые звуки. Голоса прихожанъ доносились сюда глухо и и смутно. Вася опустился на колѣни. Крѣпко стиснулъ руки и вперилъ глаза въ дальнее небо, такое высокое и прекрасное съ дивными яркими звѣздами, похожими на чьи-то милые, милые глаза и думалъ въ эту минуту.

„Тамъ, за этой парчевой сѣтью звѣздъ, за бархатомъ февральскаго неба, находится садъ чудесный и прекрасный и въ немъ дворецъ-чертогъ Милосерднаго... Тамъ вокругъ трона Его носятся блѣднолицыя серафимы и херувимы съ такими кроткими, ясными улыбками. И среди нихъ свѣтлыя души умершихъ, достойныхъ и чистыхъ людей. Его мать тамъ-же, среди нихъ... Она стоитъ у подножія Престола Всевышняго и поетъ вмѣстѣ съ хоромъ ангеловъ хвалебную пѣснь Творцу. Въ этой пѣснѣ— мольба и молитва за тѣхъ, кто живетъ на землѣ. И за него, Васю... О немъ молится мама... За него проситъ Бога... За то, чтобы Господь помогъ ему вырости мужественнымъ и сильнымъ, чтобы онъ съумѣлъ отплатить добромъ за добро, сдѣланное ему отцомъ Паи-

сіемъ и его семьею. Да, Вася помнитъ одно только доброе, свѣтлое, что получаетъ отъ этой семьи. Ни попреки Лукерьи Демьяновны, ни постоянныя напоминанія ея о томъ, что онъ „лишній ротъ“, и „ненужная обуза семьи, ни угрозы Кири и брань его, ни насмѣшки Мани, ни пренебреженіе Митиньки не вызываютъ отвѣтнаго недобраго чувства къ нимъ въ сердцѣ Васи. Ангельская доброта отца Паисія, ласка малышей и дружба Любы, покрываютъ съ избыткомъ темныя стороны его жизни въ домѣ священника.

Теперь Вася мечтаетъ лишь объ одномъ: выучиться бы поскорѣе всему тому, чему его обучаютъ въ школѣ, а потомъ поступить куда нибудь на фабрику, куда берутъ подростковъ и гдѣ платятъ хорошіе деньги. Тогда и онъ будетъ вносить свою посильную лепту въ семью, будетъ помогать отцу Паисію, который самъ бьется какъ рыба объ ледъ, чтобы прокормить ихъ всѣхъ. Вася знаетъ, что слабодской приходъ—самый бѣдный въ округѣ, что отецъ Паисій не беретъ за требы съ прихожанъ, знаетъ, что церковную кружку, то есть добровольныя сборы съ молящихся, священникъ, за вычетомъ изъ нея доли причта, отдаетъ на украшеніе храма.

И рѣдкое безкорыстіе отца Паисія трогаетъ и умиляетъ Васю. И сейчасъ онъ молится о немъ, молится съ трогательной дѣтской вѣрой.

— Мамочка, любимая, родимая моя, шепчетъ

дрожащими губами Вася, — помолись ты за меня, родимая, умоли Господа Бога... Пусть дастъ Онъ мнѣ силу и крѣпость Милосердный, отплатить за все добро моему благодѣтелю... Мама, мамочка, помоги мнѣ тамъ, у престола Всевышняго...

Текутъ обильныя слезы по худенькому личику... Тонутъ просвѣтленные глазенки въ безбрежности золотого звѣзднаго океана... И бьется, бьется трепетно, какъ птичка, маленькое сердце.

Было совсѣмъ темно, когда поднялся съ колѣнъ Вася и тихо, не торопясь, пошелъ по кладбищенской тропинкѣ отъ дорогой ему могилы... Мысли его все еще были далеко отъ земли, а умиленная душа была наполнена тихой умиротворенной грустью. Его прежнее острое отчаяніе, вызванное смертью матери, теперь перешло въ грустную тоскующую печаль. И эту печаль онъ носилъ постоянно въ сердцѣ.

Темный февральскій вечеръ потемнѣлъ и сгустился замѣтно, пока мальчикъ молился и мечталъ на дорогой могилѣ. Кладбищенскія деревья пугали его своимъ зловѣщимъ видомъ въ темнотѣ. Бѣлымъ саваномъ лежалъ снѣгъ на могилахъ и дорожкахъ. Было что-то жуткое въ предночной тишинѣ и въ спокойствіи кладбища.

Вдругъ рѣзкій пронзительный звукъ, похожій на крикъ ночной птицы, пронзилъ эту мертвую тишину. И одновременно съ этимъ двѣ черныя тѣни покрыли собою бѣлую скатерть снѣжной дорожки,

убѣгающей вдаль. Двѣ фигуры, крупнѣе и выше Васи чуть-ли ни на цѣлую голову выскочили изъ-за ствола ближайшаго дерева и загородили мальчику дорогу.

— Что вамъ на... началъ, было, Вася, невольно подаваясь назадъ. И не докончилъ начатой фразы... Чьи-то сильныя руки толкнули его въ грудь, чья-то нога неожиданно подвернулась ему подъ ногу и съ крикомъ испуга мальчикъ полетѣлъ въ снѣгъ...

. . . . . .

Вернувшись сегодня отъ вечерни Киря чувствовалъ себя въ самомъ отвратительномъ настроеніи духа. Атмосфера тихаго ублаготворяющаго душу покоя, благоговѣйная красота церковной службы всколыхнули озлобившуюся, мелкую, но далеко не жестокую и не злую душу мальчика. Еще тамъ, въ церкви, стоя передъ образомъ Спасителя, глядя въ кроткое Лицо Его, озаренное огнями свѣчей, Киря почувствовалъ всю гнусность и несправедливость своего поступка. Онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на стоявшаго неподалеку отъ него Васю и каждый разъ сердце мальчика екало отъ мучительнаго сознанія своей виновности.

Степка и Ванька уже на кладбищѣ и ждутъ свою жертву... мелькало въ головѣ Кири... Что если бѣжать туда, предупредить событіе? Или сказать Васѣ: — не ходи сегодня къ матери на могилу... Тогда, можетъ статься, легче и свѣтлѣе сдѣлается на душѣ?

Но не хотѣлось показаться смѣшнымъ въ глазахъ своихъ двухъ пріятелей Степки и Ваньки, да и все еще клокотавшая въ душѣ злоба противъ Васи, мѣшали Кирѣ привести въ исполненіе свое благое намѣреніе, и онъ не предупредилъ Васи, не пошелъ отговаривать бродяжекъ, а по окончаніи всенощной направился прямо домой.

Здѣсь онъ усѣлся за чтеніе Майнъ-Ридовскаго „Всадника безъ головы“ своей любимой книги. Но сегодня „Всадникъ“, перечитываемый чуть-ли не въ десятый разъ Кирею, совсѣмъ не удовлетворялъ мальчика.

И за вечернимъ чаемъ онъ сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ. Ему все мерещились крики и вопли среди ночной тишины. Когда же отецъ Паисій, вернувшійся позже всей остальной семьи изъ церкви, спросилъ, гдѣ Вася, Киря не могъ отвѣтить ни слова отцу; такъ велико было его волненіе. Наконецъ, не выдержавъ больше этой пытки, онъ незамѣтно схватилъ фуражку и пальто и выскочилъ на крыльцо. Въ ту самую минуту, когда мальчикъ быстро пересчитавъ ногами ступени, кинулся по дорогѣ къ кладбищу, находившемуся шагахъ въ ста отъ церковнаго дома, испуганный пронзительный вопль огласилъ ночную тишину. Это кричалъ Вася, голосъ котораго Киря узналъ бы изъ тысячи. Не помня себя, весь охваченный трепетомъ и отчаяніемъ, Киря стремглавъ

кинулся на эти крики, не отдавая отчета въ томъ, что ему надо было дѣлать.

Онъ подоспѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда Степка сидѣлъ верхомъ на шеѣ Васи, глубоко вдавивъ его голову въ снѣгъ, а Ванька изо всей силы молотилъ кулаками по спинѣ жертвы.

— Стойте! Стойте! Не смѣйте его трогать! Вамъ, говорятъ, довольно! — закричалъ, подбѣгая къ бродяжкамъ, Киря такъ громко, что тѣ сразу вскочили на ноги, выпустивъ изъ рукъ Васю. Ванька, злой и всклокоченный, теперь подступилъ съ сжатыми кулаками къ самому Кирѣ.

— Ты что это, такой сякой, выдумалъ? А? Сперва добрыхъ людей зря обезпокоилъ, а самъ, вишь; предательствовать, продавать насъ вздумалъ? Да, мы тебя за это, знаешь-ли, во какъ...

— Такъ вотъ оно что! — зловѣще протянулъ и Степка, тоже наступая на Кирю, — самъ Христомъ Богомъ молилъ: побейте, молъ, проучите Ваську а довелось на дѣлѣ, такъ и того, крикъ поднялъ... Да мы, братъ, тебя за это съ Ванькой въ порошокъ сотремъ...

Но стереть „въ порошокъ“ Кирю такъ и не пришлось бродяжкамъ. Причетникъ Пахомычъ съ сыномъ сторожемъ услышали голоса и крики и спѣшили сюда съ фонарями въ рукахъ. Завидя приближающихся къ нимъ людей, оборванцы дали тягу... Далъ тягу, по примѣру ихъ, и Киря. Вася, оглушенный и ошалѣвшій отъ неожиданнаго нападенія, медленно поднялся съ земли и смотрѣлъ растерян-

ными глазами на подоспѣвшихъ къ нему людей. Плечи и спина его больно ныли. Но къ счастью, бродяги не успѣли избить его такъ, какъ они намѣревались сдѣлать это. Появленіе Кири помѣшало имъ.

Теперь же, когда старикъ Пахомычъ съ сыномъ подошли къ Васѣ и стали разспрашивать его обо всемъ случившемся, натянутые нервы мальчика не выдержали и онъ разрыдался навзрыдъ. Какъ ни былъ ошеломленъ Вася, онъ успѣлъ, однако, изъ словъ напавшихъ на него оборванцевъ понять, кто толкнулъ ихъ на это нападеніе. И причину Кириной мести онъ понялъ сразу.

Незаслуженная обида и боль пережитой несправедливости такъ глубоко затронули Васю, что ему казалась теперь чудовищной мысль вернуться въ тотъ домъ, гдѣ съ такимъ явнымъ недоброжелательствомъ къ нему, Васѣ, и злобной враждою, жилъ Киря. Съ минуту колебался мальчикъ, отвѣчая не впопадъ на разспросы сторожа и причетника, допытывавшихся у мальчика, кто и за что его побили. И думалъ все одну, одну и ту же смутную думу: возвращаться-ли ему домой, къ его благодѣтелю, отцу Паисію, или же прямо отсюда пойти просить пріюта и крова у добрыхъ людей.

И вотъ, словно изъ подъ земли выросла передъ Васей знакомая, милая фигура, въ старенькой зимней, теплой рясѣ съ развѣвающимися по вѣтру, рано посѣдѣвшими, длинными волосами.

— Васюкъ, ты? Ты это кричалъ недавно? Кто тебя обидѣлъ? Да объясни же мнѣ скорѣй!—взволнованно и трепетно говорилъ отецъ Паисій съ быстротою юноши, прибѣжавшій сюда на кладбище на выручку своему любимцу.

И этотъ трепетный, полный участія и любви голосъ, сразу потушилъ пламя возмущенія и негодованія, бушевавшіе въ сердцѣ Васи...

Онъ взялъ обѣими руками руку священника и благоговѣйно поднесъ ее къ своимъ губамъ:

— Не извольте безпокоиться, батюшка,—произнесъ, какъ только могъ, спокойно мальчикъ,—я живъ и здоровъ. Какіе то уличные бродяги напали на меня, начали бить, да спасибо Кирѣ, выручилъ... во время прибѣжалъ!

— Киря, говоришь? Да гдѣ же онъ, не вижу его, что то,—удивился отецъ Паисій.

— Должно быть, за вами побѣжалъ...—впервые говоря неправду, вспыхнулъ до корней волосъ Вася.

— Шибко побили они тебя?—волнуясь, допытывался священникъ.

— Нѣтъ, ничего... до свадьбы заживетъ...—попробовалъ пошутить Вася.

— И какъ только прошмыгнуть успѣли они сюда,—негодовалъ батюшка.—Пахомычъ, вели сыну получше караулить кладбище,—строго обратился батюшка къ причетнику.

— Да я у всенощной былъ, батюшка,—оправды-

вался тотъ.—Да нѣшто, углядишь за ними... Вѣчно народъ здѣсь толкается!

— О, Господи, грѣхи наши тяжкіе, сохрани Богъ!—вздыхалъ вмѣстѣ съ сыномъ и Пахомычъ.

Въ этотъ вечеръ Вася, отказавшись отъ ужина, постарался какъ можно раньше юркнуть въ свой уголокъ.

Ему были тяжелы даже сочувствующіе разспросы дѣтей о случившемся.

Они растравляли его сердце. И долго, долго не могъ онъ забыть незаслуженную обиду, нанесенную ему Кирей.

Глава шестая.

То, чего такъ боялся отецъ Паисій, наконецъ, случилось. Кирю исключили за нерадивость, лѣнь и за дурное поведеніе изъ гимназіи.

Это былъ ужасный день, когда мальчикъ вернулся съ книжками подъ мышкой изъ класса въ неурочное время. Весь домъ точно застылъ въ отчаяніи.

— Дождался! — шипѣла Лукерья Демьяновна на племянника, когда тотъ шмыгнулъ мимо нее съ низко опущенной головою въ комнату мальчиковъ.

Люба только руками всплеснула.

— Бѣдная мамочка! Она все это видитъ съ неба, каково это ей!—прошептала дѣвочка.

Митинька только плечами пожалъ.

— Допрыгался! Давно предсказывалъ лоботрясу, что добромъ не кончитъ,—пропустилъ онъ сквозь

зубы. Маня, первый другъ и товарищъ Кири всячески старалась успокоить своего пріятеля.

— Въ сапожники отдать его, а не утѣшать надо,—шипѣла тетка.

— Въ сапозьники,—протянулъ за нею и Леша.

Это переполнило чашу. Киря, несдержанный и грубый даже съ младшими членами семьи, теперь вышелъ изъ себя окончательно.

— Молчи, клопъ, раздавлю!—крикнулъ онъ на Лешу.

Малютка испуганно шарахнулся въ сторону.

— Попробуй только, — заступился за малыша Митинька.

Къ обѣду совершенно разстроенный и блѣдный вернулся отецъ Паисій.

Когда онъ, снявъ верхнее теплое платье, показался въ столовой, вся семья ахнула.

На немъ лица не было. Щеки дрожали, глаза растерянно моргали. Онъ, то и дѣло, нервно теребилъ свою полусѣдую бороду.

— Братецъ... Кирю то...—начала было Лукерья Демьяновна и тутъ же смолкла, не досказавъ своей фразы.

— Несчастье случилось,—не слушая ее, произнесъ охрипшимъ отъ волненія голосомъ отецъ Паисій. — Деньги, всѣ деньги, которые за три мѣсяца службы причиталось, все мое жалованіе... потерялъ.

— Какъ? Что?—вырвалось у старшихъ членовъ семьи однимъ полнымъ испуга и ужаса возгласомъ.

— Ну, да, потерялъ. Возили Икону Чудотворную съ Пахомычемъ въ дальніе Стопки за десять верстъ. Оттуда уѣхалъ, бумажникъ былъ со мною, отлично помню. Возницѣ на чай еще въ Стопкахъ давалъ... А подъѣзжаю къ Марьинской нашей, хвать, нѣтъ бумажника. У мельницы останавливались, давали прикладываться къ Царицѣ Небесной мельнику съ женою... Вносили Царицу Небесную въ избу, въ это время и обронилъ, надо полагать... Ахъ ты, Господи, какъ же мы жить теперь будемъ?—возгласами исполненными отчаянія, срывалось изъ устъ батюшки.

— Какъ жить будемъ, да ужъ и не знаю, какъ жить придется теперь, — неожиданно разразилась Лукерья Демьяновна;—мало того, что лишній ротъ семьѣ навязали, другого будущаго дармоѣда себѣ на шею посадите, Кирю, сыночка вашего прелестнаго, полюбуйтесь, на него, братецъ, изъ гимназіи выключили. А тутъ одно къ одному: деньги, говорите, потеряли. Ну, стало быть, всей семьею побираться пойдемъ.

— Что вы, что вы, сестрица? Про кого вы это? Кого выключили? Кирю выключили? Изъ гимназіи? О, Господи, Боже мой, что я слышу? Вѣрно ли, такъ ли, да говорите, ради Христа!—и еще болѣе взволнованный, отецъ Паисій переводилъ со своя-

бы, кажется, туда побѣжалъ на ночь не глядя... А что ежели и вправду побѣжать? Захватить у Пахомыча фонарь по пути, да и дойти весь путь до дальнихъ Стопокъ.

Мысль эта, какъ вихрь пронизала голову Васи. Неудержимо захотѣлось мальчику выручить изъ бѣды благодѣтеля, попытаться хотя бы немного помочь ему и онъ уже не раздумывалъ больше. Ни поздняя ночь, ни дальнее десятиверстное разстояніе не могли удержать мальчика. Быстро докончивъ уборку посуды, онъ наскоро одѣлся, захватилъ шапку и вышелъ за дверь, плотно притворивъ ее за собою.

— Тихо у насъ въ слободѣ, да и въ церковный домъ не придутъ воровать,—соображалъ мальчикъ, направляясь въ дальнюю дорогу.

Ночь стояла темная, безлунная. Путь лежалъ черезъ лѣсъ. Мрачная темень невольно пугала юнаго путешественника. Призрачными тѣнями отпечатывались старыя березы и липы на снѣгу.

Въ трехъ верстахъ отъ Слободы Марьинской лежала водяная мельница. Тамъ и зимою, когда не было работы жила мельникова семья, хозяева съ дочкой. Но три версты, темнымъ непроглядным лѣсомъ, показались цѣлою вѣчностью, одиноко-шагающему мальчику. Не трусливый отъ природы, Вася, испытывалъ однако нѣкоторую боязливость среди страшныхъ великановъ деревьевъ и принявшихъ фантастическія формы придорожныхъ кустовъ. Ручной фонарикъ, захваченный у Пахомыча освѣ-

щалъ дорогу. Вася шагалъ быстро, настолько быстро, насколько могъ. Онъ то и дѣло поворачивалъ то вправо, то влѣво свой фонарикъ, низко наклоняя его къ землѣ, въ надеждѣ увидѣть потерянный батюшкою бумажникъ.

Но послѣдняго нигдѣ не оказывалось. Отъ постояннаго нагибанія у Васи заболѣла спина, ноги же мальчика дрожали отъ усталости. Съ ужасомъ думалъ онъ о томъ, что ему предстоитъ еще пройти такъ цѣлый долгій путь, чуть ли ни ползкомъ, едва не касаясь земли, если бы, паче чаянія, бумажникъ не оказался на мельницѣ. Почти выбившись изъ силъ мальчикъ достигъ, наконецъ, деревяннаго строенія съ огромнымъ колесомъ сбоку. Рѣка, еще скованная льдомъ, молчала, между бѣлыми, по зимнему убранными берегами. На мельницѣ было тихо. Въ окнѣ избенки-пристройки свѣтло мигалъ огонекъ „Божьяго глаза“, лампадки передъ кіотомъ. Семья мельника, уже повидимому, спала крѣпкимъ сномъ. Вася перенесъ фонарь изъ одной уставшей руки въ другую и почти ползкомъ поползъ къ крыльцу, не переставая оглядывать зоркими молодыми глазами каждую пядь дорожки.

Но оброненный батюшкою бумажникъ все не попадался на глаза. Наконецъ, мальчикъ добрался до самаго крыльца и сталъ тщательно обшаривать его ступени. Онъ такъ ушелъ въ свое дѣло, что не замѣтилъ какъ откуда-то съ боку, съ задняго выхода показался распоясанный въ одной

нижней одеждѣ мельникъ и сталъ въ свою очередь зорко слѣдить за мальчикомъ, ползавшимъ съ фонаремъ въ рукахъ по ступенямъ крылечка.

— Ага! Попался! Чтой-то ты никакъ по чужимъ сѣнямъ хозяйничать ходишь. Стой, братъ... Не уйдешь! И огромная волосатая рука мельника схватила Васю за шею. Фонарь выпалъ отъ неожиданности изъ рукъ мальчика и потухъ.

— Дяденька, не думайте, ради Христа, что я воровать у васъ вздумалъ... Я Вася, пріемышъ отца Паисія, — торопливо залепеталъ онъ. — Отецъ Паисій здѣсь бумажникъ свой обронилъ. Всѣ деньги какіе у него ни на есть въ бумажникѣ были... Можетъ, здѣсь обронилъ, можетъ у васъ оставилъ, а можетъ и при выѣздѣ изъ дальнихъ Стопокъ потерялъ. Только въ горѣ онъ страшномъ, самъ не свой; ни ѣсть, ни пить не можетъ... Ужъ и не знаю, что съ нимъ будетъ, если бумажникъ не найдемъ.

— Такъ это онъ тебя ночью на поиски послалъ за бумажникомъ, паренекъ? — совсѣмъ уже инымъ тономъ проговорилъ мельникъ.

— Нѣтъ, какъ можно, какъ можно! Онъ даже и не знаетъ, что я изъ дому ушелъ, что вы, дяденька,—даже руками замахалъ на него Вася.

— Ну, коли такъ, пойдемъ въ избу. Можетъ и привалитъ тебѣ счастье, паренекъ, найдешь бумажникъ...

— Да что вы, дяденька, неужто-жъ найдемъ? — не смѣя вѣрить своимъ ушамъ, обрадовался Вася.

— Коли поищемъ хорошенько, стало быть и найдемъ,—усмѣхнулся мельникъ и легонько за плечи подтолкнулъ мальчика въ сѣни. Его жена, молодая еще женщина съ ребенкомъ на рукахъ, вышла изъ-за ситцевой занавѣски, раздѣлявшей на двое горницу и уставилась на Васю изумленными глазами.

— Да какъ же это ты одинъ пришелъ не глядя на ночь, такой маленькій? — ахала она. — Да не тебя ли, къ слову сказать, на прошлой недѣлѣ, посадскіе поколотили городскіе.

— Меня,—тихо отвѣчалъ Вася.

— Подучилъ ихъ священниковъ мальченка, я слыхала?—допытывалась дальше любопытная мельничиха.

— Мало-ли что бываетъ!—уклончиво отвѣчалъ Вася.

— Ну, а таперича самъ ты пришелъ, либо отецъ Паисій прислалъ?

— Самъ.

— Ишь ты, храберъ больно! Тутъ въ лѣсу у насъ посадскіе тоже зачастую бродятъ. Неравенъ часъ до грѣха. Молодъ ты еще...

— Отецъ Паисій бумажникъ обронилъ, найти безпримѣнно было надо.

— Нашли, нашли бумажникъ! Сразу догадались что батюшкинъ, завтра поутру отнести ладили. Нынче-то поздно... Нашли подъ вечеръ на дорожкѣ. Какъ, значитъ, подымали Владычицу, такъ тутъ же и выпалъ онъ у батюшки,—говорила словоохотливая баба.

— Отдали бы, небось, утречкомъ бы и занесли,— вторилъ мельникъ.

— Ахъ, не надо ждать до утра... Батюшка безпокоится очень, спать не будетъ, такъ весь и заволновался Вася,—пойдемте сегодня же ради Бога, пойдемте, батюшка такъ обрадуется, право!

— А и прыткій же ты паренекъ,—засмѣялся мельникъ, — Ну, что мнѣ дѣлать съ тобою, идти такъ и идти. Подавай одеженку, баба, ишь генералъ торопить надумалъ. Ослушаться ихъ превосходительство никакъ нельзя.

Насколько тяжелымъ и труднымъ показался Васѣ путь на мельницу, настолько радостной и пріятной была обратная дорога домой. Мальчикъ несся какъ на крыльяхъ, бодро шагая о бокъ съ мельникомъ, забывъ усталость. Вотъ миновали они опушку, прошли слободское поле и вошли въ слободу. По прежнему все спало кругомъ. Только въ окнѣ горницы отца Паисія свѣтился поздній огонекъ.

— Не спитъ бѣдный, тревожится, — пожалѣлъ Вася священника, входя въ сѣни.

— Батюшка, отецъ Паисій, нашелся бумажникъ. Мельникъ Захаръ нашелъ, — бодрымъ веселымъ голосомъ проговорилъ мальчикъ у дверей горницы. Тотъ стремительно всталъ со стула и истово перекрестился на кіотъ, озаренный лампадою.

Вошелъ Захарычъ. — Ужъ прости, батюшка, поздній гость, да пріемышъ твой ждать не дозво-

лилъ дольше. Сейчасъ, говоритъ, неси, находку Захаръ къ батюшкѣ. Ну какъ есть командиръ, генералъ, право слово!

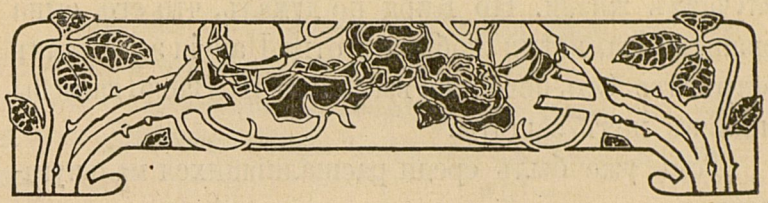
— А денежки извольте пересчитать все-же... Денежки, инъ, счетъ любятъ,—подавая бумажникъ отцу Паисію, закончилъ Захаръ.

Была уже поздняя ночь, когда ушелъ мельникъ, отказавшійся отъ всякаго вознагражденія за свою находку, а отецъ Паисій все еще не отпускалъ отъ себя Васю, въ который уже разъ заставлялъ его разсказывать о томъ, какъ надоумился онъ пойти искать бумажникъ на мельницу, какъ шелъ по лѣсу, какъ шарилъ съ фонаремъ по дорогѣ.

Запѣли первые пѣтухи въ слободѣ Марьинской, когда, наконецъ, отецъ Паисій, обнявъ и благословивъ Васю на сонъ грядущій, отпустилъ его спать. Но еще до сна долго ворочался на своей убогой постели священникъ и думалъ:

— Истинное сокровище послалъ мнѣ Господь! Кабы хоть малость походилъ Кириллъ мой на Васю, лучшаго и желать не надо. Эхъ, Киря, Киря, много заботъ и горя принесъ ты отцу.

Только съ восходомъ солнца, когда проснулась слобода, сомкнулъ въ это утро усталые глаза отецъ Паисій.



Глава седьмая.

Синяя говядина! Синяя говядина! Почемъ за фунтъ? Глядите, братцы, синяя говядина къ намъ пожаловала! — весело кричали школьники, окружая Кирю, пришедшаго нынче впервые въ классъ.

— Былъ баринъ бариномъ, гимназистомъ, вашимъ благородіемъ, а нонче не лучше насъ грѣшныхъ, сталъ! — подскакивая къ Кирѣ пищалъ умышленно тонкимъ голосомъ какой-то шалунъ.

— Оставьте его, братцы! — унимали школьниковъ ихъ болѣе благоразумные товарищи.

Киря, впервые пришедшій сегодня въ школу, чувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ и приниженнымъ здѣсь. Слободскіе мальчики имѣли привычку дразнить городскихъ гимназистовъ, называя ихъ „синею говядиною“ за синій цвѣтъ мундирчиковъ, одѣваемыхъ тѣми, кстати сказать, въ самыхъ рѣдкихъ

случаяхъ жизни. Но Киря не думалъ, что его, сына священника, всѣми любимаго отца Паисія здѣсь такъ встрѣтятъ. Онъ нечаянно взглянулъ на Васю, какъ бы ища въ немъ защиты.

Тотъ уже былъ среди расшалившихся мальчугановъ.

Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ Кирѣ, дернулъ его за фалду куртки и пробасилъ:

— Господинъ гимназистъ, ваше высокородіе—сковородіе, гдѣ свои блестящія пуговицы растерялъ?

— Первые да будутъ послѣдними... Изъ гимназіи да въ школу прямымъ путемъ дороженькой!—вторилъ ему въ тонъ другой мальчуганъ.

— Ивановъ! Тебѣ не стыдно?—прикрикнулъ на него Вася.—Попроси у меня задачу объяснить—ничего не получишь за такія каверзы.

Голосъ всеобщаго любимца возымѣлъ свое дѣйствіе. Мальчики отхлынули отъ Кири, оставили его въ покоѣ.

Учительница русскаго языка должна была въ нынѣшній урокъ дѣлать диктовку. Она вызвала Кирю писать на доскѣ, въ то время какъ остальные мальчики писали у себя въ тетрадкахъ. Не прошло и пяти минутъ съ начала работы, какъ Киря услышалъ позади себя сдержанные смѣшки и насмѣшливые возгласы:

— Вотъ такъ гимназистъ!

— Да онъ грамоты и не нюхалъ, братцы!

— Ай да синяя говядина! Видно былъ, послѣдній, изъ послѣднихъ учениковъ.

Анна Ивановна взглянула на доску и тоже ахнула. Диктовка Кири была вся испещрена ошибками.

Теперь уже даже Вася не смогъ спасти Кирю отъ насмѣшекъ. Послѣ урока мальчики гурьбою окружили доску съ диктовкою и осыпали Кирю градомъ насмѣшекъ.

Тотъ стоялъ красный, злой, надутый... И вдругъ сжалъ кулаки и, прочищая ими дорогу, кинулся изъ класса.

Забывъ въ училищѣ пальто и шапку, Киря мчался теперь по слободской улицѣ... Отсюда завернулъ въ поле, изъ поля — въ лѣсъ... Онъ не замѣчалъ ни вѣтра, ни хлопьевъ мокраго снѣга, падавшаго съ самого утра. А опомнился только тогда, когда былъ уже далеко отъ слободы и ея обитателей. Тутъ онъ бросился ничкомъ на мокрый снѣгъ и разразился безпомощными горькими слезами.

Обида, душевная боль, раскаяніе въ прошломъ нерадѣніи, — все это сразу потокомъ затопило его душу. Онъ понималъ отлично, какъ неглупый отъ природы мальчикъ, что винить ему некого, что онъ во всемъ виноватъ одинъ. И слезы его лились неудержимо. Опомнился Киря тогда только, когда холодъ сталъ пронизывать его насквозь и все тѣло его дрожало, какъ въ лихорадкѣ. Онъ сдѣлалъ уси-

ліе надъ собою, поднялся съ земли и медленно поплелся къ дому.

Въ этотъ день Киря не вышелъ къ обѣду и спозаранка завалился спать, ссылаясь на головную боль и лихорадку.

А на слѣдующее утро Лукерья Демьяновна, заглянувшая въ уголокъ къ племяннику, вскрикнула отъ испуга. Все лицо мальчика было покрыто красноватыми пятнами, глаза неестественно блестѣли, а самъ онъ горѣлъ, какъ раскаленная печь.

Докторъ, приведенный отцомъ Паисіемъ долго осматривалъ, выстукивалъ больного и покачивалъ головою. Наконецъ, онъ отошелъ отъ постели Кири, метавшагося въ жару и тщательно намыливая себѣ у рукомойника руки сказалъ съ трепетомъ ожидавшему его приговора отцу Паисію.

— У мальчика заразная болѣзнь. Это злѣйшая форма рожи. Она прилипчива при прикосновеніи къ больному. Отдѣлите другихъ дѣтей, да и сами остерегайтесь. Повторяю, болѣзнь заразительна и очень опасна.

У отца Паисія руки опустились при этомъ извѣстіи.

Онъ не хотѣлъ отпустить Кирю въ больницу. Мальчикъ былъ, какъ и всѣ дѣти, безконечно дорогъ отцу и онъ желалъ имѣть его около себя дома. А въ то же время, самъ онъ не имѣлъ возможности и

времени ухаживать за больнымъ. Просить же объ этомъ Лукерью Демьяновну, онъ и не рискнулъ бы, зная ея отношеніе къ Кирѣ. А больной мальчикъ такъ нуждался въ уходѣ и попеченіи...

Двѣ скупыя слезинки выкатились изъ глазъ священника и покатились по изможденному, страдальческому лицу.

Такъ былъ жалокъ отцу Паисію его бѣдный больной Киря! Все негодованіе, весь гнѣвъ, вполнѣ заслуженный мальчикомъ, исчезъ изъ груди у отца при видѣ больного сына.

— Въ больницу не отдамъ, а самому ухаживать не придется. Утромъ и вечеромъ служба церковная, днемъ требы... Ночью только... А днемъ-то кто ему бѣдняжкѣ лекарства подастъ, кто услужитъ ему, кто напоитъ водою?..—вырвалось вслухъ изъ груди отца Паисія и глаза его взглянули съ печалью на горѣвшаго въ жару Кирю.

Чья-то невысокая фигурка метнулась отъ двери и неслышно приблизилась къ священнику. Дѣтская худенькая рука легла на его руку.

— Не безпокойтесь, батюшка, Киря одинъ не останется, я за нимъ похожу. Я не боюсь заразы. И въ больницу его отвозить не придется,— прозвучалъ тихій голосъ. Это былъ Вася.

Отецъ Паисій живо обернулся къ мальчику и обнялъ его.

— Спасибо, родимый... Только береги себя, опасайся голыми руками прикасаться къ больному...

Дезинфекцію дѣлать надо, спиртомъ натираться, прежде чѣмъ къ нему подходить. Вѣдь если заболѣешь ты, Васюта, никогда ни прощу себѣ того, что разрѣшилъ ухаживать тебѣ за Кирей. Храни тебя Господь, мальчикъ мой милый! И отецъ Паисій благословилъ широкимъ крестомъ своего пріемыша.

Съ этого часа началась новая жизнь для Васи. Онъ, буквально, не отходилъ отъ постели больного. Безропотно вынося стоны и вопли, нестерпимо мучившагося Кири, онъ просиживалъ подлѣ него, не отводя глазъ съ краснаго, какъ кумачъ, обезображеннаго и вздутаго лица больного... Терпѣливо клалъ на темя больного промасленныя тряпки и давая лекарства по часамъ. А процессъ болѣзни все ускорялся и ускорялся къ худшему.

Киря уже не стоналъ, не жаловался, не капризничалъ больше. Онъ лежалъ пластомъ безъ движенія и дыханіе, со свистомъ вылетало изъ его груди. А по ночамъ, отецъ Паисій, присоединявшійся къ Васѣ, чтобы смѣнить его на нѣсколько часовъ, могъ слышать безсвязный бредъ и заплетающіяся рѣчи больного сына...

Вася находился тутъ же, несмотря на всѣ уговоры священника отдохнуть, выспаться до утра... Иногда онъ, обезсиленный, сваливался въ кресло и на часъ-другой, засыпалъ, какъ убитый.

Лукерья Демьяновна, Митинька и Маня всячески обходили „заразную“ комнату, гдѣ въ страшныхъ мукахъ терзался Киря. Они, боясь заразиться

и заболѣть, не ходили туда сами, не пускали и младшихъ дѣтей. Нѣсколько разъ Любочка порывалась навѣстить брата и всякій разъ Лукерья Демьяновна отводила ее отъ двери комнаты, гдѣ лежалъ больной.

— Отецъ тамъ, и ладно! Ему, какъ отцу, самъ Богъ велѣлъ няньчиться съ больнымъ. А если Василій заразится и умретъ, бѣда въ этомъ небольшая... Кому онъ нуженъ? Сирота круглый, Господь къ мѣсту только приберетъ, говорила она.

— А насъ отъ лишняго рта избавитъ, неправда-ли, тетушка?—не могъ не уколоть ее въ такихъ случаяхъ Митинька.

— А какъ этотъ лишній ротъ, забыли развѣ, не покладая рукъ на насъ работалъ? А услугу какую отцу оказалъ, отыскавъ деньги, а сейчасъ сколько пользы около больного Кири приноситъ?— вступилась за Васю и Маня.

Лукерья Демьяновна невольно смолкала на всѣ эти аргументы и прикусывала языкъ. За послѣднее время она сама стала убѣждаться понемногу, что Вася это— драгоцѣнное пріобрѣтеніе и находка для ихъ семьи. Теперь уже о лишнемъ ртѣ не было и рѣчи. Теперь Лукерья Демьяновна при встрѣчахъ и въ короткихъ неизбѣжныхъ разговорахъ съ мальчикомъ, была много ласковѣе и добрѣе къ нему. Впрочемъ, не одна Лукерья Демьяновна. И Митинька, и Маня совершенно иначе сейчасъ относились къ Васѣ... И они признали въ немъ добраго генія семьи.

Ночь... Весенняя ночь начала апрѣля. Ползутъ легкія сумрачныя тѣни по слободѣ, по кладбищу, по двору съ крошечнымъ полисадникомъ, окружающимъ домикъ священника. Гдѣ-то скользитъ высоко блѣдная, одинокая луна... Въ церковномъ домѣ тихо... Всѣ спятъ... Царитъ молчаніе въ крошечныхъ горницахъ. Отецъ Паисій, измученный за день исповѣдниками (идетъ седьмая недѣля Великаго поста), дремлетъ, обезсиленный въ креслѣ. Вася только что перемѣнилъ повязку на лицѣ Кири, намазавъ ее свѣжей мазью, только что далъ лекарство больному, которое онъ аккуратно даетъ по часамъ, помня завѣтъ доктора, что — только отъ тщательнаго, педантично-аккуратнаго леченія зависитъ спасеніе Кири, его слабо-теплющаяся жизнь, и теперь озабоченно склоняется надъ спящимъ или безчувственнымъ Кирею. Вотъ уже нѣсколько дней какъ будто, дыханіе Кири ровнѣе, лучше... И бредитъ онъ рѣже и лежитъ спокойнѣе... Не есть ли это отдаленный призракъ начала выздоровленія?— робко думаетъ Вася.

А блѣдная луна все скользитъ по небу. Заглядываетъ въ окно... Огонекъ лампады уступаетъ мѣсто ея слабому лучу, упавшему на обезображенное промасленной повязкой лицо больного. Вася наклоняется ниже къ этому бѣдному страшному лицу. И кажется ему, какъ будто глаза Кири, выглядывающіе черными точками сквозь отверстія бинтовъ, смотрятъ на него... А изо рта, оставлен-

наго тоже на свободѣ, вылетаютъ какіе-то слабые звуки.

— Кто тутъ?—слышитъ Вася хриповатый Киринъ голосъ.

Неожиданная волна радости захватываетъ мальчика... Киря заговорилъ, значитъ ему легче, пришелъ въ себя, значитъ выздоровѣетъ, значитъ будетъ жить Киря!—ликующимъ вихремъ мыслей пролетѣло въ головѣ Васи.

— Что тебѣ, милый, что?—нѣжно-нѣжно и ласково-ласково спросилъ онъ больного.

— Кто тутъ?—снова глухо сорвалось съ запекшихся Киринхъ губъ.

— Твой папаша и я. Мы оба. Усталъ папаша, задремалъ на полчасика... Я—съ тобою, я—Вася сейчасъ.

— Ты? Василій. Пить дай,—скорѣе угадалъ, нежели разслышалъ Вася.

Съ трогательной заботливостью приподнялъ онъ одной рукой обезображенную болѣзнью опухшую голову Кири, другою поднесъ стаканъ къ его запекшимся губамъ.

— Ты, что же это, давно торчишь здѣсь около меня?—вырвалось изъ запекшихся губъ больного.

— Да вотъ, пока ты боленъ...

— Давно я боленъ?

— Давно.

— Лучше мнѣ нынче. Самъ чувствую... А кто тебя заставилъ за мною ходить?

— Что?—не понялъ Вася.

Но больной уже не разслышалъ его вопроса. Киря снова впалъ въ забытье, или снова заснулъ.

— Легче и впрямь, поправляется, слава Тебѣ Господи; слава Тебѣ!—съ судорожной радостью мысленно произнесъ Вася.—Ишь и потѣть даже началъ.

Онъ самъ не могъ вспомнить потомъ, какъ забылся въ эту ночь.

Какъ камень на дно, упалъ Вася словно въ какую-то темную пропасть. Спалъ онъ крѣпко, облегчающимъ тѣло бодрымъ сномъ. И проснулся вдругъ, сразу, отъ легкаго прикосновенія къ своей рукѣ, свѣсившейся съ ручки кресла.

Уже свѣтало. Весеннее утро пробивалось въ комнату. Отецъ Паисій уже ушелъ къ ранней обѣднѣ пріобщать вчерашнихъ исповѣдниковъ.

Былъ Великій Четвергъ. Все это сразу промчалось зарницей сознанія въ головѣ Васи и онъ открылъ глаза.

На него въ упоръ глядѣли два черныя лихорадочно блестящія отверстія глазъ Кири среди бѣлыхъ повязокъ и бинтовъ. Глядѣли, не отрываясь, въ то время, какъ исхудавшая до неузнаваемости рука больного лежала на рукѣ Васи.

— Что ты, родимый, что ты?—такъ и встрепенулся тотъ.—Нужно тебѣ, что? Пить, что-ли, хочешь? Но Киря молчалъ. И только все смотрѣлъ и смотрѣлъ на Васю такими ищущими, такими спрашивающими глазами. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно

сверкнули двѣ слезинки въ этихъ черныхъ, блестящихъ глазахъ и смочили повязку.

— Вася, — вырвалось такъ же неожиданно, какъ и слезы у больного. — Вася... я вѣдь знаю... я помню... какъ открывалъ глаза, ты все около... не отходилъ отъ меня... няньчился... Папашу да тебя помню у своей постели... Папаша-то, отецъ родной... Понятно, что няньчился... А ты-то?.. Вѣдь я тебѣ не мало горя доставилъ, Вася... Побили вѣдь тебя за меня... Степку и Ваньку это я подговорилъ вѣдь... Страсть золъ былъ на тебя за Навохудоносора... Свинья былъ... негодяй... А ты-то!.. Божья душа, чѣмъ ты отплатилъ мнѣ, Василій!—тутъ запекшійся ротъ Кири искривился судорожной гримасой, а изъ черныхъ отверстій бѣлой маски снова брызнули слезы, — цѣлый потокъ слезъ.

Киря рыдалъ теперь неудержимо, сжимая худенькою рукою пальцы Васи... Рыдалъ, содрогаясь всѣмъ своимъ измученнымъ за дни ужаснаго недуга тѣломъ.

— Что ты, родимый, что ты, Господь съ тобою, перестань, заболѣешь хуже! — склоняясь надъ нимъ, обнимая его и гладя его худенькія трепещущія плечи, лепеталъ Вася.

— Прости, прости!.. — только и слышалось въ отвѣтъ. Наконецъ, Васѣ удалось кое-какъ успокоить больного. Киря, истерзанный слезами и слабостью, съ упавшими нервами, заснулъ,—забылся снова.

Съ этой ночи началось медленное, но вѣрное, выздоровленіе мальчика. А черезъ двѣ недѣли, едва державшійся на ногахъ отъ слабости, Киря бродилъ по комнатѣ, опираясь на руку Васи...

Надо-ли добавлять, что самая тѣсная, самая безкорыстная дружба установилась между обоими мальчиками. Болѣзнь, перенесенная Кирей, самымъ благодѣтельнымъ образомъ повліяла и на его душевное настроеніе. Великодушіе Васи, его самоотверженный уходъ за нимъ, больнымъ и слабымъ, заставило желать Кирю хоть нѣсколько, хоть чуточку, походить на своего новаго друга. Онъ сталъ подражать ему во всемъ. Сталъ прислушиваться къ его мнѣнію, принимать его совѣты.

И учиться сталъ лучше Киря. Они занимались теперь сидя вмѣстѣ съ Васей, готовили уроки, читали, гуляли вдвоемъ въ свободное время. И работать дома по хозяйству не менѣе Васи, сталъ Киря.

Отецъ Паисій, Лукерья Демьяновна, Митинька и младшія дѣти не могли надивиться на него.

— Подмѣнили нашего Кирю. Узнать нельзя мальчика,—радовались домашніе.

Въ училищѣ никто уже не задѣвалъ Кирю, не издѣвался надъ нимъ. Тяжелая-ли болѣзнь, перенесенная мальчикомъ, или успѣхи въ наукахъ, или заступничество и дружба Васи возымѣли свое дѣйствіе, но школьники не трогали больше мальчика. Впрочемъ, онъ не долго оставался здѣсь въ училищѣ.

Черезъ полгода послѣ болѣзни Кири, получилъ новое назначеніе въ другой городъ отецъ Паисій и уѣхалъ туда изъ Марьинской со всей семьею. Уѣзжалъ съ ними Вася, увозя съ собою въ ладонкѣ горсть земли и нѣсколько травинокъ съ могилы матери.

Въ новомъ городѣ была гимназія, куда отецъ Паисій и отдалъ сыновей и Васю.

Дружба мальчиковъ росла и крѣпла съ каждымъ днемъ, какъ росла и крѣпла привязанность всей семьи Волынскихъ къ пріемышу.

Теперь даже уже, со стороны Лукерьи Демьяновны о лишнемъ ртѣ не было и помину. „Лишній ротъ“ превратился въ добраго друга семьи, въ человѣка необходимаго, нужнаго, дорогого...

И Вася, послѣ долгаго времени тоски и одиночества послѣ смерти матери, почувствовалъ себя снова дома, въ родной семьѣ, гдѣ его любили, гдѣ его цѣнили и считали роднымъ, близкимъ и своимъ.

Однако только не понялъ мальчикъ, не понялъ того, что онъ самъ былъ обязанъ своему счастью, самъ завоевалъ, упрочилъ и достигъ его...

Врожденная скромность Васи не позволила приписывать себѣ какія бы то ни было достоинства и все свое благополучіе онъ относилъ къ великодушію своего благодѣтеля отца Паисія и его семьи...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Генеральская дочка.

стр.

Глава I 5
Глава II 11
Глава III 19
Глава IV 27
Глава V 35
Глава VI 43
Глава VII 53
Глава VIII 63
Глава IX 71
Глава X 81
Глава XI 98
Глава XII 107
Заключеніе 114

Лишній ротъ.

Глава I 120
Глава II 131
Глава III 146
Глава IV 158
Глава V 165
Глава VI 180
Глава VII 193

П. 1955 г.
Акт РК-2926

ГПБ Русский фонд
37.65.2.23